Владимир Семенко

Как разрушают Церковь

Москва
Домострой
2009

УДК
ББК Э 86

Владимир Семенко. **Как разрушают Церковь**.
М.: Домострой, 2009. 320 с.

В книге известного православного ученого и публициста В.П. Семенко, подводящей своего рода итог его изысканиям последних лет, исследуется феномен либеральных и модернистских течений в современной Православной Церкви, главным образом на примере РПЦ, показывается их родственность аналогичным явлениям в других христианских конфессиях, анализируются ложные реформистские взгляды целого ряда представителей этих течений, стремящихся навязать их церковной полноте, демонстрируется опасность церковного реформизма, подрывающего основы православной традиции, для самого существования Церкви как института. Критическому анализу подвергаются воззрения таких представителей современного церковного модернизма, как игумен Петр (Мещеринов), священник Георгий Кочетков, протодиакон Андрей Кураев и др. Автор выступает со строго консервативных позиций, основанных на Священном Писании и Священном Предании, великой духовной и богословской святоотеческой традиции. Глубина системного анализа сочетается в книге с публицистической яркостью и полемической формой изложения.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-88060-201-X

© Владимир Семенко

Предисловие автора

Эта книга родилась не совсем обычным путем. Проблема церковного модернизма интересовала меня давно, но никогда не была основной и доминирующей как для исследователя и писателя, каким-то там «делом жизни» или чем-то подобным. Пройдя «свои университеты» на подпольных и полуподпольных христианских семинарах 80-х, а также в научно-академической среде, поневоле всякую тему воспринимаешь как предмет для спокойно-аналитических и концептуальных размышлений, конечно же, невозможных без идеи служения, — служения таким ценностям, которые сам человек неизбежно мыслит высшими по отношению к себе самому. Поэтому все свои старые публикации на эту, как и другие, темы я воспринимал не более чем такое размышление, пусть даже и окрашенное порой в некоторые публицистические, эмоционально-оценочные тона. Ничего глобального — просто еще одна тема для эссе. Все это воспринималось как нечто проходное, как некое дополнение к основным, по большей части вполне рутинным занятиям.

Но вот, когда вышла статья «Призрак Второго Ватикана», в свое время отвлекшая от более интересных и, так сказать, интеллектуально возвышенных тем, что-то новое вдруг почудилось в нашей церковно-политической атмосфере, какие-то небывалые вихри, не вполне знакомые нам, с нашим старомодным воспитанием и по-

нятием о чести, вдруг закружились вокруг, казалось бы, проходной и несколько «боковой» темы. Неожиданно оказалось, что невольно, совершенно к тому не стремясь, мне довелось разбудить какие-то скрытые, подспудные силы, как внутри институции РПЦ, так и вне ее, которые вдруг яростно, с применением всех мыслимых и немыслимых запрещенных приемов, абсолютно не комплексуя по поводу «порядочности», само собой подразумеваемой в приличной среде, обрушились на саму идею как-то исследовать церковный и околоцерковный модернизм. Яростный накат был таким, что пришлось присмотреться повнимательнее к теме, в которой некоторые ныне уже объявляют меня «специалистом». Последовали другие публикации, вызвавшие со стороны, как выяснилось, необычайно заинтересованных в теме лиц неконтролируемый всплеск еще большей ярости. Стало ясно, что попадание в «десятку», которое мне вдруг невольно удалось, есть немалая творческая удача и в то же время таит в себе целый клубок проблем. В частности, не вполне понятно было, как реагировать на поток беспардонной лжи, вдруг обрушившийся на меня и моих друзей. Можно разок-другой ответить предельно жестко, но постоянно увлекаться этим — не значит ли принижать себя, ставить на одну доску с бессовестными клеветниками и интриганами?

Итогом было, в частности, то, что целый ряд других исследователей и публицистов обратились к этой, во многом новой для себя теме, — и сколько же «открытий чудных» ожидало нас на этом пути! Теперь уже вполне ясно, что проект «модернизации» РПЦ — вполне внешний, и корни его ведут за рубеж, но реализуется он руками некоторых людей внутри самого института Церкви. В работе «Как разрушают Церковь», давшей название всей книге, вкратце показано, что в указанном контексте следует говорить, во-первых, об определенных международных структурах, которые очень беспокоит возрождение Православия в России, во-вторых, о сращенных с ними и имеющих свой вполне практический интерес некоторых российских госчиновниках и, в-тре-

тьих, о собственно церковных реформаторах-модернистах, часто работающих не столько ради корысти, сколько просто «за идею». При этом оптимистичные заявления о «миссии» и «сильной Церкви» сопровождаются последовательным демонтажом тех ключевых проектов, которые могли бы не на словах, а на деле послужить реальной проповеди Слова Божия и распространению христианских знаний в России. Так, сейчас на фоне мощного патриархийного «пиара» демонтируется преподавание «Основ православной культуры» в светской школе, которое на протяжении ряда лет худо-бедно шло в регионах; на очереди — ликвидация сложившейся системы церковных детских приютов. Смешение Церкви с «міром», приспособление к нему (оправдываемое «миссионерскими» целями) сопровождается тем, что у Церкви постепенно отнимаются реальные рычаги воздействия на этот самый мір. Демонстрация «миссионерского наступления» и сближения Церкви с государством сопровождается вытеснением ее даже из тех сфер жизни, которые как-то осваивались ею с конца 80-х годов, не говоря уже об усилении обмірщения самой церковной институции. Дух міра усиленно проникает в саму Церковь, и «соль», вместо того чтобы «осаливать» мір, стремительно теряет силу. Эти процессы грозят не то чтобы затормозить «православное возрождение», но просто взорвать, уничтожить его изнутри. Весьма реальна угроза того, что РПЦ в итоге повторит путь римо-католиков, став жертвой тех же угроз, которые в свое время емко резюмировал один из мудрейших представителей католического мира: «*Опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь*».

Эта книга — попытка диагноза и в чем-то самооправдания. Даже если правы те, кто, глядя на пресловутую «современность» духовным взором, склонен воспринимать сегодняшний мір преимущественно в апокалиптических тонах, это же отнюдь не значит, что примирение со злом — единственный выход! Если Суд близок и, по

словам великого подвижника наших дней отца Серафима (Роуза), «сейчас позже, чем мы думаем», то тем паче помимо личного покаяния — нужно сделать все, что в наших силах, чтобы остановить апостасийное скольжение в бездну. Когда сами предстанем перед Судом — неплохо бы иметь доказательство того, что мы сделали все, что могли, будучи просто не в силах сделать больше.

И в заключение — некоторые слова благодарности тем, кто сыграл неоценимую роль в издании книги и в ее подготовке. Прежде всего не могу не вспомнить незабвенной памяти дорогого друга, столь безвременно ушедшего от нас, — *Владимира Леонидовича Махнача*, чьи проникновенные беседы, в том числе и в последние годы его подвижнической жизни, были столь важны для меня в моей работе. Было бы несправедливым не помянуть самым добрым словом руководителей Православного информационного агентства «Русская линия» *Сергея Михайловича Григорьева* и *Анатолия Дмитриевича Степанова*, на чьем интернет-портале впервые увидели свет многие статьи, в переработанном виде вошедшие в книгу. Приношу также самую сердечную благодарность редактору *Валентине Борисовне Захаровой*, чьи необычайно ценные и высокопрофессиональные замечания были огромным подспорьем при подготовке текста к печати. Не могу не вспомнить и от всего сердца не поблагодарить тех, чьим попечением стало возможно само издание, — *рабов Божиих Владимира и Людмилу*, отныне навсегда занесенных в личное поминание. И, наконец, я не могу не сознавать, что мои скромные усилия остались бы ничем без духовной поддержки усердных молитвенников, неведомых суетному миру, но ведомых Тому, Чьим всеблагим промышлением наш труд во славу Его не остается втуне. Русь жива именно такими людьми, и, пока существует эта молитвенная связь между нами и Творцом всего, в том числе и молитвы, — жива и земная Церковь, несущая в себе дарованную Им благодать Церкви Небесной — и всякий «модернизм» и «реформаторство» «от ветра головы своея» не могут не остаться тщетны.

Призрак Второго Ватикана

Куда движется РПЦ?

> Я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада. И из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою.
>
> *Деян. 20, 29–30*

> Опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь.
>
> *Папа Пий X*

Все-таки быстро летит время! Кажется, еще недавно кто-то писал, что *ныне* время христианского подполья начала 80-х воспринимается почти что уже как легендарное; нынешней приходской молодежи нужно, так сказать, с начала объяснять, что такое христианский андеграунд со всеми специфическими проблемами того времени. И вот уже сама эта сравнительно недавняя эпоха, романтическое время надежд и церковного возрождения начала 90-х, осознается как ушедшее, как неповторимый момент наивности, чистоты и энтузиазма.

Однако раз уж «позиционируешь» себя как аналитик, надо соответствовать, а не впадать в лиризм. Всем мыслящим церковным людям вполне понятно, что сейчас мы стоим перед лицом какого-то нового времени, что перемены рано или поздно коснутся нашей безмятежности (у кого она есть), происходящей от пребывания в наших новых приходах-оазисах, и перемены эти отнюдь не во всем хороши. Надо разобраться, какие проблемы из числа стоящих перед Церковью — новые, а какие тянутся из прошлого, что с этими проблемами делать и что реально делается всеми нами, а в особенности теми, кто по самой природе своего служения призван к управлению земной Церковью. Ясно ведь, что что-то происходит, и это «что-то» более чем далеко отстоит от безмятежности и, так сказать, «уверенности в себе», которой наполнены журналы заседаний Синода. В самом понимании существа этого «чего-то», то есть неизбежных в реальном мире процессов развития церковной институции и Церкви как общины, наличествуют весьма серьезные расхождения.

В последнее время даже во вполне церковно-консервативной среде порой приходится слышать суждения, сводящиеся к тому, что либеральную опасность в Церкви в наше время не стоит принимать всерьез (она-де давно в прошлом), что главная опасность, опасность раскола, исходит ныне «справа», из среды «фундаменталистов» и т.п. маргинальных групп. Не станем подозревать худшее, то есть кем-то заказанный характер этого формируемого «мнения». Разберем суждение по существу, так сказать, беспристрастно-аналитически. Во-первых: куда делись те церковные либералы, которые когда-то для кого-то представляли проблему? Всякий, кто владеет информацией, хорошо знает, что они никуда не делись, и даже число их умножилось, а активность усилилась! Вот, например, отец Георгий Кочетков. Человек вроде как за штатом, но число его так называемых «общин» «как песок морской» умножается, и даже уже не только

по России, печатные издания регулярно выходят, и на отличной бумаге, учебные заведения успешно функционируют, а каждый, кто взял себе за труд посетить богослужение в Новодевичьем монастыре в Москве, может засвидетельствовать, что этот заштатный клирик чувствует там себя вполне уверенно и по-хозяйски. (Желающие могут ознакомиться с бурной и многообразной деятельностью кочетковских структур на сайте так называемого **«Свято-Филаретовского института»**. См.: http://www.sfi.ru.) Вместе с тем никакого публичного отречения от своих вполне еретических воззрений типа отрицания бессмертия души или сомнительности непорочного зачатия у данного священника вроде как не наблюдается. (Об этом много и выразительно писал в свое время журнал «Благодатный огонь».) Или, например, отец Александр Борисов. Вполне комфортно чувствует себя человек на старом месте, и никому особо не интересен факт нарушения им канонической дисциплины — совместных храмовых молитв с католиками (конкретно — с архиепископом Тадеушем Кондрусевичем) на отпевании недавно почившего клирика его храма священника Георгия Чистякова. То же самое можно сказать и, к примеру, о священнике Владимире Лапшине, практикующем у себя в храме регулярные экуменические молебны с так называемой «общиной Тезе», протоиерее Георгии Митрофанове, с его воинствующей русофобией и совершенно одиозными высказываниями о некоторых моральных проблемах и почитаемых святых, и ряде других. Я уже не говорю о совершенно одиозных сочинениях и деятельности игумена Петра (Мещеринова), занимающего высокую административную должность в Патриархии. (К нему в этой книге мы еще не раз обратимся.)

Но всем этим отнюдь не исчерпывается проблема! Кто, когда из числа «православных аналитиков» говорил о том, **какого духа и каких убеждений люди** занимают не всегда заметные **должности среднего звена**

некоторых синодальных отделов и их епархиальных аналогов, в каком духе и направлении ведется **обучение и воспитание будущих молодых священников в целом ряде семинарий**? Вполне честные и искренние православные люди (как клирики, так и миряне) уверенно свидетельствуют, что дух и направления эти ***не просто либеральные, а одиозно-либеральные, полные презрения и насмешки по отношению к тому, что именуют «традиционным Православием»***! Откуда взялось это **системное заражение** церковных кадров и внутриконфессионального образования в нашей Церкви радикальным либерализмом? Уверены ли члены Синода, что они точно знают, в каком именно направлении развивается реформа семинарского и академического образования в РПЦ, столь буднично-безмятежно благословленная на одном из заседаний? Или все тонко и неуловимо искажается на уровне пресловутого «среднего звена»? Многие из тех, кто знает церковную жизнь изнутри, а отнюдь не понаслышке и обладает при этом достаточно независимым мышлением, уверенно утверждают: ***игумен Петр (Мещеринов) отнюдь не одинок, он озвучивает то, что готово стать церковным «мейнстримом»***. Поделюсь совсем эксклюзивной информацией: один очень известный функционер из числа «прицерковленной» обслуги в частном разговоре прямо заявил примерно следующее: «Что вы все так напрягаетесь по поводу этого Мещеринова? Лет через пятнадцать вся Церковь будет такая!»

Мой последний опыт общения с нашими церковными людьми (причем на разных уровнях иерархии, что немаловажно) вынуждает меня не согласиться с мнением о так называемом «фундаментализме» как главной опасности в РПЦ. Скорее, приходится сделать другой и крайне тревожный вывод: в ней есть достаточное число людей, набирающих вес и влияние, которых очень не устраивает, казалось бы, прочно свойственное умеренному консервативному большинству нашей Церкви

неприятие либерализма, стихийный традиционализм сознания. Эти люди, немногочисленные, но крепко и часто неформально сплоченные, имеющие серьезные связи на Западе (как в церковных, так и в государственных и общественных структурах), упорно готовят либеральную революцию, слом Церкви, аналогичный тому, который осуществили в Римско-католической церкви на Втором Ватиканском соборе.

Помимо вышеупомянутых этому есть целый ряд косвенных свидетельств. Так, в самое последнее время на уровне ключевых позиций среднего звена церковного управления и различных «рабочих групп» осуществлен, по-видимому, с внешней подачи, странно-синхронный ввод типовых менеджеров стандартно тридцатилетнего возраста, обладающих характерно запрограммированной манерой поведения (которую некоторые сравнивают даже с типовым поведением сектантов) и стандартно-либеральными взглядами, которые они уже сейчас пытаются весьма активно реализовать, причем сопровождается это не особо афишируемым притоком финансовых средств неизвестного происхождения. Средства эти (помимо финансирования самих менеджеров) тратятся на различные амбициозные проекты, подобные молодежно-миссионерскому центру, чье нововопостроенное здание внушительных размеров желающие могут наблюдать напротив Свято-Данилова монастыря. Есть и другие симптомы, о которых мы позволим себе пока умолчать. Суетливо-активная деятельность вышеозначенных менеджеров часто концентрируется вокруг так называемого «миссионерства» и шумных пиар-акций.

Предвосхищая наши дальнейшие выводы, скажем, что часто даже вполне продвинутые, развитые люди, отнюдь не относящиеся к числу зомби, в значительной степени все-таки поддаются промыванию мозгов, которое регулярно устраивают нам СМИ: того, о чем последние не пишут, вроде как и нет. Зато то, что привлекает

их внимание, автоматически воспринимается как главное, самое важное событие. (Например, нашумевшее **«Обращение» епископа Диомида и клириков Чукотско-Анадырской епархии**. К подробному анализу ситуации вокруг этого обращения мы еще обратимся.) Недавно один известный православный журналист, более того — руководитель одного из ведущих информационных ресурсов, с удивлением заметил, когда я заговорил о Кочеткове: «Как, он еще жив?» Имелось в виду, конечно же, не физическое существование отца Георгия Кочеткова, а его, так сказать, субъектность, само наличие активного действия. Для моего собеседника (который, в силу самой специфики его профессии, казалось бы, должен такую информацию тщательно отслеживать) явилось большим сюрпризом то, что изложено выше. Вот вам и «аналитическая журналистика»! Наивность, столь типичная для наших милейших патриотов.

Особый колорит и ни с чем не сравнимую выразительность вышеозначенной реальности придает то, что все эти, часто незаметные для поверхностного наблюдения процессы протекают на фоне события, в большей степени замеченного нашей православной общественностью. Имеем в виду выход на русском языке книги лидера движения католиков-традиционалистов **архиепископа Марселя Лефевра «Они предали Его»,** с блестящим предисловием выдающегося богослова и проповедника современности протоиерея Александра Шаргунова. Книга эта, по нашему глубокому убеждению, должна стать обязательным настольным чтением всех мыслящих православных людей, ибо содержит опыт людей христианской традиции, прошедших через либеральный обвал церкви (который у римо-католиков облегчался давней духовной и догматической поврежденностью западного христианства). В ней автор ссылается, в частности, на **энциклику папы Пия X «Pascendi» от 8 сентября 1907 года**, посвященную католическому модернизму. Цитата эта настолько выразительна и на-

столько подходит к нашей сегодняшней церковной ситуации, что мы не можем не привести ее целиком, лишь с небольшими купюрами.

«Особенно безотлагательно следует сказать о том, — пишет Пий X, — что ***изобретателей заблуждений сегодня бесполезно искать среди открытых врагов. Они скрываются — и это вселяет серьезнейшие опасения и тревогу — в самом лоне, в самом сердце Церкви,*** **будучи врагами тем более опасными оттого, что они действуют исподволь.** Мы говорим... о множестве мирских католиков и, что заслуживает особого сожаления, о священниках, которые, внешне любя Церковь и **будучи в высшей степени сведущими в серьезных философии и богословии, но при этом до самого мозга пронизанными ядом заблуждения, почерпнутым у противников католической веры, преподносят себя, вопреки всякой скромности, в качестве новаторов Церкви;** тесными рядами идут они на штурм всего наиболее священного в деле Иисуса Христа... Эти люди могут удивиться тому, что мы числим их среди врагов Церкви. Но никто, без сомнения, не удивится этому, если, оставив в стороне их намерения, суд которым вынесет Бог, внимательно изучит их доктрины, их манеру говорить и действовать. Без всякого сомнения, они — враги Церкви, и мы не отклонимся от истины, сказав, что у Церкви нет худших врагов. Ибо **не снаружи, как уже отмечалось, но изнутри они ведут свою разрушительную деятельность; опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь**». Характеризуя действия модернистов, папа Пий X говорит, что «они ставят перед собой задачу распространить заразу по всему дереву, стараясь не упустить из своих рук ни одну отрасль католической веры, но каждую из них подвергнуть методичному развращению. Когда они множеством путей претворяют в жизнь свой гибельный замысел, их тактика поражает степенью своего ковар-

ства и вероломства: они с таким изощренным искусством **смешивают в себе рационалистические и католические воззрения**, что им с легкостью удается обмануть малосведущие души. Опытные в дерзновениях, они не упускают ни одного последствия своих положений, но, напротив, с жаром внушают каждое из таковых... И поскольку **тактика модернистов... будучи поистине весьма коварной, состоит в том, чтобы никогда не излагать свои доктрины методически и во всей полноте, но в некотором роде распылять их отдельными фрагментами тут и там, что вселяет мысль об их изменчивости и неопределенности, тогда как они, напротив, исключительно тверды и последовательны, первостепенно важным... является представить эти доктрины в общем виде и показать скрепляющую их логическую связь...** Они (модернисты. — *В.С.*) верны своему пути; порицаемые и осуждаемые, **они всегда скрывают под маской повиновения безграничную дерзость. Они лицемерно преклоняют голову, в то время как всеми своими помыслами, всеми силами продолжают со все большей дерзостью претворять в жизнь намеченный план**. Этой задаче подчинена их воля и тактика; но, **считая, что нужно стимулировать власть, а не устранять ее, всячески стремясь удержаться внутри Церкви, чтобы постепенно подорвать и преобразовать оттуда общие воззрения, они тем самым невольно признают, что эти общие воззрения не заодно с ними и что они преподносят себя в качестве их выразителей против всякого права»**[1].

Говоря о действиях католических модернистов, архиепископ М.Лефевр прямо характеризует эти действия, которые были «увенчаны» Вторым Ватиканским собором, как «переворот», а их самих — как «модернистскую секту». Пусть вдумчивый православный читатель попытается приложить приводимые им слова папы Пия X к многочисленным сочинениям и активным действиям таких представителей нашего, «право-

славного», модернизма, как ныне заштатный священник Г.Кочетков или игумен Петр (Мещеринов) (этот ряд примеров, впрочем, может быть продолжен), и ему многое станет ясно. А разве не прямо о нынешних наших неообновленцах (среди которых достаточно и других известных в Церкви людей), с их бесконечными разговорами о том, как бы сделать богослужение полегче, покороче и попонятнее, как бы ослабить посты и духовную дисциплину, как бы сделать Церковь попривлекательнее для современников, с их обмирвщленным сознанием, сказаны такие слова:

«В течение двух с половиной столетий внутри Церкви отчаянно сражаются друг против друга два духовных направления — консервативное и либеральное». С одной стороны — консерваторы, «интегристы», для которых «первейшей заботой является **свобода действия Церкви и поддержка ее прав в обществе еще христианском».** С другой стороны — **либералы, которые «в первую очередь силятся определить меру Христианства, которую еще может выносить современное общество, чтобы затем попросить Церковь снизить эту меру**»[2].

Описывая эпопею Второго Ватикана, Лефевр подчеркивает, что изначально именно либералы были в Католической церкви безусловным и вполне маргинальным меньшинством, а большинство католиков отнюдь не разделяли их взглядов. Однако умелые и сплоченные действия, грамотное использование того, что сейчас назвали бы информационными технологиями, ставка на контроль над прессой и т.д. привели к тому, что собор пошел по указанному ими пути, а верные консерваторы, не поддавшиеся манипуляциям, оказались в меньшинстве и в конечном итоге стали формальными раскольниками (которых и повел за собой Лефевр, вступивший в решительную конфронтацию с папой).

«На этом соборе имел место заговор, **заговор подготавливался заранее в течение многих лет. Все было**

сделано для того, чтобы обсуждение отцов не было свободным, чтобы группки, нацеленные на разрушение Церкви, могли манипулировать епископами... Они (либералы — *В.С.*) знали, что они должны сделать и как они это сделают. Они знали, что после этого начнется. Все было подготовлено до мельчайших подробностей. Теперь мы умираем, видя успех этого заговора... Я решительно утверждаю, что **Собор осуществил поворот Церкви к миру. Я оставляю вам самим задуматься о том, кто был вдохновителем этой духовности...** Это был тот, кого Господь наш Иисус Христос называет князем мира сего»[3].

И вот теперь-то, после изложения всей этой достаточно простой, но в то же время весьма эффективной технологии, примененной католическими либералами на Втором Ватиканском соборе и при подготовке к нему, обратимся к тому событию, которое, по мнению многих, стало в каком-то смысле знаковым и переломным в новейшей истории нашей Церкви, — к пресловутому **«Обращению епископа Диомида»**. Охотно веря и соглашаясь, что сам владыка и его соратники — люди вполне искренние, выскажу все же для кого-то, быть может, спорную мысль, что данное «Обращение» и накрученный вокруг него клубок событий выгодны более всего внутрицерковным либералам, а отнюдь не тем, кто искренне ревнует о разрешении мнимых и подлинных проблем, в нем затронутых.

После выхода «Обращения» наша православная общественность в ее наиболее активной части разделилась на две группы: одни бросились объединяться под знаменами «Обращения», радуясь тому, что наконец-то обрели харизматического лидера «консервативного крыла» в Церкви (непонятно, с какой стати в Церкви должно быть какое-то «консервативное крыло» при том, что вся она по природе своей консервативна), другие же кинулись услужливо топтать владыку, позволяя себе совершенно хамский тон, думая этим угодить выс-

шему священноначалию. Нашлись при этом в нашей Церкви люди, которые разумно не сделали ни того, ни другого. Среди последних — известный богослов Юрий Максимов, давший взвешенный и спокойный ответ на «Обращение», содержащий его конструктивную богословскую критику, и авторы «Письма «Русской линии», сделавшие попытку развернуть дискуссию в спокойное и конструктивное русло вдумчивого, компетентного анализа внутрицерковных и внешних проблем, принципиально отличающееся от опасной эмоциональности и поверхностности «Обращения». Позитивного результата это письмо, однако, не принесло: второе «Обращение» клириков Чукотско-Анадырской епархии содержало уже прямой ультиматум священноначалию, состоящий из ряда, прямо скажем, местами довольно нелепых пунктов. (Что лишь подтверждает достаточно очевидную мысль, что с этим «Обращением» все далеко не просто.) Надо отдать должное и синодалам: они проявили завидное трезвомыслие и не порадовали различных антицерковных провокаторов, подталкивавших их к дисциплинарным репрессиям[4].

Не претендуя на всесторонний анализ ситуации вокруг «Обращения», все же позволим себе решительное и однозначное утверждение: искренних «подписантов» и «болельщиков» (помня, впрочем, известную поговорку «Простота хуже воровства») следует принципиально отделять от многослойного провокативного «флера», окружающего этот странный и многострадальный документ. Ряд наблюдателей уже обращали внимание на то, что либеральные антицерковные СМИ, которые, по идее, должны бы воспринимать владыку Диомида как своего злейшего врага, устроили настоящий ритуальный танец вокруг «Обращения», радуясь тому, что наконец-то в Церкви «началась дискуссия» (!). В чем же причина этой столь неуемной радости? Ведь если «Обращение» всерьез угрожает позициям «либеральных христиан», то чего бы им так радоваться?

На наш взгляд, причина этого вполне очевидна: подобно пресловутому **«Письму пятисот»**, которое своим поверхностным радикализмом реально закрывало становящуюся все более актуальной еврейскую тему, делая все менее возможным ее конструктивное, аналитическое обсуждение (хотя сам автор и «подписанты» считали, что они ее, напротив, открывают), «Обращение» является серьезным фактором, в значительной степени маргинализирующим нормальный церковный консерватизм (являющийся, повторяем, достоянием самой природы Церкви) и осложняющим серьезное, аналитическое обсуждение тех самых проблем, которые так волнуют его авторов. Эмоциональный крик, доносящийся с Чукотки, — это ***фальстарт, болезненная и не во всем адекватная реакция на вполне реальный процесс***: **проникновение мирского духа внутрь земной Церкви**, попытка выразить доступными и понятными словами тревогу «простых людей» по поводу того, что с нашей Церковью происходит что-то «не то», что-то таящее в себе угрозу либерального «ревизионизма», о котором Лефевр говорит как о стремлении принудить Церковь «снизить меру христианства», которую она предлагает миру. Только не надо сразу искать здесь «агентов»! Сработавшую здесь технологию я подробно описал в своей статье февраля — апреля 2005 года «Анатомии провокации»[5], вызвавшей столь эмоциональную реакцию некоторых «патриотов». Технология эта отнюдь не сводится к «агентуре», а называется «управление по тенденциям»: **искренние люди сделают все сами, требуется только *слегка подтолкнуть* их в нужное время и в нужном месте.**

Помнится, один из известных фигурантов «либерально-христианского» движения в РПЦ как-то проговорился на одном форуме: хорошо бы, говорит, небольшой раскольчик в нашей Церкви устроить... Что имелось в виду? По-моему, ясно, что это именно то, на что **объективно, по результату (отнюдь не с точки**

зрения субъективных намерений искренних «ревнителей»!) нацелено «Обращение». Результат этот в высшей степени выгоден «либеральным христианам», ибо сводится **к выталкиванию в маргинальное русло «фундаменталистского “крыла”» (то есть, по сути, — резервации!) здорового умеренно-консервативного большинства, которое на сегодняшний день все еще составляет церковный «мейнстрим»!** «Обращение» (особенно в его втором, ультимативном, варианте) — просто подарок для либералов, ибо в нем верное смешано с неверным, указание на реальные проблемы «дополняется» видением вполне искаженным, попытка говорить на важные богословские темы сочетается с крайне низким богословским уровнем всего рассуждения. В «Обращении», кроме того, **порочен сам метод, сам принципиальный подход; в нем, при всей резкости, как бы изначально заложена сугубо оборонительная, маргинальная и потому заведомо проигрышная тактика**, типичная для деятелей, подобных гг. Назарову, Душенову и К°: если вся Церковь, церковная институция как таковая заведомо объявляется ***уже*** фактически отступнической, еретической и попавшей в руки «врагов», то «нам» не остается ничего иного, кроме как уходить в подполье. А это по-другому и называется «гетто», или резервация! При всей резкости и самоуверенности тона второго «Письма епископа Диомида» духом уныния и какого-то изначального пораженчества веет от «Обращения»...

Процесс, запускаемый этим документом, крайне зловещ и деструктивен, это путь, ведущий нас к тупику: чем больше консерваторов (то есть, попросту говоря, нормальных православных людей, живущих в церковной Традиции) будет воспринимать ситуацию на уровне и в терминах «Обращения», тем в большей степени будет маргинализироваться консерватизм, а либералы будут захватывать магистральное русло, вытесняя нас в «фундаменталистскую» резервацию, цепляясь при этом к слабым местам и многочисленным богословским

«самоподставам» и несуразностям «Обращения». Собственно, так они уже и поступают, накручивая постоянную истерику (по своей силе несоизмеримую с остротой и значимостью проблемы) вокруг тех немногочисленных людей в нашей Церкви, которые призывают к канонизации царя Ивана Грозного и Григория Распутина, представляя этих людей в виде угрозы страшной разрушительной силы. Борьба с «канонизацией Распутина» неуловимо трансформируется в ушат грязи, который выливается на святых царственных мучеников: см. пресловутое «Приложение» к докладу митрополита Ювеналия. Приложение это называется, если не ошибаюсь, «Царская семья и Распутин». Интересно, кто его реальный автор?

Все вышеизложенное вынуждает сделать несколько вполне очевидных выводов. Во-первых, есть вещи, которые, безусловно, следует понять нашим владыкам, представителям высшего клира, носителям церковной власти. **Тактика «замыливания», столь типичная для членов Синода, оказалась идеальной в ситуации уже разгоревшегося скандала, но она не может до бесконечности применяться в решении реально стоящих перед нашей Церковью проблем.** Еще в моем старом эссе **«Преждевременный триумфализм»** (см. «НГ-Религии» от 25.07.2001) мне уже приходилось писать, что игнорировать проблемы, делать вид, что их нет, ничего не делать, надеясь, что все как-то рассосется само собой, — плохой способ решения этих самых проблем, плохая политика. «Динамитное» обращение Диомида — довольно слабый документ, но почему затронутые в нем и многие другие проблемы не решаются системно, организованно, на высоком богословском уровне, без того налета нервной маргинальности, который свойствен «Обращению»? Почему до сих пор вся экспертно-аналитическая работа в нашей Церкви ведется от случая к случаю, будучи привязанной к сугубо конкретным задачам, а не на регулярной основе? В Ватикане существует целая

Папская академия наук, — почему у нас не существует даже маленького института? Нет денег? Но на помпезные приемы и дорогие лимузины они как-то находятся! После выхода «Обращения» г-н Назаров (не имеющий к нашей Церкви никакого канонического отношения) открыл на своем сайте сбор подписей за проведение Поместного Собора. Что следует делать в свете этого? Опять ничего или все же стоит запустить какой-то альтернативный процесс?

Совершенно понятно, что идея Поместного собора, занимающая многих, будучи реализованной, грозит трансформироваться в нечто совсем другое, если не сказать прямо противоположное — в разрушительный «Первый съезд народных депутатов» в РПЦ, чего кое-кто и добивается. К примеру, те многочисленные монастыри, которые были организованы на местах по «разнарядке» Синода и по указанию тамошних преосвященных, могут выставить на этот собор таких делегатов, на фоне которых «Обращение» Диомида покажется образцом умеренности и высокого богословия[6]. С другой стороны, невозможно не признавать тот факт, что высшее священноначалие, с одной стороны, и простые священники и миряне, с другой, продолжают жить «параллельной жизнью», никак не соприкасаясь друг с другом. Как можно решать многочисленные внутренние и внешние проблемы нашей Церкви в духе и русле соборности, не впадая при этом в «демократический» соблазн?

Думается, что если стремиться сделать процесс подконтрольным и при этом сохранить ту меру свободы, без которой никакое позитивное действие в Церкви невозможно, то вполне можно было бы для начала создать **ряд комиссий Предсоборного присутствия** (на основе формально существующих синодальных комиссий), которые могли бы действовать достаточно долго и в чью задачу входила бы подготовка взвешенных и компетентных решений по целому ряду объективно су-

ществующих проблем. Эти комиссии могли бы включать как постоянный состав экспертов — клириков и мирян, так и использовать отчасти уже существующую практику привлечения более широкого круга специалистов для всесторонней «обкатки» готовящихся документов, которые, по идее, могли бы стать основой для практических действий. Такая организация всей работы позволила бы востребовать тот интеллектуальный и профессиональный ресурс, который в немалой степени существует в Церкви и который, увы, пока еще не в полной мере востребован. При этом следует уделять особое внимание блокированию влияния либерального лобби, которое сейчас стремится действовать в большей степени кулуарно, нежели в традиционном «громком» стиле, свойственном наиболее одиозным его представителям.

Думается, вполне ясно, что практическое решение проблем Церкви не сводится к написанию каких-то, пусть и вполне правильных, официальных документов. Однако не менее ясно и то, что без должной организации экспертно-аналитической работы[7], приобретающей в условиях современного мира все большее значение, конструктивное движение вперед, ответ на те проблемы, которые этот мир ставит перед нами, никак невозможно.

С другой стороны, умеренно-консервативное большинство нашей Церкви, те, кто порой вполне самоотверженно и продуктивно трудится на, так сказать, низовом уровне, на уровне малых, приходских общин, должно осознать: до бесконечности отсиживаться в наших приходах-оазисах, в которых нам порой так хорошо, так комфортно и уютно, упорно игнорируя существование «всего остального», «большого» мира, простирающегося за церковной оградой, конечно же, не удастся. Необходимо избавиться от «оборонного» сознания, от психологии добровольных обитателей православного гетто и заново осознать истину, возвещенную Христом: люди Церкви в мире — «закваска», а не изгои, и если мы от-

кажемся от этого «внешнего» вектора, от нашей миссии приведения всего «внешнего» к уровню Церкви (а не опускания Церкви до уровня «мира»), это будет означать наше безусловное поражение, то, что мы оказались недостойны той великой миссии, которую возложил на нас Господь.

Примечания

[1] Цит. по кн.: *Архиепископ Марсель Лефевр*. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 220–222.

[2] Указ. соч. С. 10–11.

[3] Указ. соч. С. 20–21.

[4] Анализ дальнейших событий вокруг мятежного епископа и его «Обращения» см. в главе «Качели. Политтехнологии и Церковь в "деле Диомида"».

[5] См. в сб.: Анатомия провокации. М., Бост-К, 2005.

[6] Дальнейшее развитие событий показало, что данное опасение было слишком наивным. При выборах делегатов на Поместный собор 2009 года мужским монастырям вообще не дали провести свой монашеский съезд, и делегатами Собора стали лишь монашествующие — представители епархий! Таким образом, права мужских монастырей, зафиксированные в Уставе Церкви, оказались грубо нарушенными!

[7] Наблюдая за церковно-политическими событиями сегодня, спустя два года после первой публикации этого текста, поневоле убеждаешься в действенности печатного слова. Предсоборное присутствие создано (и даже как Межсоборное), и наряду с ним сформирована даже целая «Ассоциация православных экспертов» (АПЭ) во главе не с кем-нибудь, а с К.Фроловым, человеком, мягко говоря, одиозным и неадекватным. Последнее очень хорошо известно кураторам всего процесса, и тогда, стало быть, какова же цель? Вот вам и «экспертиза», вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Наши новые миссионеры

Ересиархи — не вредители.
Они просто миссионеры.

Диакон Андрей Кураев[1]

Появление статьи «Призрак Второго Ватикана» наделало много шуму. Честно говоря, меня сильно порадовало, что поддержка и понимание изложенной в ней позиции оказались даже выше, чем я ожидал. Среди читателей нашлось немало таких, кто понял мою мысль вполне адекватно. Я получил немало писем, авторы которых, часто весьма известные и уважаемые в нашей Церкви люди, выражали мне полную поддержку и снабжали новыми фактами, ранее мне неизвестными, которые стопроцентно подтверждают правильность мысли о системном либеральном заговоре в недрах самой институции РПЦ, которая высказана в статье. Спасибо им за это!

Однако даже и у вполне искренних и очевидным образом честных православных людей присутствует порой непонимание некоторых основных, аксиоматических положений. Например, говорят, что «либерализм — консерватизм» и т.д. — это якобы чисто политическая терминология, которую нельзя применять к церковным проблемам. Это, право же, странно: вот Лефевр целую книгу об этом написал, есть и другие известнейшие авторы, в том числе и православные, есть масса современной литературы, а некоторым все равно непонятно! Поскольку в данном случае это не является нашей основной темой, отвечу кратко. Все различие заключается в понимании свободы. **Для либерала свобода — это отсутствие внешних препятствий для реализации моего хотения**; **то, что я хочу, не может и не должно иметь никаких ограничений; свобода в этом случае равна своеволию.** Здесь **самореализация личности**, понятой как самодовлеющий индивид, в отрыве от какой-либо духовной или родовой общности, осуществляется **вне**

понятия греха; никакого греха для этого мировоззрения просто не существует. С христианской же точки зрения **свобода есть пребывание в Боге**; ***самореализация личности возможна лишь в русле правильного («православного») богообщения*; свобода вне Бога есть свобода иллюзорная, ибо она есть рабство греху**. Думается, из вышесказанного вполне понятно, что в каждом из нас сидит эта греховная либеральная скверна, это противление Богу, и разделение проходит не между теми, в ком она есть, и теми, в ком ее нет, а между теми, кто, ***более или менее сознательно***, делает этот либерализм основой своего мировоззрения и практической деятельности, и теми, кто, осознавая его как нечто принципиально чуждое нашей вере, пытается его изжить, как, в первую очередь, в самом себе, так и в обществе.

Однако, наряду с искренним непониманием дружественно расположенных и в целом вполне понимающих основную интенцию работы людей, пришлось, разумеется, столкнуться и с обычными «полемическими» приемами либералов: откровенным шулерством, передергиваниями и беззастенчивой ложью. Чего стоит утверждение О. Куровой-Гумановой (она же Самурфила), сделанное на ее странице в «Живом журнале», о том, что я якобы «зову народ в ИПЦ». Эти люди, по свойственной им традиции, сами себя разоблачают, ибо **делают именно то, о чем я и написал в предыдущей главе: самым наглым, беспардонным образом пытаются выталкивать нас в раскол,** с подачи своих кураторов объявляя самих себя, без всякого на то права, так сказать, знаковыми, основными представителями канонической Церкви!

Не желая опускаться до опровержения всей остальной, весьма однообразной, клеветы в наш адрес и в адрес наших единомышленников и друзей, которой наполнились Интернет и печатная «православная» пресса[2], попробуем поразмышлять о той крайне важной проблеме, которой, как щитом, постоянно прикрываются

сторонники либерального пути, без всяких на то оснований, опять же, пытаясь «приватизировать» эту тему, — **проблеме православного миссионерства**. Каждый, кто читал работу о «Втором Ватикане» и объективно настроен, прекрасно понимает, что никакого отрицания самой необходимости миссионерства в Церкви, по природе своей нацеленной на духовное завоевание всего мира, там, конечно же, нет. Подобного рода мысль — либо порождение просто уже больного, маниакального сознания, полного навязчивых идей, либо уж слишком наглая передержка. В статье говорится лишь о том, что вокруг этой темы много спекуляций. Потому и употребляется выражение «так называемое миссионерство». Каким же должно быть правильное, православное понимание миссии Церкви в современном мире?

В принципиальном, мировоззренческом плане можно говорить о **двух основных путях в понимании миссии**. Первое есть порождение протестантизма, всякого ложного харизматизма, то есть, в конечном счете, — индивидуалистической традиции секулярного модерна, полностью исчерпавшей и дискредитировавшей себя просвещенческой и постпросвещенческой идеологии. Согласно этому пониманию, человек вообще (любой человек) есть самоизолированный индивид, а современный человек есть, по большей части, существо, в религиозном плане абсолютно девственное; его сознание есть сознание исторического выродженца, это лишенная какой-либо исторической памяти tabula rasa, «чистая доска», на которой проповедник может писать все что ему вздумается. А поскольку трактовок Писания в протестантизме в принципе столько же, сколько и богословов, интерпретаторов (каждый «сам себе папа»), то, в пределе, такая проповедь основана на чистом произволе. Все разговоры о том, что **«евангелизация» должна быть принципиально отделена от той конкретной конфессиональной, социокультурной и т.п. традиции**, к которой принадлежит данный народ, поскольку пре-

дание заслоняет Христа, — самое настоящее лукавство. **Душа веры не существует в истории вне собственно исторического конфессионального и культурного тела, и совсем отделить веру, Евангелие от конфессиональной и культурной традиции народа — значит просто связать ее с какой-нибудь другой традицией!** «Традиция» — все равно будет, и если она не будет православной, то будет, например, протестантской! (А то и прямо оккультной, сектантской.) «Миссия», основанная на этом ложном подходе, внешне может быть более чем успешной. Будут «обращаться» (и «обращаются») десятки и сотни тысяч, вопрос только в том, **во что они обращаются** и происходит ли здесь реально «метанойя», покаяние, изменение человеческой души. Проповедник не чувствует за своей спиной всей мощи Традиции; она *как бы* есть, но для его дела это неважно: ведь исторической памяти не существует, и объект миссии — «всего лишь» этот конкретный человек, живущий в данную историческую эпоху, для которого что фольклор, что Библия, что Бетховен — предания давно минувших дней и вообще что-то фантастическое. Сборник комиксов, «Гарри Потер» и дьякон Кураев куда как ближе... (Отец диакон, прости, я не хотел тебя обидеть! Просто как-то так складно пришлось...[3]) Ясно, что при таком подходе Предание, святые отцы и пр. — не в помощь миссионеру. К чему же апеллировать? Приходится опускаться до уровня «объекта миссии», пытаться понять: а что ему сейчас самому интересно? Может, мы туда и внедримся? Напишем предисловие к «Гарри Потеру» (заодно и гонорар получим), а между делом упомянем и о Христе. Только не надо особо давить, люди же еще слабые, неподготовленные. Они привыкли к телевизору, футбол посмотреть, пивка там попить, на рок-концерт сходить, а вы им сразу Добротолюбие, «твердую пищу». Пускай сначала зубки вырастут... Когда игумен Евмений (Перистый) из кожи вон лезет, чтобы доказать, что «Христос — в доску свой парень», а отнюдь не ***Иное*** по

отношению к окружающей нас социальной скверне, он по-своему вполне искренен, ибо следует вышеизложенной модели.

Другое, противостоящее этому, понимание миссии основано на качественно отличном антропологическом постулате. Человек не абстрактный индивид, существующий лишь «здесь и теперь», а ***плод Божественного замысла, обладающий исторической памятью***. Мои православные предки, отнюдь не святые, обычные грешники, но умершие в покаянии, **актуально существуют для меня** сегодня, даже если я в этот момент впадаю в тяжкий грех и отпадаю от Церкви. Русский народ — народ православный, как бы далеко он ни отпал от веры своих отцов в XX веке. Если это не так, то никакая ***православная*** миссия вообще невозможна! Историческая память вообще — сложная вещь и иногда преподносит такие сюрпризы, о которых не догадываются протестантствующие рационалисты, пытающиеся в наши дни полностью оккупировать миссионерское поле.

В годы Великой Отечественной войны многие советские солдаты, двадцатилетние парни, воспитанные партией и комсомолом в духе воинствующего атеизма, в минуту опасности крестились и надевали кресты, вопреки комиссарской пропаганде, понимая, что от вражеской бомбы комиссар не спасет. Именно поэтому, пожалуй, самый почитаемый старец современной России — архимандрит Кирилл (Павлов), сам, как известно, фронтовик, и говорил, что в той великой войне мы победили, потому что еще сильна была в народе **МУЖСКАЯ ВЕРА**, вера у самих фронтовиков, которая сохранялась вопреки идеологическому господству коммунистической партии. Сравните с этим трезвым и мудрым высказыванием духоносного старца полные злобы и ненависти к России слова известного русофоба в рясе протоиерея Георгия Митрофанова, утверждающего, что «идентичность русского народа», русская историческая традиция **прервана** в 1917 году, а главным ге-

роем великой войны является перебежчик и предатель А. Власов![4]

Из краеугольного положения о реальном существовании исторической памяти в сознании народа следует и основной принцип миссии, как она должна пониматься в собственно православном контексте, с позиций именно Православной Церкви. ***Задача проповедника, миссионера не в том, чтобы написать на религиозно девственном сознании современного человека свои произвольные письмена, а в том, чтобы пробудить, вызвать к жизни дремлющие социокультурные и духовные коды, помочь людям осознать свое Православие не просто как культурную традицию, составляющую основу самоидентификации человека в истории и в окружающей реальности, но как именно веру, как двустороннюю связь со Христом, побудить его к началу активной церковной жизни.***

Из этого расхождения в принципиальных подходах вытекает и различие, так сказать, методологическое — различие в **способе** миссии. В первом случае главным способом является ***прием***, тот ***инструмент***, при помощи которого в сознание человека вкладывается какая-то система взглядов и мотивов, могущих быть реализованными в практической жизни. Главным, ключевым приемом является здесь апелляция не к **идеальной личности**, не к **Божественному замыслу**, который, вопреки всему, **всегда жив** в человеке, а к его лежащим на поверхности **эмпирическим особенностям**, среди которых **различные слабости** души и тела занимают, как понятно, первое место, играют ведущую роль. Часто представляют дело так, что для успеха миссии полезно быть «своим в доску парнем» (совсем как Христос у игумена Евмения), не чуждым «нормальной жизни». Здесь миссионер часто попадается в известную ловушку, нагляднее всего иллюстрирующую издержки и тупиковость этого пути. Для того чтобы проиллюстрировать этот момент, проще всего выстроить на первый взгляд вполне ло-

гичный ряд. Для того чтобы миссионерствовать среди сталеваров, неплохо и самому быть сталеваром; чтобы миссионерствовать среди колхозников, полезно и самому заниматься сельским хозяйством; успех миссии среди рокеров скорее постигнет того, кто и сам не чужд рок-музыки; люди богемы скорее воспримут Слово Божие из уст того, кто и сам не чужд богемы... (ряд в принципе может быть бесконечным); чтобы миссионерствовать среди наркоманов, нужно... А что нужно, чтобы миссионерствовать, например, в борделе?? Ясно, что погружение в социальную скверну, в скверну міра, не гарантирует, говоря мягко, успеха миссии. Ибо **здесь существует немалая опасность того, что миссионерская открытость Церкви міру, стремление завоевать весь мір может неуловимым образом трансформироваться в свою прямую противоположность — в готовность *впустить в себя дух міра*,** сдаться на милость победителя**,** как это и произошло с западным христианством[5].

Почему-то основной упор часто делают на работу с так называемыми «проблемными группами», а не с теми, кто, Слава Богу, пока еще составляет большинство общества, то есть с нормальными добропорядочными людьми, в которых наиболее сильна та историческая память, о которой говорилось выше, но которые, в силу известных исторических обстоятельств, в настоящее время находятся пока еще, к сожалению, вне спасительной ограды Церкви. Часто разговоры о «православном роке» ведутся с такой агрессивностью, как будто именно развитие рок-движения, а отнюдь не восстановление нормального уклада жизни является основной проблемой современной России. И при этом еще ссылаются на святителя Николая Японского и других великих миссионеров прошлого!

Представим себе такую картину. Где-то в середине XIX века по какой-нибудь среднерусской реке (по Волге, например) плывет миссионерский пароход. Причалив к берегу, миссионеры выгружаются и начинают

«работу с населением». Руководитель группы в красной цыганской рубахе, с гитарой через плечо произносит пламенную проповедь, после чего цыганский хор «зажигает» «Ручейком» и другими шедеврами, завершая миссионерский заход своего руководителя. (Кстати, если кто сомневается, я очень люблю цыганскую музыку, в которой есть образцы настоящего высокого искусства.) Вам уже смешно, г-да «миссионеры»? Нельзя мешать Божий дар с яичницей? И такое в той, настоящей, традиционной России было невозможно (такого «миссионера» сочли бы сумасшедшим). Правильно, и я о том же! Только почему же вы не смеетесь, когда в качестве авторитетного источника Слова Божия выступает г-н Кинчев, с головы до ног разрисованный языческо-сатанинскими татуировками?[6]

Я вообще-то ничего не имею против Кинчева как такового. Мне его творчество не близко, другим оно нравится, ну и на здоровье! Только при чем здесь миссия? Человек прошел немалый путь — от прямого сатанизма, каковым просто дышит «нормальный» рок (о чем имеется масса авторитетных исследований) до поверхностной религиозности интеллигентско-богемного типа. Для индивидуального жизненного пути это действительно немало. Здесь можно только благодарить Бога за то, что Он призрел еще одну заблудшую душу. Правда, я встречал и других покаявшихся рок-музыкантов. Никогда не забуду одного бывшего бас-гитариста довольно известной в прошлом группы (имени не называю по этическим соображениям) и той бездонной глубины ***страшного духовного опыта***, знания ***глубин сатанинских***, которая чудилась мне в его чудном покаянном взоре. Довелось пожить с ним на соседних нарах в Оптинском скиту, в несколько затянувшемся паломничестве. Человек этот был бесноватым и не выносил близости евхаристической Чаши и других святынь. Но подобной силы покаяния я не встречал ни в ком. В свои светлые минуты, когда отпускала его эта напасть, он, грустно глядя,

говорил, что бес мучит его заслуженно, поскольку он слишком много ему послужил, будучи рок-музыкантом. Думаю, всем уже понятно, что возвратиться к своему прежнему занятию у него не было ни малейшего намерения. И не было в нем ни грана наглой самоуверенности в «правоте своего дела» (не говоря уже о хамском отношении к людям), столь свойственной нашим новым «миссионерам», ибо сознавал он себя недостойным столь высокого дела, как миссия, проповедь Слова Божия. Дальнейшая судьба этого человека мне неведома, но думаю, не мог Господь, по милосердию Своему, не принять и не спасти эту несчастную кающуюся душу. Такой вот рок...

Для вдумчивых людей давно уже ясно, что либерализм в основе своей лукав, как лукав тот, кем он вдохновляется. Так и здесь, в деле миссии. Ибо речь идет в действительности отнюдь не только о том, чтобы «воздействовать через близкое и понятное». На самом деле «миссионерский» подход часто используется просто для прямой войны с Традицией, для слома ее, каковы бы ни были субъективные намерения самих «миссионеров». Приведу два примера, не называя имен, ибо не хочу вступать в конфронтацию с людьми, делающими, в целом, немало полезного[7]. В одном южнорусском городе жил-был молодежный клуб с фольклорно-катехизаторским уклоном. Руководители и члены этого клуба мирно изучали казацкие песни и пляски, занимались патриотическим воспитанием, ну и, в меру своих сил, проповедью святого Православия. Словом, реализовывали как раз ту абсолютно правильную схему православной миссии, о которой говорилось выше. Приехал к ним как-то один известный проповедник и, как говорится, «поработал с людьми». После этого молодые люди решительно заявили своим старшим друзьям, что теперь они прозрели, поняли, что такое настоящая миссия, и срочно переориентируются с замшелого фольклора, патриотизма и народных обычаев... на что бы вы думали? Ну, ясное

дело, конечно же на рок! Спрашивается, как же в этом случае быть с «икономией»? Бывают ситуации, когда наши новые миссионеры отнюдь не склонны снисходить к слабостям и просто человеческим интересам тех, с кем они «работают».

Другой пример, еще похлеще. Приехал как-то тот же проповедник в некий провинциальный город. Ну, натурально, согнали местную церковную молодежь на московскую знаменитость. Решив, по привычке, сразу «взять быка за рога» и понравиться народу, наш миссионер с ходу спросил: «Какая для молодежи наипервейшая заповедь?» Попытки ***вполне воцерковленных* молодых людей** следовать Евангелию и Десяти заповедям были им решительно пресечены. Оказалось, что главнейшая молодежная заповедь для православных христиан — «Плодитесь и размножайтесь». «Но как же, батюшка, сейчас вроде как пост?» — пролепетала барышня с «камчатки». «А ради выполнения демографической программы Президента я вас от поста разрешаю и все ваши грехи заранее вам отпускаю!» — торжественно изрек миссионер, не будучи при этом священником. Пусть читатель самостоятельно оценит этот незаурядный «миссионерский» ход. Так надо здесь ставить кавычки или нет? Ау, полемисты!.. А ведь подобного рода примеров можно привести немало! Так что абсолютно правильно пишет наш главный миссионер диакон Андрей Кураев, когда на примере отца Александра Меня выявляет любопытную особенность некоторых наших миссионеров: «Отец Александр — автор своих книг и отец Александр — участник публичных дискуссий оказались довольно разными людьми. Его книги более выверенны, продуманны. Понятно, что на лекции, в живом общении... можно ожидать и ошибок, и полемических увлеченностей... Но когда одна и та же мысль переходит из ответа в ответ, из одной лекции в другую, — значит, эта мысль уже не просто случайность. Здесь приоткрылось что-то, о чем

этот лектор в своих книгах не писал, но в уме вынашивал...»[8]

Обратимся теперь к главному вопросу — к тому, какой всегда была и должна быть миссия без всяких кавычек в ее собственно православном понимании, с точки зрения «способа». Вынужден огорчить наших «модернизаторов на основе традиции»: «способа» в смысле инструмента, приема здесь не существует никакого! ***Единственный способ — это не погрузиться в скверну міра, а, напротив, явить пример святости.*** Этот «способ» есть то, к чему призывает нас Христос, есть путь святых. Ибо именно ими, бесчисленным сонмом наших святых, своим подвигом и ***жертвой*** стяжавших благодать, силу Божию, а отнюдь не менеджерами и пиарщиками, созидается Церковь, именно их незримое присутствие рядом с нами, их открытость Божественной помощи делает ее несокрушимой. Вот почему подлинных миссионеров так мало.

Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что, к примеру, преподобный Сергий не миссионерствовал. Время преподобного Сергия — тяжелая эпоха в истории Руси, когда мучительно преодолевалась разруха, причиненная усобицами и ордынским игом. Это было кризисное время, когда реально стоял вопрос о том, сможет ли заново отстроиться страна. Сама социальная организация была во многом делом проблемным. Стоило, скажем, крестьянам где-то поселиться, пустить корни, обзавестись хозяйством, обрасти жирком, как легко могли набежать какие-нибудь разбойничьи ватаги («свои» или татарские) и все отобрать. Обществу было крайне трудно начать процесс социальной кристаллизации, структуризации, оно во многом напоминало скорее социальный газ, некое «перекати-поле», свободно носимое туда-сюда ветром истории. Преподобный Сергий не шел ни к сильным мира сего, ни к разбойникам, ни к ордынцам, ни к этим крестьянам. Плоть от плоти свой, исконный, русский святой, он делал прямо противоположное —

уходил* от окружавшей его социальной скверны в свою лесную пустыню и являл зримый образ *иного бытия, иного в самых последних духовных основаниях, во всем последовательно чуждого этой скверне. Приходившие к нему люди не могли не ощущать, что явленный им образ жизни принципиально отличен от погрязшего в грехах и страстях мира, чувствовали в нем, в его скромной обители начаток той ***духовной крепости***, без которой не живет общество и гибнет народ. Здесь и началось на Руси то, что получило впоследствии наименование «исихастского возрождения», ставшего основой и социального, культурного, цивилизационного возрождения всей страны. Люди начинали селиться рядом с монастырем; постепенно рядом с монашеской общиной образовывался посад, социальная периферия, тесно связанная с обителью духовной и социальной связью. По мере того как в бывшей пустыне становилось слишком шумно и многолюдно, от преподобного отделялись его ученики, уходившие дальше, основывая новые обители, новые ***острова иного***. ***Они не шли в мір, но уходили от него, однако мір сам приходил к ним с поклоном и покаянием.*** Так происходила знаменитая колонизация Северо-Восточной Руси, положившая начало нашему возрождению. Вот это и была подлинная Миссия, давшаяся не «пиаром», но великой **жертвой**, великим трудом и подвигом. Было ли это каким-либо отрицанием внешнего, социального служения? Отнюдь! В преподобном Сергии нет еще ни грана того противопоставления внутреннего и внешнего, которое некоторые позднейшие историографы приписывают «иосифлянской» эпохе. Преподобный — человек гармонии, человек синтеза. Но внешний активизм множества русских людей, которые, даже не соприкасаясь лично, считали его своим наставником, — это не то суетливое беганье по поверхности «современной истории», которое столь свойственно некоторым нашим нынешним «миссионерам» и которое в действительности лишь скрадывает недостаток духовной жиз-

ни, но фундаментальное, укорененное в вере **делание**, поистине ***дела веры***, о которых говорит нам апостол, что без них сама вера мертва. Именно такая проповедь, ***проповедь живым примером мучеников и святых***, позволила в свое время древней Церкви завоевать большую часть известного тогда мира, и примеры такой Миссии во множестве находим мы в древних патериках.

Люди, самоуверенно вещающие нам о миссии как о чем-то, лишь слегка отличном от «грамотного менеджмента и пиара», зацикленные на мысли о том, что «христианство вполне совместимо с богатством и успехом», видимо, редко читают Евангелие. Между тем **Христос ведь не обещал христианам в этом мире никакого чисто земного «успеха»,** и это все знают!

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто

не берет креста своего и [не] следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее (Мф. 10, 16–39).

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно. Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною (Ин. 15, 18–27).

Согласитесь, что это несколько далековато от «грамотного менеджмента и пиара»...

Примечания

[1] См.: *Кураев Андрей, диакон.* Вызов экуменизма. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. С. 181.

[2] С позиций прошедшего с тех пор времени нельзя не заметить, что все это просто меркнет по сравнению с теми методами, которые применяют против нас сегодня. Если доведется, когда-нибудь расскажем и об этом.

[3] Но «отец», теперь уже протодиакон, с тех пор много раз всех нас «обидел» своими многочисленными кощунствами и другого рода скандалами, на фоне которых приведенные в этой главе примеры

выглядят почти невинно! В этой книге мы, естественно, не можем их не коснуться.

[4] См. об этом в его кн.: Трагедия России. СПб.: Моби Дик, 2009.

[5] Об этом хорошо пишет уже упомянутый нами автор — *протодиакон Андрей Кураев* в работе «Заблудившийся миссионер» (См. указ. соч., с. 180 сл.).

[6] А теперь уже и «Паук» (Сергей Троицкий) — известный рок-музыкант с явно сатанинскими мотивами в «творчестве», в своем роде «культовая фигура» для рок-тусовки)! Если раньше «проводниками» «новой миссии» служили, так сказать, бывшие, покаявшиеся сатанисты (к каковым относится г-н Кинчев), то теперь прогресс: и «Паук» сгодится, поскольку, по словам апологетов «новой миссии», он... *собирается покаяться*!

[7] «Еже писах — писах». Однако «автор» обоих пассажей с тех пор настолько «развился», причем отнюдь не в лучшую сторону (о чем речь у нас еще впереди), что придется инкогнито раскрывать. К тому же и в «конфронтацию» я давно вступил... Впрочем, не догадаться, о ком речь, здесь довольно затруднительно. Кураев, кто ж еще...

[8] *Кураев Андрей, протодиакон*. Указ. соч., С. 183.

Как разрушают Церковь

Всем православным хорошо известно, что «Церковь Христова стоит до скончания века, и врата адовы ее не одолеют». Но в то же время не следует забывать, что обетование это относится к Церкви мистической, Церкви как Телу Христову. Что же касается церковной **институции**, конечно, не существующей отдельно от Церкви как духовной, благодатной общности, но в то же время и нетождественной с ней, то механически распространять на нее это обетование, безусловно, неверно. Не менее известно, что в Откровении святого Иоанна Богослова упоминается ряд древних церквей, в адрес которых посылались от Бога грозные предупреждения и которых ныне нет и следа. Поэтому ошибочно полагать (позиция, распространенная среди некоторых членов Церкви), что «Церковь не нуждается в нашей защите». Это смотря в каком смысле! В некоторых отношениях

очень даже нуждается, как нуждаемся все мы во внешней, социальной активности, органически дополняющей духовную и сакраментальную сторону церковной жизни и естественным образом вытекающей из нее.

Сейчас для все большего числа активных, мыслящих церковных людей и даже просто искренне «уважающих Православие» нецерковных патриотов становится очевидным: основная опасность для Церкви ныне не в возможности внешних гонений на манер какого-нибудь Веспассиана или большевистских фанатиков-атеистов. Для борьбы с Церковью ныне используются гораздо более тонкие, коварные и изощренные технологии. Враги Христова дела более не стремятся атаковать Церковь, так сказать, «в лоб», с помощью грубого силового давления. На повестке дня для них — **проникновение внутрь церковной институции**, мимикрия под Православие, целый набор изощреннейших подмен, подделок, разнообразнейших бесовских уловок. Для политологии и вообще системного анализа (а отнюдь не только для теории искусства) в этой связи давно уже стало привычным говорить о **постмодернистских технологиях**, особенно актуальных в информационной сетевой войне. «Будете как боги», — сказал дьявол, принявший вид змия, искушая первых людей в раю. Хорош бы он был, если бы, раскрыв свое истинное обличье, попытался искусить людей перспективой стать такими же, как он сам...

Для современной России, с некоторым опозданием повторяющей трагически-безысходный путь апостасийного Запада, наиболее актуальным в настоящий момент является комплекс проблем, связанных с «либеральным христианством», «как бы христианством» — заветной мечтой нашей либеральной образованщины. Помимо чисто богословской, идейно-содержательной стороны, которую мы анализируем в других главах, в этой проблеме имеется несколько аспектов. Во-первых, это наличие **международного проекта по либерализации РПЦ,** что обусловлено понятными причинами. РПЦ является единственным традиционным институтом в совре-

менной России, которого не коснулась разрушительная «перестройка», который сумел, при всех сложностях, восстановить свою традиционную структуру, во многом нарушенную в советские годы, и даже в значительной степени приумножить и укрепить ее. Поэтому разрушение ее при помощи самых передовых современных технологий является одной из насущных задач тех внешних международных сил, которые упорно, несмотря на более чем лояльную позицию российской элиты, по-прежнему ведут многоплановую войну против России. В настоящее время в полной мере продолжается активное действие таких структур, **специально созданных** в свое время для работы с «религиозным фактором» на территории стран Восточной Европы, как Kenston Colledge (прямое детище британской разведки), а также различных НПО, «правозащитных» фондов и т.п. организаций. (Фонд защиты гласности, Фонд Аденауэра, Фонд Сороса со всеми его модификациями и др.). Все они прилагают системные целенаправленные усилия к тому, чтобы в конечном итоге достичь главной поставленной перед ними цели — либерализации РПЦ, слома ее традиционалистского стержня, реформации русской православной традиции.

Далее, следует говорить об участии в процессе в роли «менеджеров и модераторов» и целого ряда ответственных **чиновников российских госструктур**, выстроивших с вышеозначенными организациями тесные неформальные отношения и потому прямо заинтересованных в соответствующем результате. Не намереваясь далее вдаваться в эту скользкую тему, скажем лишь, что в принципе мы до известной степени в состоянии дать конкретный ответ на два «проклятых русских вопроса» наших дней, на которые, в отличие от двух всем хорошо известных, обычно никто не отвечает: «Кто куратор?» и «Откуда деньги?»

Внутрицерковные факторы подразделяются на ***объективные и субъективные***. Объективные факторы заключаются в том, что за последние 15–20 лет в Церковь

пришло достаточно большое число людей маловоцерковленных, недостаточно укорененных в православной Традиции, встроенных в глобалистическую и постмодернистскую культуру «постсовременности». Эти люди плохо воспринимают многие традиционные особенности церковной жизни и, не понимая всей опасности революционного реформаторства в Церкви, искренне стремятся к реформам, которые, по их мнению, могут только «улучшить» Церковь, сделать ее более привлекательной и «удобной» для них самих и для внешних. Такие новообращенные, ввиду отсутствия у них какой-либо «идейной» злонамеренности, вполне поддаются воцерковлению, правильному церковному воспитанию, и проблема заключается в основном лишь в их численности, а также в различных нестроениях в церковно-приходской работе.

Однако наибольшую опасность для Церкви, на наш взгляд, представляют отнюдь не эти люди и даже не действие описанных выше внешних факторов, а **некоторые люди внутри Церкви**, давно пребывающие в ней, **в том числе и в духовном сане**. Это отнюдь не зеленая неоперившаяся молодежь, как полагают некоторые (молодежь здесь вторична), а, напротив, люди средних лет и старше, опытные, идейные, твердо убежденные в своей исторической правоте — в намерении осуществить в Церкви либеральные реформы. Они сплочены и хорошо организованы. Они давно ждали своего часа и решили, что именно теперь этот час пробил. В правильности этой мысли убеждает беспрецедентная по своим масштабам, информационному охвату и назойливости чисто **медийная «раскрутка»** некоторых знаковых фигур в РПЦ, о существовании которых еще лет пять-шесть тому назад вообще мало кто подозревал. Например, такие клирики, как **Петр (Мещеринов), Георгий Митрофанов, Евмений (Перистый)** и др. Все они приобрели свою скандальную славу лишь за последние несколько лет, причем степень этой известности никак не соизмерима с их реальной ролью

в жизни Церкви (неважно, положительной или отрицательной).

Активность неообновленцев носит «волнообразный» характер. На первый план выходит то один, то другой, но смысловое, содержательное напряжение, создаваемое постоянными «дискуссиями» о «миссии», «обновлении», «молодежной политике», «соответствии духу времени», непрерывно созываемыми конференциями, «круглыми столами», проводимыми «диспутами», «презентациями» и т.п., постоянно сохраняется.

Методы и приемы работы либералов

Много существенного для понимания методов и приемов либерального движения в Церкви, механизмов либерального влияния дает лидер движения католиков-традиционалистов **архиепископ Марсель Лефевр** в книге **«Они предали Его»**.

Автор выделяет две главные черты, характерные для церковных либералов: а**) о**н**и отнюдь не стремятся уйти в раскол, а, напротив, пытаются в конечном счете захватить власть в самой церкви** и б**) они, как правило, не излагают своих воззрений где-то в одном месте систематически** (что сразу вызвало бы жесткое противодействие со стороны консервативного церковного большинства)**, а распыляют их во множестве, на первый взгляд, вполне благонамеренных текстов**. Характерным примером, относящимся к нашей Церкви, являются сочинения одного из руководителей «Центра духовного развития молодежи» игумена Петра (Мещеринова) (ныне временно ушедшего в тень), на 90 % представляющие собой вполне невинные трюизмы, в которых автор опирается на таких классических авторов духовной литературы, как святитель Феофан Затворник или владыка Антоний (Блюм). Между тем в своих многочисленных статьях и в выступлениях на интернет-форумах, в так называемом «Живом журнале» игумен Петр предстает **принципиально другим**. Чего стоит одно его

прямое высказывание, сделанное по поводу своих идейных оппонентов: *«Вообще-то я тоже в некотором смысле экстремист. Я понимаю, что раскол — это ужасно. Но иногда мне (я высказываю сугубо личное мнение) думается, что неплохо, чтобы было что-нибудь типа раскольчика. Пусть в него уйдут все зилоты, ревнители, ИНН-исты, геронтофилы, национал-патриоты и прочая публика. Пусть в своей церкви делают что хотят».*

Следующим приемом, весьма характерным для действий церковных либералов, является особый упор на захват **среднего звена церковного управления**. Быстро поменять состав епископата не по силам либеральному лобби. Поэтому они проводят нужные им решения de facto, через союзных им сотрудников синодальных отделов, которые порой обладают реальными возможностями, вполне сопоставимыми с возможностями руководителей этих учреждений.

Представляя в Церкви подавляющее меньшинство, либералы особое внимание уделяют **информационным технологиям**, в особенности новейшим. Следует отметить использование ими **сетевых сообществ и сетевых методов**, не подпадающих под закон о СМИ. В **«Живом журнале»** присутствует большое количество **виртуальных персонажей**, никому не знакомых в реальной жизни. Эти персонажи **часто излагают идеологию неообновленцев в гипертрофированно-радикальном виде,** а подлинные авторы, посмеиваясь, остаются в тени и абсолютно безнаказанными. Характерными приемами публичной полемики и информационной работы, применяемыми либералами в виртуальном пространстве, являются: фактический отказ от дискуссии по существу, «замыливание» сути, использование клише, словесных ярлыков, метод «гевалта» (информационного наката), гипертрофированной лжи, повторяемой многократно и т.д. В то же время во всем этом они постоянно обвиняют своих оппонентов. Последнее — весьма широко распространенная технология: вор кричит «Держи вора».

Сетевые псевдонимы постоянно меняются, фигуранты перемещаются с форума на форум, блоги (сетевые «дневники»), а также отдельные записи в них, раз появившись и просуществовав какое-то время, сыграв свою провокационную роль, также могут исчезнуть и возродиться вскоре под другим названием и псевдонимом. Нередко использование имен реальных людей (давших согласие на это) в качестве псевдонимной подписи под текстом, написанным другим человеком или группой лиц. И т.д. и т.п.

Надо сказать, что эта ситуация в настоящий момент уже вызывает серьезную тревогу и у высшего священноначалия. Так, руководитель пресс-службы РПЦ **священник Владимир Вигилянский**, по своей должности уполномоченный озвучивать официальную позицию Церкви, характеризуя характер дискуссий в так называемой «блогосфере», недавно заявил, что *«стеб, ироничное осмысление церковной жизни, а на самом деле — злоба, особенно разлиты»* в ней. По словам отца Владимира, сегодня в той или иной форме дискуссии в блогах ведут **около пятисот представителей духовенства** Русской Православной Церкви, и тон многих из этих дискуссий является *«удобрением, которое порождает церковные конфликты»*. Он также указал на **«кризис иерархичности и послушания в Церкви**, который сегодня существует на всех уровнях», и характер интернет-дискуссий, по словам священника, тому подтверждение (см.: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=24357).

Главным **«идеологическим» приемом**, при помощи которого церковные модернисты находят шаблонное оправдание своей разрушительной деятельности, — это вполне привычная, если обратиться к истории Церкви, **апелляция к «миссии»**, объяснение всех богословских и богослужебных новшеств, которые непременно сопровождаются и «модернизмом» в самих методах работы, **«миссионерскими задачами» Церкви**. Эта «миссия» (подаваемая непременно в модернистском клю-

че), имеющая весьма мало общего с подлинной церковной миссией, становится для либералов своего рода условным опознавательным знаком, сигналом единомышленникам: «Я свой». При этом, в отличие от обычной, традиционной миссии, эта «миссионерская» активность церковных либералов направлена **внутрь самой Церкви**, на разрушение ее традиционного строя. Об этом в нашей книге читатель найдет еще немало материалов.

Вполне понятно, что в действительности церковный модернизм, агрессивное реформаторство носят не миссионерский, а антимиссионерский характер. Об этом вполне убедительно свидетельствует недавняя история. Второй Ватиканский собор, поведший Католическую церковь по реформаторскому пути именно под предлогом миссии, в действительности, как хорошо известно, породил настоящий кризис католицизма. Его «реформы» привели к результату, прямо противоположному тому, который декларировался в качестве цели, — к оскудению церковной жизни, оттоку людей из храмов. Не менее печальная участь постигла и наших, российских обновленцев 20–30-х годов XX века, чьи храмы даже в годы жестоких гонений пользовались гораздо меньшей популярностью, нежели «тихоновские».

Суть идеологии церковного либерализма

Сюда, несомненно, относятся: пересмотр «периферийных» элементов Предания; сокращение и русификация богослужения; либерализация пастырской и духовнической практики (сокращение и ослабление постов; сокращение и ослабление молитвенного правила, особенно перед Причастием, что является путем к профанации таинств, прежде всего центрального таинства, Евхаристии); экуменизм как принципиальная терпимость и признание «равночестности» иных конфессий; навязывание взгляда о несовместимости жизни в Церкви и патриотизма, русофобия и т.д.

Здесь либералы вступают в прямое противоречие с *официальной позицией церковной власти*, выраженной в словах покойного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: ***«Никакой "подготовки литургической реформы в Церкви" нет и быть не может! Те, кто порой высказывают частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чем в свое время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, ее уставы и правила вырабатывались тысячелетиями, и они должны свято соблюдаться. Никакого пересмотра текста Великого канона преподобного Андрея Критского не будет. Церковь наша в трудные времена гонений и испытаний выстояла, сохраняя незыблемой свою традицию. Эту традицию должны свято беречь и мы. Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться частными высказываниями людей, пытающихся возвратить нас во времена обновленчества»***[1]**.**

Кстати, именно это высказывание Предстоятеля Церкви таинственным образом исчезло из публикации «Церковного вестника»[2] (главный редактор — С.Чапнин), **хотя весь остальной текст выступления Патриарха был опубликован полностью.**

Технология захвата власти в Церкви: вытеснить в раскол умеренно-консервативное большинство

Как убедительно показал архиепископ М. Лефевр на примере эпопеи Второго Ватиканского собора, католические модернисты, будучи в подавляющем меньшинстве, сумели, применяя вышеописанные технологии, захватить церковный «мейнстрим» и, манипулируя епископами, провести на соборе нужные им решения, фактически подведя мину замедленного действия под Римско-католическую церковь. Впрочем, там этот процесс облегчался давним духовным и догматическим повреждением западного христианства. В данном случае для

нас важно, что в результате этой по-своему очень ловкой и умной деятельности католических модернистов в раскол оказались вытесненными отнюдь не они, а, напротив, те, кто, в общем, выражал **вполне традиционалистскую позицию *пассивного* умеренно-консервативного большинства** Римско-католической церкви, то есть католики-традиционалисты, сплотившиеся вокруг самого Лефевра. Последние представляли наиболее пассионарный элемент среди консерваторов, в то время как остальные смирились с поражением.

Современные неообновленцы в РПЦ прекрасно понимают, что церковная Традиция, носителями коей является большинство епископов, священников и мирян, есть главное препятствие на их пути к власти в Церкви. Поэтому их тактика заключается в том, чтобы **маргинализировать православный консерватизм и как бы «прицепить» к этому маргиналитету умеренно-консервативное большинство Церкви**. Достигается это за счет искусственной «раскрутки» некоторых заведомо маргинальных тем, информационных ресурсов, общественно-религиозных организаций, персоналий и т.д. Приведем два характерных примера.

А) Газета «Дух христианина». Эта газета de facto возглавляется некоей **Галиной Симоновой,** большой поклонницей мятежного Диомида. Именно она, при наличии другого «главного редактора», решает в газете все финансовые вопросы и вопросы выпуска[3]. Кто же такая эта Галина Симонова? Оказывается — жена известного **правозащитника Алексея Симонова**, **главы «Фонда защиты гласности».** Последний по своей идеологии является воинствующе-либеральной правозащитной организацией, существующей исключительно на гранты своих единомышленников с Запада. Так что источник финансирования крайне «фундаменталистской» православной газеты вполне понятен и, в общем, не скрывается. Спрашивается, если жена настолько отбилась от рук, что не желает разделять убеждений своего мужа, то почему же западные НПО продолжают выделять деньги? Думается,

вполне очевидна цель данного проекта — дискредитация консервативного, традиционалистского подхода в православной Церкви. Эта цель вполне технологично достигается в газете, в частности путем размещения вполне вменяемых, спокойных и конструктивных материалов рядом с явно провокационными и маргинальными. Некоторые уже пытались «подверстать» под деятельность этой газеты и другие православные информационные ресурсы, добиваясь их осуждения высшим священноначалием. Итак, **самая фундаменталистская и право-экстремистская околоцерковная газета в РПЦ, ныне уже осужденная Священным Синодом, финансируется либеральными НПО, напрямую связанными с «правозащитными» кругами Запада.**

Б) «Пензенские сидельцы». Пензенские квазиправославные сектанты, решившие спасаться от антихриста, зарывшись под землю, — один из любимейших сюжетов либеральных СМИ, демонстрирующих с его помощью дремучую «дикость» православных фундаменталистов. Между тем, по заявлению **архиепископа Пензенского и Кузнецкого Филарета**, вполне возможно, что *«ситуация с так называемыми затворниками в Пензенской области могла быть спланированной акцией»*. Как сообщает Интерфакс (11 апреля 2008 года, 10.00), отвечая на вопрос, кто мог спланировать такую акцию, владыка Филарет предположил, что *«это могли быть какие-то зарубежные организации. Ведь они сейчас принимают вид общественных организаций, некоммерческих организаций, филантропических обществ, они могут руководить этим...»*. По мнению владыки Филарета, хорошо изучившего ситуацию на месте, **сам** психически неадекватный руководитель секты **Кузнецов вряд ли мог написать книги, которые подвигли сектантов к совершению их акции**. Архиепископ вполне справедливо заявляет, что ***«идет подрыв религиозной православной жизни изнутри»***. (Что стопроцентно совпадает и с нашими, абсолютно независимыми выводами.) На фоне этих заявлений пензенского архиерея небезынтересно, что, *«как сооб-*

щил агентству источник в правоохранительных органах, в настоящее время проверяется информация о том, что ***до ухода группы затворников в пещеру на счет родственницы Петра Кузнецова, проживающей в Бековском районе, якобы поступило несколько десятков тысяч долларов из одного иностранного государства****»*. (Что, в общем, соответствует масштабам затрат, необходимых для оборудования «пещеры» для более-менее продолжительной жизни в ней нескольких десятков человек.) По мнению того же источника, ***«истинные руководители и спонсоры (!) пензенских затворников могут находиться за пределами России»***. На наш взгляд, достаточно очевидно, что пензенская эпопея спланирована и профинансирована внешними для Церкви силами, более чем далекими от вполне маргинального мировоззрения самих сектантов.

Между тем акция сектантов вызвала достаточно симптоматичную реакцию ряда либеральных квазицерковных деятелей с одиозной репутацией. Так, по заявлению «миссионера всея Руси» **протодиакона Андрея Кураева**, мировоззрение «пензенских сидельцев» не сектантское, а характерное для широких кругов самой Церкви. А поскольку формируется данное мировоззрение в основном под воздействием служащих священников, то **вывод отца диакона:** ***«Надо перестраивать обучение в семинариях»*** (понятно, в какую сторону)[4]. Думается, вполне очевидно, что такая «перестройка», как она мыслится церковными либералами, будет означать настоящую войну отнюдь не с маргиналитетом (это только предлог), а с остатками традиционного православного церковного сознания.

Вся вышеозначенная деятельность как «искренних» либералов, так и прямых провокаторов, по замыслу подлинных руководителей проекта, пребывающих, как понятно, вне пределов любимого Отечества, является в действительности лишь подготовкой благоприятной почвы для «пересадки» в Россию, в том числе и под церковную «оболочку» разрушительных неохаризмати-

ческих квазирелигиозных практик с их специфическими технологиями гипноза, зомбирования, НЛП (нейролингвистического программирования) и других «передовых» и «современных» способов контроля за сознанием (что, как хорошо понятно всем вменяемым людям, уже просто не имеет ни с каким христианством ничего общего). Данный процесс сопровождается вбрасыванием гигантских денежных сумм, перед чем, к сожалению, не могут устоять некоторые ответственные, облеченные властью лица. Самый яркий пример подобного рода — одиозная деятельность небезызвестного **игумена Евмения**, который под прикрытием «миссионерской работы» в рамках так называемых «Альфа-курсов», программы «Путь» и их всевозможных модификаций внедряет в РПЦ вышеозначенные технологии с поистине неостановимой и просто бешеной активностью. В «послужном списке» игумена Евмения не только внедрение духовных практик и психологических «тренингов», абсолютно чуждых православной традиции, но и уже прямо уголовные преступления. По крайней мере, так считают свидетели, в частности мать покончившего с собой **семинариста Сергея Зуева**, которая прямо вменяет набирающему обороты «миссионеру» **доведение до самоубийства!**[5]

Примечания

[1] Следует отметить, что и нынешний Предстоятель нашей Церкви — Святейший Патриарх Кирилл следует такому же подходу в отношении возможности церковных (прежде всего богослужебных) реформ, во всяком случае в своих декларациях. «*Я выступаю категорически против любых реформ* [в Церкви], — заявлял будущий Патриарх в предсоборный период. — *Более того, думаю, что ни один из 145 архиереев, которые могут быть кандидатами на патриарший престол, не имеют никакого реформаторского зуда*» (см.: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=28109). Вот бы и дальше так...

[2] См.: Церковный вестник, № 1–2 (374–375), январь 2008.

[3] В настоящее время г-жа Симонова **официально** уже ушла с ранее занимаемой должности. Но след остался...

[4] На тему «перестройки» конфессионального образования в нашей Церкви см. письмо бывшего семинариста **иеродиакона Владимира (Морева)** в Приложении.

[5] Подробнее об этом см. в публикации на сайте «Русская линия»: http://www.rusk.ru/st.php?idar=105271

Качели

Политтехнологии и Церковь в «деле Диомида»

Кто это сделал, лорды?

Шекспир. Макбет

Быть участником и рабом *такой* действительности я не собираюсь. Достаточно того, что я умею ее описывать.

Стендаль

«Не делай паузу, а уж если пришлось, так держи, сколько сможешь», — говаривал незабвенной Джулии Ламберт режиссер, её учитель. Эта профессиональная и житейская мудрость, очень уместная в самых разных сферах деятельности, оказалась как нельзя более кстати в ситуации, сложившейся в церковной и околоцерковной среде в связи с пресловутым «фактором Диомида», до сих пор побуждающим некоторых весьма заинтересованных комментаторов (как, например, Глеба Павловича Якунина) предрекать «скорый крах РПЦ». Ибо в «деле Диомида» все просто дышит провокацией, как был пропитан ею самый воздух вокруг «Белого Дома» на Красной Пресне в октябре 1993-го. Но, если не поддаваться нездоровому возбуждению (перед этим соблазном, увы, не устояли слишком многие — профессиональные провокаторы не в счет) и спокойно спросить себя: увидели ли мы в этом «деле» что-нибудь принципиально новое? — ответить придется уверенно-отрицательно. Нет, увы, это как раз тот случай, который

в очередной раз подтверждает мудрость слов Писания: *Нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1, 9).

Сейчас уже общим местом у многих комментаторов стала констатация того вполне очевидного факта, что, какими бы мотивами ни руководствовался сам (теперь уже бывший) епископ Диомид, в целом его действия никак нельзя признать просто частной инициативой; такое выражение, как «проект "Диомид"» (точнее было бы сказать «операция»), стало уже настолько расхожим, что мы, вполне разделяя этот достаточно очевидный подход, решили не выносить данную формулировку в заголовок. Итак, то, что все действия самого Диомида, его сторонников, противников, апологетов и обличителей, **независимо от их личных мотивов**, вписаны в какую-то глобальную провокационную спецоперацию, достаточно очевидно. На «проклятый русский вопрос» современности ***«Кто куратор»***, однако, **с абсолютной точностью** пока никто не ответил.

Вместе с тем многое уже вполне очевидно. И главное, что можно с уверенностью констатировать, даже и не обладая всей полнотой фактуры, — это, разумеется, вывод, своего рода итог, который всегда очевиден в подобных случаях: **Кому выгодно?** Выгодно ли было, например, Святейшему Патриарху Алексию и другим членам Синода то, что произошло в связи со всей деятельностью Диомида, а также его искренних и не очень апологетов и неистовых противников? Абсолютно ясно, что нет! Ибо главное, в чем заинтересованы представители высшего священноначалия, — это стабильность, покой во всей церковной жизни, отсутствие видимых конфликтов — «тихое и безмолвное житие», о котором молится Церковь. Никакому предстоятелю не могут быть выгодны расколы во вверенной ему юрисдикции.

Выгодно ли то, что произошло, высшему политическому руководству страны, возглавителям светской власти, тем «начальникам», которым, по слову апостола, вручен «меч» государственной власти, чтобы охранять

общественный порядок? Ответ, на наш взгляд, не менее очевиден, и он ничем не отличается от приведенного выше. РПЦ для светской власти России — один из факторов социально-политической стабильности; кто еще успокоит народ, доведенный до отчаяния и сброшенный в нищету либеральными «реформами», напомнив ему, что «Бог терпел и нам велел», что «всякая власть от Бога» и что главное сокровище, которое призваны «собирать» в этой жизни христиане, — «на Небесах», а отнюдь не в накоплении чисто земных благ (и что поэтому не стоит слишком завидовать богатству «олигархов», а следует, скорее, молиться за этих заблудших, об их незавидной загробной участи, памятуя евангельскую притчу о богаче и Лазаре)?

Выгодны ли деструктивные действия Диомида, его сторонников и противников, весь этот пресловутый «диомидовский раскол» умеренному консервативному большинству Церкви, православным консерваторам (архиереям, священникам и мирянам), этим верным хранителям церковных традиций? Ну, здесь уж ответ наиболее очевиден. Ибо главный вред, нанесенный и наносимый «диомидовщиной» (см. об этом в главе «Призрак Второго Ватикана»), **заключается в маргинализации поднимаемых тем**; никаким церковным консерваторам, никаким защитникам Традиции не может быть выгодно, чтобы такие темы, как **хранение и защита церковного Предания, монархия, борьба с негативными последствиями глобализации, отстаивание социальных прав простых людей** и т.д. в чьем бы то ни было сознании, особенно в сознании высшего священноначалия, связывались с богословскими «ляпами», **расколом, непослушанием, нарушением канонов и вообще со смутой.** А ведь именно в этом — «сухой остаток» от всей диомидовской эпопеи!

Итак, кому же все-таки выгодно? Прежде всего, конечно, немногочисленным (по отношению к общему числу членов Церкви) представителям «либерального

христианства», презирающим и ненавидящим церковную Традицию, основанную на Предании, неистовым и фанатичным «реформаторам», упорно стремящимся проникнуть на ключевые посты в административной иерархии Церкви, в «среднее звено» синодальных отделов, в церковные и околоцерковные СМИ. Нетерпение этих людей, явно вписанных в некий глобальный проект, готовых в любой момент начать делить между собой властные полномочия в «обновленной Церкви», где «рулить будут только наши» (не путать с движением «Наши», имеющим лишь довольно косвенное отношение ко всему «проекту»), столь велико, что они порой «наивно» проговариваются. Так, один из идеологов этого движения игумен Петр (Мещеринов) недавно прямо заявил: **«Диомидовщина — мировоззрение не кучки маргиналов, а большей части наших православных»** (особый упор при этом сделав на монархизме, монархическом мировоззрении, якобы относящемся к фольклорно-народной вере, а не основанном на Предании (см.: http://www.russia.ru/geroi/peresedov/?507). Значит, вывод — **сменить народ**? Кто же тогда является выразителем церковной полноты? Ведь без того, что в богословии называется «рецепцией» (то есть одобрительного восприятия того или иного решения церковной власти всей церковной полнотой), оно, в строго православной логике, и не может считаться истинным! Наверно, церковная полнота для неообновленцев — это сам Мещеринов с кучкой своих диссидентствующих единомышленников... Плохому танцору известно что мешает, а реформаторам — всегда народ... Собственно говоря, именно этот процесс, связанный с попытками **сменить не отдельных маргиналов, а весь народ Божий**, программой, теперь уже напрямую, открыто озвученной игуменом Петром, мы фактически и предсказали ранее. Не от этой ли невольной прозорливости — те ушаты грязи, которые вылили на нас «благоухающие политтехнологи»?[1] Итак, церковным и околоцерковным

либералам «диомидовский раскол» безусловно выгоден. Поскольку маргинализирует церковно-консервативное большинство и создает предпосылки для захвата Церкви либералами, который теперь из ползучего грозит превратиться в прямой, планомерный и открытый.

Кому это выгодно еще? Очевидно — самим «кураторам», «операторам» «проекта "Диомид"», поскольку успех его означает для них и заслуженные награды, и продвижение по службе, да и вообще профессиональный успех — это всегда приятно. Ясно, что помимо них вся эта история выгодна тем церковным и государственным чиновникам с разным уровнем властных полномочий (которых, в общем, довольно мало), которые давно «в прикупе» и, погрязнув в «кэше» и в не очень прозрачных финансовых потоках, практически не имеют (да и, в общем, не хотят иметь) собственной субъектной игры.

И наконец, последняя сила, которая, на первый взгляд, выигрывает от произошедшего, — это реальные (очень немногочисленные) раскольники, в частности те, которые связаны с радикальными кругами РПЦЗ, противниками политики приснопамятного митрополита Лавра, давно стремящиеся встать на место канонической Церкви.

Каков же механизм всего процесса? На политологическом жаргоне то, что произошло и происходит в связи с «делом Диомида» (имеем в виду отнюдь не только его собственные действия, степень самостоятельности которых до конца неясна, но понятно, что она отнюдь не стопроцентна), обозначается общепонятным русским словом **«КАЧЕЛИ».** Стоит напомнить общую канву событий, к настоящему моменту уже подзабытых, несмотря на то что само «дело Диомида» у всех на слуху.

Сначала Диомид выпускает свое **первое «Обращение»**, которое вскоре оказывается вовсе и не обращением, а предисловием к книге, из которого сделали «обращение» Душенов и К°. Реакция церковных властей довольно вялая, никакими прещениями и не пахнет. Да

для них нет и повода. Формальное каноническое нарушение, допущенное Диомидом, — обращение ко всей пастве РПЦ через голову Патриарха, Синода и Архиерейского собора, а не только лишь к своей епархии, на серьезные прещения явно не тянет. Типичное отношение со стороны церковного большинства — благожелательно-ироническое. Да, признают многие, человек искренний (хотя и не очень умен); в «Обращении» подняты реальные проблемы, но, наряду с этим, богословский уровень довольно низкий, немало всякого рода нелепостей и вполне маргинальной «шизы», в которой реальные проблемы Церкви и внешнего мира подаются в карикатурно-гипертрофированном, искаженном виде. (Однако «благоухающие» уже тогда начинают все больше напоминать борзую свору, почуявшую вожделенный момент травли.) Выходит взвешенный богословский ответ на «Обращение» талантливого молодого богослова **Юрия Максимова**, в котором представлен его аргументированный и сбалансированный разбор. Почти одновременно выходит письмо авторов и читателей интернет-сайта «Русская линия», призывающее Диомида к конструктивному диалогу. Синодалы заняты своим привычным делом — «замыливанием». Митрополит Кирилл в своем публичном комментарии «отделяет мух от котлет», высказываясь в том плане, что «владыка никакого обращения не писал, это предисловие к книге, жаль, что его так используют, а вообще, не надо нагнетать». В общем, острого конфликта пока нет, и дискуссия, порожденная первым «Обращением», не выходит за рамки приличий. Итак, первый размах «качелей», сделанный Диомидом (или кем-то от его имени), не приводит в движение весь механизм деструкции: «шаг» пока еще слишком слабый.

Вскоре после этого для увещевания Диомида посылаются епископ Феогност из Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Наум и еще несколько клириков. Во время беседы на все вопросы и увещевания прислан-

ных к нему собратьев владыка «просто молчит», не высказывает ни согласия, ни каких-либо аргументов, что убеждает тех, что в своих поступках и распространяемых от его имени публичных заявлениях он явно несамостоятелен.

Если бы дело ограничилось этим, то ни о каком «деле Диомида» не пришлось бы говорить. Однако через некоторое время от имени мятежного епископа выходит еще одно, новое «Обращение», в котором Рубикон уже явно перейден. Здесь уже Диомид не просто ставит проблемы (с какой степенью адекватности — отдельный вопрос), но прямо требует покаяния от Патриарха и членов Синода в приписываемых им многочисленных «ересях», вменяя им, в частности, молебен в Париже, во время поклонения Терновому Венцу Спасителя, считая этот молебен «экуменическим», и ряд прочих «прегрешений». Ясно, что такое поведение уже прямо неканонично и нецерковно: Диомид не **ставит вопросы, предлагая их для соборного обсуждения**, но **предъявляет ультиматум**, полагая самого себя как бы высшим выразителем богооткровенной Истины. Фактически это первый шаг к расколу. Такая принципиальная и поведенческая логика несвойственна епископам РПЦ и вообще никаким православным епископам, даже и не очень умным по жизни. Это логика обычно довольно многословных, начетнических и демонстративно «бескомпромиссных» сочинений М.В. Назарова, для которого РПЦ (как и воссоединившаяся с ней большая часть РПЦЗ) есть церковь безблагодатная, апостасийная, и единственный путь спасения — это создание «церкви последних времен» из «верных» осколков РПЦ, РПЦЗ и катакомбников. Что побудило бунтаря с панагией к столь радикальному ответу на увещевания собратьев, без какой-либо попытки вступить в диалог, — Бог весть! Можно же отстаивать свои убеждения, свою принципиальную позицию и без явных канонических преступлений, словно бы специально напрашиваясь на прещения! В этой

ситуации нам довольно затруднительно поставить себя на место Диомида, чтобы понять его внутреннюю логику, однако вполне очевидно, что после явной неудачи миссии епископа Феогноста церковным властям следовало срочно отозвать Диомида с Чукотки, оторвав его от его окружения, и благословить какое-нибудь другое послушание, желательно поближе к центру, держа под постоянным контролем самих синодалов. Этого, однако, сделано не было, причина чего нам также неведома.

Однако, при всей «бескомпромиссности», несмотря на, кажется, уже окончательно сделанный выбор, по мере приближения Архиерейского собора июня 2008 года (под который все явно и делалось), Диомид вроде бы начинает понимать, что перегнул. (Вообще, впечатление складывается такое, что когда мятежный епископ действует сам, то его действия гораздо более адекватны и вменяемы, чем когда он испытывает давление, прямое либо косвенное, некоего окружения.) И вот, незадолго до Собора, когда ряд клириков его епархии, следуя фактической логике второго «Обращения», вдруг перестают поминать Патриарха Алексия за литургией, делая первый **практический** шаг к расколу, Диомид пресекает это самым решительным образом: он запрещает в служении мятежных клириков, а некоторых и прямо изгоняет из своей епархии. Тем самым он как бы демонстрирует принципиальность своей церковной позиции: «Истину отстаивать буду, но в раскол не уйду, евхаристическое общение с Патриархом не прерву». (На что его, собственно и благословляет его духовник, известный православный старец Рафаил (Берестов)). Подчеркнем, что в данном случае не столь важно, насколько адекватно и богословски выдержано его представление об истине; важно, что **на этом этапе он принципиально (и правильно!) отделяет вопросы идейные, содержательные от дисциплинарных!** В этот момент Диомид явно не хочет, чтобы его «стояние за истину» у кого-нибудь (и прежде всего у самого Патриарха и отцов

собора) ассоциировалось с расколом и превышением им своих епископских полномочий, то есть с явными каноническими нарушениями и преступлениями. Если бы Диомид до конца выдержал эту линию и, явившись на собор, принес бы **покаяние за свои прегрешения дисциплинарного характера,** заявив при этом, что не отказывается от выдвигаемых им **идей и считает важными поднимаемые им темы**, то, во-первых, никакого повода для извержения из сана тогда бы не было. А во-вторых, **идейно-содержательная сторона диомидовского «творчества» оказалась бы в сознании всех решительно отделенной от его канонических нарушений церковной дисциплины, а это, в свою очередь, означало бы, что подлинная цель «операторов» «качелей» не достигнута!**

Этого, увы, не произошло. Диомид сделал прямо противоположное: он отказался приехать на Собор под явно надуманным предлогом болезни (да при этом еще вместо настоящего бюллетеня представив некую справку из больницы г. Анадыря), а буквально накануне дал свое знаменитое интервью, в котором продолжил нападки на Патриарха, присовокупив заявление, что все гонения на него (которых на тот момент явным образом еще не было, если не принимать во внимание графоманско-публицистическое творчество «благоухающих политтехнологов», вообще не представляющих официальную Церковь) — проявление личной мести со стороны митрополита Кирилла. Таким образом, размах «качелей» со стороны Диомида (или, что скорее всего, манипулирующих им сил) стал максимальным, что автоматически вело к тому, что ответный «шаг» становился неизбежным.

Здесь необходимо сделать одно небольшое пояснение. Когда целый ряд комментаторов вполне справедливо заявляют, что сторонники и противники Диомида, яростно сражающиеся друг с другом в виртуальном пространстве, — две руки одного субъекта, эту мысль

нельзя примитивизировать расхожими представлениями о какой-то «агентуре». То есть последняя, в том или ином виде, конечно, всегда присутствует, но главную роль играет отнюдь не она! Технология «качелей» предусматривает, что «раскачиваемые» субъекты, «акторы» политической игры, которые становятся объектами политтехнологической манипуляции, ставятся в такое положение, когда, принимая по видимости свободные решения, в условиях формальной внешней свободы, они действуют по заранее прочерченным «лекалам»; их поступки можно спрогнозировать и вписать в заранее подготовленный план. Такая технология, с ее разнообразными модификациями, давно находится в арсенале спецслужб и называется «управление по тенденциям». Вот, например, митрополит (нынешний Патриарх) Кирилл. Как, спрашивается, он должен реагировать и может ли не реагировать вовсе, если про него публично говорят, что он-то и есть главный злодей, изверг рода человеческого, а его любимый отдел следует попросту разогнать? То есть абстрактно-теоретически он может, конечно, не реагировать или реагировать с ангельской кротостию, но тогда... Нет, это решительно невозможно! Или, скажем, Святейший Патриарх Алексий (ныне, к несчастью, уже покойный). Может ли он оставить без внимания заявление действующего епископа вверенной его предстоятельскому попечению церковной юрисдикции, из коего следует, что он, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий — еретик, христопродавец и вероотступник, вождь всех еретиков и апостасийников? В обоих случаях мы намеренно несколько утрируем формулировки, но ведь **СУТЬ** диомидовских заявлений, сделанных, подчеркнем (им ли — отдельный вопрос), **непосредственно перед Собором**, заключается именно в этом! Вполне понятно, что оставить без внимания таковые слова своего «заклятого оппонента» эти люди никак не могли. Они и среагировали. Как могли, то есть — с максимальной жесткостью.

Однако вначале еще немного о технологиях. Если целью является церковный раскол, причем по схеме «Оголтелые, невежественные и неадекватные фундаменталисты против современных, вменяемых и адекватных либералов ("нашей Церкви")», то раскачивать «качели» без участия «общественности», народных масс не совсем правильно, контрпродуктивно. В предсоборный период «политтехнологи» решили, что «дело в шляпе» и можно уже «поднимать народ». Противостояние двух групп «православных демонстрантов», свезенных в организованном порядке на автобусах из разных географических точек необъятной Родины, вблизи зала церковных соборов — «диомидовцев» и «наших», — настолько топорно срежиссированный спектакль, получивший столь широкое освещение в прессе, что подробно останавливаться на его описании просто бессмысленно. Необходимо подчеркнуть лишь следующее. В отличие от «диомидовцев», державших плакаты с выражением поддержки Диомиду, на плакатах «наших» значилось — «Мы с Патриархом, мы с Собором». Ясно, что эти последние, по замыслу политтехнологов, должны были играть роль послушных чад Церкви, в отличие от «фундаменталистски» настроенных бунтарей. Однако всякому непредвзято настроенному наблюдателю, особенно знающему и понимающему церковные реалии, во всей этой «мизансцене» бросалось в глаза явное несоответствие замысла и исполнения, формы и содержания. Еще бы! Ведь если на минуту предположить, что Патриарху и отцам Собора угрожала бы реальная, а не виртуальная опасность, то действительно церковная демонстрация, созванная по воле самого священноначалия, выглядела бы совсем иначе! Обычные прихожане с похожими крестами и хоругвями, пришедшие защищать своего Предстоятеля и свою Церковь, по внешнему виду мало чем отличались бы от «диомидовцев» и вполне могли бы по-братски и с любовью сказать тем: «Что же вы, братья и сестры, бузите? Мы не меньше вашего монархисты,

не меньше вашего не любим ереси экуменизма и ничуть не меньше обеспокоены негативными последствиями глобализации. Но зачем же ваш Диомид так говорит о Патриархе и вообще смуту устраивает? Это нехорошо, не по-христиански это! Надо друг к другу с любовью, надо молиться, а раскол — это очень нехорошо! Так что давайте жить в мире и давайте лучше вместе помолимся» — и т.д. Однако такая «картинка» (а оба «митинга» очевидным образом делались под «картинку») никак не устроила бы политтехнологов. Где же тогда был бы искомый конфликт? И где же было бы искомое сращение церковного «мейнстрима» с либеральным «прикидом»? Поэтому «митинговая» часть пресловутых «качелей» устраивалась вообще отдельно от самого собора. И если «диомидовцы» имели, в общем, вполне «традиционный», «фундаменталистски-пещерный» вид, то представители движения «Наши», обозначавшие «собственно Церковь», смотрелись настолько чужеродно и неорганично, что это не могло не броситься в глаза всякому, кто наблюдал все действо. Если «диомидовская» часть спектакля хоть внешне смотрелась «естественно», то среди «наших» отличие безразличной, мобилизованной тусовки от «руководящих товарищей» было видно буквально невооруженным глазом. Парочка «наших», раздававшая отпечатанные на мелованной бумаге цветные листовки «антидиомидовского» содержания (неповторимо безграмотный и неподражаемо графоманский стиль которых выдавал руку К. Фролова), была буквально доведена до слез ласково-благоуветливыми расспросами моего друга-журналиста, интересовавшегося: откуда они приехали, как давно в Церкви, в какой приход ходят, кого из известных духовников знают, кого из святых отцов удосужились прочитать и самое главное: чем им не нравится Диомид и что они вообще про всю эту историю знают? Было абсолютно понятно, что эти, в общем, довольно симпатичные ребята — просто мобилизованные исполнители. «Страшная кро-

вавая драка», якобы начавшаяся в результате нападения «диомидовцев» на «наших», в которой якобы «участвовало несколько сот человек», «потребовавшая вмешательства ОМОНа», — настолько скучная материя, что не хочется о ней и говорить. По горячим следам были проведены журналистские расследования, в которых и было доказано, что все это не более чем газетная «утка». То есть какая-то мелкая стычка, конечно, была, но была она настолько ничтожной, что несколько скучающих милиционеров легко развели альтернативные «митинги» по разным точкам окрестностей. Один из милиционеров в ответ на вопрос корреспондента даже заметил: «Спокойный контингент, не то что футбольные "фанаты" или посетители рок-концертов...» На фоне регулярно происходящих в той же Москве довольно острых столкновений на этнической почве с применением холодного и огнестрельного оружия (как, скажем, нашумевшая вооруженная «стрелка» в Марьино, любительская видеозапись которой обошла Интернет) это привлекшее непропорционально ажиотажное внимание прессы явно «постановочное» событие — просто детский сад! В общем, сработано было топорно до несусветности.

Теперь о самом Соборе, точнее, о той его части, которая касается «дела Диомида». Прещения в отношении мятежного епископа были вполне ожидаемы, однако для нас в данном случае важны два нюанса. Во-первых, **каноническо-дисциплинарная сторона дела** (которая, собственно, непосредственно и рассматривалась Собором). Собор принял достаточно уникальное в церковной практике (особенно новейшей) «отложенное» решение, согласно которому Диомид запрещался в служении и извергался из сана, однако вступить в силу это решение должно было лишь в том случае, если тот не принесет покаяния в течение двух недель, остававшихся до ближайшего заседания Синода (которое обычно проходит 18 июля, в день памяти преподобного Сергия Радонежского). Однако **на следующий день утром после закры-**

тия Собора было проведено телефонное голосование членов Синода, которым Диомид отстранялся от управления епархией и в СМИ стал именоваться уже «бывшим епископом», и, таким образом, соборные решения были отчасти все-таки введены в действие! Мотивы таких странных действий церковных властей нам неведомы, но получается, что покаяние Диомида вроде бы и не предусматривалось? Сложилась ситуация настоящего канонического абсурда. Отменить решения Собора может только Собор, Синод, как нижестоящая инстанция церковного управления, этого сделать, согласно действующему Уставу Церкви, никак не может (откуда и возникла идея «отложенных» решений). В силу этого, кстати, многие владыки на Соборе и выступали за более мягкое наказание бунтаря с панагией. Однако если Синод уже (хотя и частично?) ввел в действие соборные прещения, то получается, что даже в случае покаяния Диомида отмена этих решений на отложенном заседании Синода уже невозможна, требуется ждать следующего Собора (который вряд ли будет вновь специально созван по такому поводу, ждать придется четыре года), и тогда, стало быть, возможное покаяние «Сергея Дзюбана» имеет для него лишь индивидуально-моральное, душеспасительное значение, а весь смысл «отложенности» просто теряется, обессмысливается принципиальный подход, связанный с «отложенным» решением! Тогда непонятно, зачем же было откладывать?? И почему нельзя было сразу решить вопрос на заседании Собора?

Этим, однако, странности, связанные с «делом Диомида», отнюдь не исчерпываются. Дело в том, что **архиереями — участниками Собора, по крайней мере подавляющим большинством, «дело Диомида» воспринималось как чисто дисциплинарное.** (Главный упор на этой стороне сделан и в соборном «Определении».) Всем было понятно, что Диомид — это какой-то бунтарь и с ним надо что-то делать. Кроме того, серьезным аргументом против Диомида было просто то, что

он ссорит Церковь с российским государством, с ныне действующими мирскими «начальниками», что в Православии в принципе не приветствуется. Идейно-содержательная сторона диомидовских «обращений» всерьез на Соборе не рассматривалась. Однако сразу же после голосования по Диомиду в виртуальном пространстве был распространен и стал доступен для всех желающих некий весьма странный документ под названием **«Богословско-канонический анализ писем и обращений, подписанных Преосвященным Диомидом, епископом Анадырским и Чукотским»**, авторы которого заняты именно этой содержательной стороной. К счастью, к настоящему моменту обнародовано уже немало работ, содержащих подробный разбор этого «анализа» (см., например, «круглый стол», организованный интернет-сайтом «Правая.ру» 22 июня 2008 года: http://www.pravaya.ru/faith/15/16163). Это избавляет нас от необходимости дублировать работу коллег. Все-таки «пауза Джулии» — очень удобная вещь! Для всех богословов, канонистов, просто грамотных людей абсолютно очевидно, что богословский уровень этой «сопроводиловки», как говорится, «ниже плинтуса», количество очевидных «ляпов» просто зашкаливает, и мыслящие заинтересованные люди сегодня развлекаются, соревнуясь, кто больше таких «ляпов» найдет. Если диомидовские «обращения» хотя бы по форме напоминают что-то богословское (хотя и очень уязвимое для серьезной критики), то в данном случае складывается впечатление, что к документу приложили руку какие-то «не вполне богословы». Какая уж тут «Богословская синодальная комиссия»! Впору вскричать словами Макбета: «Кто это сделал, лорды?» Как деликатно выразился порой бывавший довольно резким **В.Л. Махнач**, «*этот анонимный богословский комментарий, где нет ни одной подписи, — я не знаю, кто это писал. Некая группа, может быть, православных христиан, а может быть, и нет*». **ФОРМАЛЬНО ДАННЫЙ ДОКУМЕНТ**

НИКАК НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ДОКУМЕНТОМ СОБОРА, таковым в «деле Диомида» является лишь соборное «Определение», за которое голосовали отцы Собора. Что же касается вышеупомянутого «анализа», то мы **вполне точно знаем**, что, в отличие от других документов, **архиереи всерьез и не вникали в него**, да и не имели такой возможности, поскольку он был роздан им незадолго до голосования. Таким образом, налицо самая настоящая **манипуляция**: архиереи голосовали за прещения в отношении «бунтаря против Патриарха», рассматривая дело **как дисциплинарно-каноническое;** между тем «прицепом» к вполне обоснованному по сути решению пошел документ, содержащий **фактическую ревизию Предания и церковных документов, принятых Собором 2000 года**! Имеем в виду, разумеется, прежде всего **«Основы социальной концепции РПЦ»** — предельно взвешенный, глубокий и сбалансированный документ, являющийся базовым, исходным в социальном учении нашей Церкви. По нашему мнению, именно в этом и заключался изначальный замысел политтехнологов. Мы глубоко убеждены в том, что «Диомид» как проект с использованием не очень умного и «упертого» человека изначально был задуман как тот самый паровоз, к которому цепляют пресловутый «пломбированный вагон» с его революционным содержимым — сменой церковного «центра» с умеренно-консервативного на либеральный!

Как известно, «Основы...» в своей ключевой, III главе, содержащей учение о власти, учат об **иерархии форм власти**, среди которых наивысшей называется судейство, то есть **непосредственная теократия**, более низкой — **монархия** (две эти формы власти прямо и недвусмысленно определяются в «Основах...» как богоустановленные) и, наконец, третья, **самая низкая, — демократия**, которая определяется как установление чисто человеческое, как **дело рук человеческих**. То, что Церковь не навязывает обществу духовно более вы-

сокой формы власти, осознавая, что это невозможно без духовного возрастания людей, отнюдь не означает, что все перечисленные выше формы власти тем самым уравниваются. Данное учение о власти сформулировано в ОСК **абсолютно четко и недвусмысленно**, на что справедливо обращают внимание комментаторы. Между тем пресловутый «анализ» фактически подвергает ревизии эту важнейшую часть «Основ...», ибо, цитируя соответствующее место этого основополагающего церковного документа, просто-напросто купирует ключевой отрывок! Не намереваясь вдаваться в дальнейший анализ этой, в общем-то, вполне ясной ситуации (что, повторяем, во многом уже сделано коллегами), подчеркнем, что **утверждение анонимного документа о безразличии Церкви к форме власти, существующей в государстве, прямо противоречит церковному Преданию, ибо *у святых отцов древних и новых веков нет ни одного высказывания, в котором бы отрицалась богоустановленность монархии, а вот высказываний прямо противоположного содержания, а также обличений республиканско-демократического строя (особенно у церковных писателей XIX века, в том числе и канонизированных Церковью) можно привести сколько угодно!***[2] Не менее странно выглядят и другие положения «не вполне богословского» и «не вполне канонического» «анализа».

Здесь необходимо сделать одно принципиальное замечание. Когда участники вышеупомянутого «круглого стола» (в частности, уважаемый В.И. Карпец) говорят о необходимости «рецепции» соборного решения архиереев «народом» (то есть мирянами), то, с позиций православного богословия, это, строго говоря, не совсем точно. Критерием истины в Православии действительно является то, что в богословии называется **«принципом рецепции»** (то есть то или иное решение **законной, канонической церковной власти** считается истинным, если с течением времени оно воспринимается в качестве

такового всей полнотой Церкви). Однако здесь не следует совершать распространенную ошибку и противопоставлять иерархию и народ, «клириков» и «лаиков». По православным представлениям, Патриарх, Синод, Соборы (не говоря уже о священниках и мирянах) — вполне могут быть погрешимы! Что же имеется в виду, когда мы говорим о непогрешимости Церкви? **ВСЯ ЦЕРКОВЬ В ЦЕЛОМ, ВСЯ ЦЕРКОВНАЯ ПОЛНОТА. Итак, любое решение церковной власти, обладающей апостольским преемством, правом «вязать и решить», подвергается рецепции непогрешимой церковной полнотой, единой Церковью, в которой существуют разные служения — епископов, священников и мирян, причем служения эти связаны между собой не «равенством», а иерархическим подчинением**! Это то, чего никогда не могла понять западная богословская мысль. Поэтому представление о соборе епископов как непогрешимом «коллективном папе» есть явное следствие влияния католицизма!

Однако чрезвычайно важно, что в данном случае, с учетом вышеизложенного, **пресловутый «Богословско-канонический анализ...», это убогое творение «богословов в штатском», нуждается еще в «рецепции» самими отцами Собора!**

Послесоборное время, первые недели две июля, было самым опасным и смутным с точки зрения наиболее реальной опасности раскола. Многие вполне компетентные богословы, впервые увидевшие вышеупомянутый документ, были просто в шоке. «Благоухающие политтехнологи» напоминали борзую свору, почти уже загнавшую зайца. (Впрочем, для них это теперь уже, пожалуй, постоянное состояние.) Многие вполне вменяемые люди (и клирики и миряне), никогда не отличавшиеся склонностью к расколу и непослушанию, в личных беседах прямо говорили о непризнании ими решений Собора. При этом из **весьма элитных экспертно-аналитических кругов** приходили слухи настолько сенсационные, что мы не решаемся их озвучить (тем более что

ситуация уже все равно кардинально изменилась). Формальное управление Чукотской и Анадырской епархией было передано архиепископу Хабаровскому и Приамурскому Марку. Между тем на Чукотку двинулась «группа захвата». Стиль захвата напоминал действия ВЧК–ОГПУ в ранние годы большевистских гонений. «Благоухающие» бесновались. Духовные люди по этому поводу говорили: «Одесская чрезвычайка вновь торопится натянуть свои кожаные тужурки». Словом, как пишут в газетах, «напряжение возрастало».

Но здесь произошло два события. Во-первых, заседание Синода было перенесено на 2 сентября. (Что все расценили как определенную «милость» по отношению к Диомиду — тому давали больше времени, чтобы одуматься и решиться на покаяние, что, конечно, в его положении, в которое он, по сути, сам себя загнал, уже довольно непросто.) Однако было уже поздно — заведенный механизм «качелей» действовал теперь без сбоев. Увидев презрительную отписку в виде «слегка богословского» анализа, Диомид среагировал так, как можно было предвидеть, но реакция эта, пожалуй, — самое странное во всей разбираемой цепи событий. Вначале он еще раз вступил в контакт со своим духовником отцом Рафаилом (Берестовым) и подтвердил свою обычную позицию: «На своей правоте настаиваю, но в раскол не уйду». Но буквально на следующий день, вместо того чтобы встретить архиепископа Марка и наконец вступить в непосредственный контакт с официальным представителем Церкви, неожиданно отправился в самую отдаленную точку Чукотки, где есть поселения и православный храм, — на мыс Шмидта, одновременно предав анафеме Святейшего Патриарха Алексия, митрополитов Кирилла и Филарета, объявив их кафедры «вдовствующими». Причем, что характерно, эта информация впервые появилась не где-нибудь, а на раскольничьем антицерковном сайте «Кредо.ру», руководимом двумя абсолютными циниками — А. Солдатовым

и Г. Лурье, что даже побудило некоторых официальных лиц РПЦ посчитать эту информацию недостоверной. Одновременно Диомид все время повторял, что готовится перебраться в Москву или Подмосковье, где уже «есть участок земли для строительства храма».

Более неадекватное поведение невозможно себе представить. Если бы Диомид реально хотел встать во главе раскола, он должен был бы в этот момент все время максимально долго и назойливо находиться в информационном пространстве, всячески подчеркивая свою роль лидера. Кроме того, если речь идет о создании параллельной юрисдикции (которая, конечно, не есть Церковь), то, как бы то ни было, необходима какая-то оргработа (вербовка сторонников, регистрация общины и т.д.). Как же лидер может так демонстративно выпустить все из-под контроля? Далее. Как справедливо было замечено, на мысе Шмидта нет церковной библиотеки, нет подобающих источников, при помощи которых можно составить довольно длинный, изобилующий ссылками и цитатами начетнический документ. В этой ситуации уже всем стало ясно, что Диомидом манипулируют.

И что же? А — ничего!! Не так давно некоторые люди пугали нас украинской автокефалией. Особенно отличились в этом нагнетании страстей «благоухающие политтехнологи», чье «политическое православие» было осуждено Архиерейским собором УПЦ МП. (Об этом разговор впереди.) «Окончательное объявление автокефалии» (не очень понятно, что это означает с канонической точки зрения) назначалось ими на вполне определенные сроки, которые все время переносились. Однако прошедшие в Киеве летом 2008 года торжества по случаю 1020-летия Крещения Руси окончательно показали: несмотря на все старания украинских властей, никакой «автокефалией», никаким новым расколом на Украине и не пахнет! Подтвердилось именно то, о чем все время говорили именно мы, оппоненты этих лжепророков!

Патриарх Варфоломей дипломатично уклонился от весьма настойчивых и прозрачных просьб Ющенко благословить «незалежну церкву», в которой часть приходов канонической РПЦ МП объединялась бы с раскольниками, Патриарх Алексий и вся московская делегация были триумфально встречены тысячами верующих, а сами раскольники даже не участвовали в официальной части празднеств! Подобным же образом закончилась и наша история с попытками политтехнологов сформировать новый раскол, поделить нашу Церковь на «диомидовцев» и «сильную независимую церковь», управляемую кураторами со Старой площади (а по сути — из куда более отдаленных мест). После «анафемы» Патриарху стало ясно, что «проект "Диомид"» лопнул как мыльный пузырь и никакие церковные массы в «диомидовский раскол» не пойдут! Церковь снова устояла, как стояла она во все времена.

В чем же здесь дело? А дело в том, что Церковь — это совершенно особая реальность, недоступная рассудочно-циничному сознанию политтехнологов, ибо в ней действует Дух Святой, сила Божия. Маловерие, недостаточное чувство этой духовной реальности Церкви порой подводит многих людей, даже вполне честных и порядочных, склонных панически впадать в нездоровый эсхатологизм. Русские массы не поддались на «разводку» политтехнологов, потому что в них это чувство живо!

Расскажу в заключение совсем недавний эпизод, как нельзя лучше иллюстрирующий тщетность жалких потуг политтехнологов сконструировать «цивилизованную» и «просвещенную» церковь, выкинув из нее то, на чем она стоит, то есть Предание. На недавнем заключительном заседании очередного Всемирного Русского народного собора в Екатеринбурге, посвященном 90-летию со дня кончины святых царственных мучеников, присутствовало довольно много народу: зал вмещает полторы тысячи человек, а на концерте люди еще стояли в проходах. Когда во время заключительного

концерта оркестр заиграл один из последних номеров — увертюру П.И. Чайковского «1812 год» и дошел до темы (!) «Боже, царя храни», **весь зал встал в едином порыве**. Исключение составили лишь те, кто в этот момент уже и так был на ногах, направляясь к выходу. Встали все — архиереи, священники, московские и питерские интеллигенты, другие участники собора, жители Екатеринбурга, пришедшие на концерт, старики, юноши-семинаристы, молодые матери с детьми, — словом, буквально все, находившиеся в зале. **НЕ ВСТАТЬ НЕ ПОСМЕЛ НИКТО.** Вот вам и ответ! Не картонная анафема Диомида страшна политтехнологам. Угрюмое молчание русских миллионов, того самого народа, который безмолвствует, слушая волю Божию, — их кошмарный сон. Ибо знают, что русский православный народ умеет и говорить. Умеет он и действовать. Как единый народ и как единая Церковь. И тогда... Впрочем, народ пока безмолвствует. Молится и приносит покаяние перед лицом Христа. И просит себе Царя. Ибо он — народ Божий.

Примечания

[1] Этот замечательный термин — блестящая находка Яны Бражниковой.

[2] Некоторые из них мы приводим в ст.: Выбор сделан // Независимая газета. 29.01.1999.

Россия и Церковь после Цхинвала

Сейчас вошло в определенную моду рассуждать обо всем (ну или о многом) в аспекте «после Цхинвала». У значительной части «экспертно-аналитического сообщества» и просто мыслящих людей сформировалось четкое ощущение того, что после событий в Цхинвале, после злодейского нападения на мирный город, представляющего явный «перебор» даже для современного мира, и неожиданного для многих адекватного ответа России относиться ко многим проблемам по-старому уже невозможно. Мир (а не только Россия) вступил в «постцхинвалье» — таков пафос целого ряда выступлений политологов и журналистов. Для нас несомненно, что это касается и Церкви.

Какой же итог цхинвальских событий можно считать имеющим отношение не только к государственной, но и к церковной политике?

Прежде всего, для всех здравомыслящих людей стало очевидным: утопия «вхождения» России в пресловутое «мировое сообщество» (под которым так называемые «элиты» имеют в виду в первую очередь Запад») бесславно рухнула. Но для того чтобы понять, **что именно рухнуло**, нужно несколько более определенно акцентировать некоторые вещи, которые далеко не всегда и далеко не до конца акцентируют.

Не только «новая Россия», но и СССР с определенного времени (явным образом с середины 80-х, а подспудно еще с 60-х, своего рода рубежом здесь является знаменитая **встреча Косыгина с Джонсоном в Глазборо в 1967 году**) жил под знаком интеграции с Западом. В этом процессе были свои «откаты» и «заморозки», но другого «проекта», кроме целенаправленной сдачи на наиболее выгодных для «элит» условиях собственного, самостоятельного проекта для России, у «элит» не было уже давно. Суть данного «проекта», его, так сказать, смысловая «сердцевина» заключалась в сознательном демонтаже империи и формировании на ее месте современного, молодого, динамичного, лишенного балласта «окраин» «национального государства», которое, с приданным ему новым импульсом развития, входило бы в Европу и вообще в Запад как гражданская нация, как государство западноевропейского типа[1]. В этом губительном для нашей страны «проекте» участвовали отнюдь не только ее прямые, сознательные и убежденные враги, жаждущие ее уничтожения. Целый ряд людей, с довольно внушительных размеров звездами на погонах, искренне верили в его спасительность, искренне считали империю нежизнеспособной, а «национальное государство» — единственным позитивным выходом. Некоторые из них, будучи уже на пенсии, до сих продолжают обсуждать любимую тему на своих подмосковных дачах, благо времени у них теперь предостаточно. **Главная проблема современного политического руководства нашей страны** заключается в том, что эти по своему искренние и преданные, в меру их понимания, интересам России люди — **прямые ученики вышеупомянутых обитателей подмосковных дач.**

И вот в ситуации с нападением войск Саакашвили на Южную Осетию наши политические лидеры «прыгнули выше головы», среагировали «в терминах» единственно возможной для исторической России имперской логики! Почему? Да просто потому, что они захотели **ЖИТЬ!**

Они поняли, что речь идет не только о будущем страны. Речь идет, попросту говоря, об их **шкуре**, и выжить им в этой ситуации отдельно от страны и народа — не удастся! Стало ли это тем моментом истины, после которого человек совершает то, что на языке православного богословия называется «трансцендированием», то есть превышает свои **естественные**, предназначенные ему от природы рамки жизни и действия? Совсем пока еще не факт! Но некоторый шанс того, что сама жизнь, со своей непреодолимой логикой, заставит их, сказав «А», назвать и следующие буквы алфавита, — несомненно, есть.

Однако вернемся к нашим страницам истории. Кто же был главным носителем, главным субъектом пресловутого проекта «национальной модернизации», строительства «национального государства» на месте советской империи? У этого проекта было немало сторонников, в том числе, к сожалению, и среди нашего брата — «патриотов», но главным субъектом был, как это ни прискорбно, «Комитет», то есть андроповский КГБ! На эту тему существуют весьма интересные исследования, в том числе и неопубликованные. Именно в недрах этого замечательного ведомства готовился распад СССР, и именно они, «чекисты» (точнее, их следующее поколение), продолжают «рулить» страной и вопреки всему искренне верить в то, что еще немного — и обновленная, современная Россия, ставшая наконец государством западного типа, войдет как «полноправный член» в западное сообщество. И тогда у нас будут такие же чистые улицы, как в Германии, такие же предупредительные, улыбчивые люди, такая же политкорректность, как в США, такая же терпимость, как в Голландии, и т.д. и т.п. (Ну и, само собой, «бабло», кровью и потом приватизации заработанное, нужно тоже хранить только там, на Западе. На худой конец, в Гонконге. В самом деле, не в России же... Как выразился один бизнесмен эпохи «славных 90-х», «бабки будем делать

здесь, аэродромы строить за бугром». Поэтому и вкладывали безумно российские деньги в спасение дутой американской ипотеки, а не в развитие российской промышленности.) Что еще должны сделать откровенные сателлиты Запада, чтобы разуверить их в правильности этого пути? Проект «национальное государство вместо Союза» (то есть, как ни крути, «превращенной формы» российской империи) — это проект Андропова, и явный крах его в наши дни — это полный и окончательный крах губительной для страны андроповщины.

Какое же отношение все это имеет к Церкви? На наш взгляд, самое непосредственное. И здесь мы напрямую соприкасаемся с другой темой, весьма оживленно обсуждаемой в последнее время на страницах православных ресурсов, — с личностью, без всякого сомнения, замечательного, харизматичного и выдающегося по своим талантам человека — **митрополита Никодима (Ротова)**. Окончательный анализ богословского наследия приснопамятного владыки отнюдь еще не закончен и требует вдумчивого, а главное, компетентного участия. Мы в настоящей работе отнюдь на него не претендуем. Выскажем лишь суждение, на наш взгляд, вполне очевидное. Такой анализ невозможен без учета и какой-то внятной богословской реакции на **записку**, которая в настоящий момент **в полном виде** доступна в сети и как раз претендует на богословскую оценку мировоззрения митрополита Никодима. Имеем в виду **документ, принадлежащий перу Л. Регельсона, Ф. Карелина, В. Капитанчука и священника Николая Гайнова**[2] и содержащий, на наш скромный взгляд, поистине разгромную критику мировоззрения митрополита Никодима. Хотелось бы подчеркнуть, что богословский уровень этого анализа очень высокий, он не имеет ничего общего ни с какой «диомидовщиной» (авторы по своему мировоззрению вообще — умеренные либералы), но, между тем, никакого **внятного богословского ответа** за прошедшие десятилетия от учеников и почитателей

владыки не последовало, что наводит на определенные мысли. Нас в нашей работе интересует, однако, другой, в большей степени политический, аспект.

Нам представляется, что современные критики митрополита Никодима, обвиняющие его прежде всего в «филокатоличестве», экуменизме и т.д., упускают из виду главное. А именно, тот социальный и политический **КОНТЕКСТ**, в котором протекала бурная и, как сейчас сказали бы, «креативная» деятельность митрополита. О контексте этом мы отчасти уже сказали выше. Суть и смысловую сердцевину его составлял упомянутый нами андроповский проект по демонтажу «империи» и формированию на ее месте национального российского государства, с вписыванием его в Запад. Коммунизм как проектная политическая идеология к тому времени был уже, по сути, никому неинтересен и не нужен, если не считать наивных «рядовых коммунистов», не делавших погоды в политике. Так что пресловутое «октябрьское богословие» митрополита Никодима, как и «экуменизм» в его **«традиционно»-упрощенном понимании**, отнюдь не составляли, по нашему глубокому убеждению, подлинного смысла его реальной религиозно-политической идеологии, играя, скорее, роль известного рода «дымовой завесы».

«Экуменизм» — это вообще отдельная история. Высказаться на эту тему всегда было и есть столько желающих, тема настолько одиозна, что присоединяться к этому хору или, тем более, как-то противостоять ему у нас нет ни малейшего желания. Заметим лишь, что, по нашему убеждению, при всем том, что желающих как-то покритиковать владыку более чем достаточно, вся эта критика по своему богословскому уровню много недотягивает до вышеупомянутой записки; думается, что **богословская** критика, если людям есть что аргументированно предъявить, не должна все же опускаться до примитивных сплетен и упрощенного пересказа косвенных источников.

Для нас не перестает быть странностью бесспорный факт: все критики митрополита почему-то не замечают очевидного: деятельность его по укреплению связей с инославными, особенно с Ватиканом, **главный вектор его политики (а это, как ни крути, сближение Православной Церкви с Европой и вообще с Западом) стопроцентно вписывался в проект «национальной модернизации» на месте предварительно разваленной империи (то есть СССР),** который мы вкратце охарактеризовали выше, как бы это ни прикрывалось коммунизмом для внутреннего использования. Разрушительный комитетский замысел западнической модернизации, антиимперского (и «светского»!) «державничества» по западноевропейскому образцу, был подлинной сердцевиной очень активной (но прикровенной) деятельности некоторых людей, прикрытой обветшалой коммунистической риторикой, давно уже никому неинтересной. Снаружи, на поверхности политики кремлевских «геронтократов», сверхдержава боролась за сферы влияния, «несла коммунизм народам мира», а внутри нее зрела сдача, отречение от тысячелетней империи. Отказ от изживших себя советских смыслов (давно уже более чем неизбежный и очевидный для поколения «детей номенклатуры») обернулся в итоге отказом от проектности вообще. «Гражданская нация» и «национальное государство», «органично вписанное в Европу», в России явно не удались (теперь это уже вполне очевидно). Они и не могли удаться, ибо, во-первых, Россия по природе своей империя, нельзя сохранить лицо, отказавшись от своей сути, от личности, а во-вторых, никакой Запад никогда не хотел «вписать в себя» Россию, он всегда стремился ее только уничтожить.

Однако 70-е годы были временем расцвета всех этих иллюзий. «Андроповцы» нетерпеливо ждали смены власти. Со своей стороны, в Церкви ждал ее и Никодим. Если для государства «западническое державничество» — безусловный антагонизм, который рано или поздно раз-

решится победой одного из составляющих его начал, то для Церкви «сближение с Европой» естественным образом не могло не затронуть конфессионально-вероучительную сторону. Как для советско-российских так называемых «реформаторов» существовал единый западный мир, куда можно «вписать» обновленную Россию, так и для Никодима (и до сих пор для ряда деятелей нашей Церкви) существовало и существует некое мифическое «единое христианство», и не было и нет никакой речи о несомненных западных ересях.

Подчеркнем, что мы более чем далеки от каких-либо досужих домыслов по поводу «агентуры», «работы на КГБ» и т.д. Эта тонкая материя — предмет отдельного, сугубо специального разговора, но для нашей темы данный предмет отнюдь не имеет **решающего** значения. Гораздо важнее — **объективное совпадение, совпадение по факту** политического вектора и, как сейчас сказали бы, политтехнологической игры, ведомой до поры до времени скрытыми от посторонних глаз «национальными модернизаторами» в погонах и открытым всему миру молодым и динамичным иерархом. Покойный митрополит вел с «органами» и вообще с высшим политическим руководством СССР свою сложную и рискованную игру. Обычно говорят, что он умело и ловко использовал потребность советского («коммунистического») режима респектабельно выглядеть перед Западом и под этим предлогом резко омолаживал и расширял церковные кадры. Говоря так, вновь не задают себе и другим более чем очевидного вопроса: а почему это «упертым» коммунистам вдруг ни с того ни с сего вообще понадобилась эта «респектабельность»? Разве советские руководители всегда так о ней заботились? Но эта «беззаботность» ведь не мешала развитию торговых, да и политических отношений с Западом?..[3] Так что мы бы сказали иначе: Никодим модернизировал Церковь под «западнический» проект определенных кругов «ЦКГБ» (иначе говоря, советской «элиты»), при этом в своей,

«церковной» модернизации по западному, европейскому образцу сильно опережая светское начальство; его нетерпение и напор (словно по наследству передавшиеся некоторым из его учеников), в отличие от общего идеологического вектора, очевидным образом контрастировали с осторожностью, нерешительностью и придворной изощренностью членов Политбюро. Не в этом ли очевидном контрасте — главная, так сказать, «земная» причина его общей неудачи? Если бы я был апологетом Никодима, я бы сказал, что он сильно опередил свое время. Подгонять историю (тем более апостасийную) не менее опасно, чем излишне подмораживать...

Прямым результатом деятельности Никодима была большая, чем до того, интеграция Церкви в деятельность международных институтов, и отнюдь не только таких, как Всемирный Совет Церквей. И дело здесь, как уже сказано выше, не только лишь в пресловутом «экуменизме». Митрополит Никодим формировал не просто модернистское богословие, но, как показано в упомянутой выше записке, **революционно-модернистское**. Это была не просто некая церковная реформация (в широком смысле), но **нечто большее**. Он не просто хотел в большей степени соответствовать «запросам времени», но формировал **совершенно особый стиль**, особый подход к церковной жизнедеятельности, который был модернистским не только лишь с точки зрения богословия, но именно в плане **самого образа бытия и действия Церкви** в современном, стремительно секуляризирующемся мире.

Стремясь соблюдать неписаные правила политкорректности, не будем употреблять отдающего вульгарностью ругательного термина «никодимовщина». Поведем речь о **стиле Никодима**, о никодимовской **школе церковного поведения** и специфической церковной культуре (в широком смысле), во многом порожденной покойным архипастырем. Вся она, как бы то ни было, опиралась именно на идею **«вписывания» Православ-**

ной Церкви в современный секулярный мир (пусть и из предельно благих намерений), а никак не наоборот! **И в этом все дело.** И именно в этом, по нашему убеждению, — корень многих сегодняшних проблем нашей Церкви.

Думается, что крах либерально-западнического проекта для России, который стал окончательно очевиден после Цхинвала, не может не коснуться и Церкви. В условиях, когда среднее поколение так называемых «чекистов», эти **либеральные националисты — выходцы из КГБ** и сопряженных структур, начинают все в большей степени воспроизводить реальное (а не только лишь виртуально-пиаровское) державничество, которое для России (что бы кто ни говорил) непременно влечет за собой имперские смыслы, «вхождение в Европу» и «многополярность» для Православной Церкви, этой единственной носительницы неповрежденной Истины апостольского Предания, звучит совсем уж неприемлемо. Если для светского государства «многополярность» допустима как real-politic, то для Церкви, живущей полнотою даров Святого Духа, питающейся благодатью, никак невозможно мыслить себя **наравне с другими субъектами религиозного пространства**, в особенности с теми, которые исторически базируются на апостасийном Западе, с западными еретиками. Признание права людей на свободу совести отнюдь не означает и не может означать примирения Православной Церкви (обладающей всею полнотой благодатных даров Святого Духа, необходимых нам для нашего спасения) с религиозной ложью, содержащейся в других религиях. Церковная дипломатия по самой своей сути никак не может претендовать на роль православной «конгрегации вероучения»!

Церковь Христова, подобно империи, тем более не может никуда «входить», а лишь, по природе своей, может всех приглашать войти в себя, признав Истину Святого Православия. Поэтому Церковь и империя, служа

великой цели, столь родственны и всегда столь тяготели друг к другу.

Ныне, когда наступил час истины и решается вопрос о самом существовании России и будущем мира, когда рушится весь западный мир, основанный на секулярности и гедонизме (о крахе глобального рынка, об экономическом коллапсе не рассуждает сегодня только ленивый), абсолютно недопустима ситуация, когда РПЦ выглядит порой едва ли не либеральнее государства, проявляя **недопустимую лояльность по отношению к своей внутренней церковной «гайдаровщине»**, в лице ряда представителей «среднего звена» церковного и околоцерковного менеджмента и иерархии, нетерпеливо рвущейся к власти. Слава Богу, что пока, при содействии вменяемой части православной общественности (то есть ее церковно-консервативного большинства), эти попытки сдерживаются Святейшим Патриархом Алексием и другими представителями церковной власти[4].

На повестке дня — вопрос об **изживании никодимовского наследства**, его главной, так сказать «сердцевинной», части, связанной с принципиально неверным тезисом о приспособлении Церкви к «непрерывно меняющемуся» секулярному миру. Игумены, проживающие в городских квартирах и ни одного дня не несшие послушаний в монастыре, приходы, где всенощная длится час с четвертью, а литургия — сорок минут и без часов, миссионеры, кощунствующие над святынями, монахи, практикующие Иисусову молитву под беснование рока, священники и духовники, призывающие к сокращению молитв и упразднению постов, проповедники, учащие свою паству таким вещам, о которых мы не решаемся сказать вслух, гламурные дамы с «панковским» прошлым, претендующие на роль духовных авторитетов, наконец, «церковные» журналисты, превращающие православную прессу в рупор революционной «реформации», — должны быть преодолены, как морок **проигравшего в истории либерализма,** и выброшены

вон на свалку истории. Их наглость, с которой они претендуют на роль церковного «мейнстрима», должна получить и получит достойное наказание!

Между тем сегодня, под аккомпанемент красивых рассказов о роли наших святых в отстаивании русской «идентичности», эту самую идентичность пытаются выкорчевать вовсе, навязывая насквозь лживый и решительно расходящийся со святоотеческой традицией тезис о «непредпочтительности» для Церкви различных форм власти. О власти мы говорим в главе «Патриарх последних времен». Здесь же заметим, что в этих публикациях, формально выражающих частное мнение отдельных богословов, происходит попытка прямой ревизии **«Основ социальной концепции РПЦ»**, в которых как раз выстраивается **иерархия форм власти** и прямо говорится о **богоустановленности «судейства» (то есть непосредственного богоправления, теократии) и монархии**, в отличие от **парламентской демократии,** которая определяется как **установление чисто человеческое**. Не намереваясь сейчас вдаваться в специальный анализ данной проблемы (которой мы отчасти уже касались в главе «Качели»), отметим лишь то, что в данный момент представляет для нас особый интерес именно в свете нашей сегодняшней темы: «непредпочтительность» — это ведь, по сути, и есть пресловутая «многополярность», то есть принципиальная сдача своего, православно-имперского миропроекта и «вписывание» России и Церкви... нет, не в коммунизм, который давно мертв, а — в глобалистическое целое «прекрасного нового мира»[5]. Ибо тема и **проблема власти принципиально и последовательно отделяется здесь от ее духовной сердцевины**, без которой вообще нет никакой власти, а есть лишь условность чисто светского права, прикрывающего то реальное «право», которое ныне правит секулярным западным миром, — право силы. **Голая сила и власть, имеющая сакральные основания, — не одно и то же!** Стоило бы помнить об

этом, празднуя действительно славную победу в Южной Осетии...

Будучи открытыми к приличной дискуссии (а отнюдь не к поношениям и обливаниям грязью в стиле некоторых пользователей «ЖЖ»), позволим себе в заключение одно принципиальное замечание. Именно в этом отделении понятия власти от его духовной составляющей, в приспособлении Церкви к духу «міра» и заключается подлинное существо той революции, которую хотел произвести в нашей Церкви, но не успел, искренний утопист, человек больших даров и несомненных талантов, тем не менее **в свое время** проигравший не хватавшим звезд с неба искренним поборникам Традиции, — митрополит Никодим.

Примечания

[1] Подробнее об этом см. в нашей статье: Межэтнические конфликты в современной России и судьба империи // Проблемы развития. 2007. №1(5), под псевдонимом Семен Владимиров, а также: (http://www.rusk.ru/st.php?idar=104550 и http://www.rusk.ru/st.php?idar=104553).

[2] См.: http://www.apocalyptism.ru/Antinicodim_cont.htm

[3] За последнее время появился ряд интересных текстов, в которых делается попытка «замылить» вообще все что можно, а главное — доказать, что в никодимовской церковной политике не было ничего принципиально нового. (См., напр.: *Андрей Кураев, диакон.* Архиерейское совещание 1948 года и современные мифы о нем (http://www.pravoslavye.org.ua/index.php?r_type=article&action=fullinfo&id=22717). При этом ссылаются на известное **совещание в Москве 1948 года** и, используя архивные документы, говорят, что оно по замыслу также было «экуменическим», только целью этого «экуменизма» было «помочь христианам всего мира освободиться от диктата Ватикана»! Надо ли говорить, что этот «экуменизм» был чисто политическим, а не богословским явлением, и поэтому непосредственно относится к нашей сегодняшней теме! В ответ на типично манипулятивую посылку **протодиакона А. Кураева** заметим, что в 1948 году речь шла все же о **противостоянии Ватикану** и его влиянию вместе с христианами Запада, то есть о **противостоянии главному религиозному центру Запада** и о **создании альтернативного религиозного центра в Москве** (идея

перехода к Москве «первенства в пентархии» и Москвы как лидера православного (восточно-христианского) мира). Эта идея позднего Сталина, пресловутого «сталинского ренессанса» 1943–1948 годов была, конечно, абсолютно утопической и нереализуемой, поскольку возвращение к историческим истокам теории «Москва — Третий Рим» решительно расходилось с той идеологией, которая была основой советского проекта, то есть с идеологией коммунистической, а от коммунизма никто из советских бонз в то время отказаться не хотел и не смог бы. Однако характерно, что, в отличие от последующего времени (то есть от тех же 70-х), в этом проекте речь шла все еще **о решительном противостоянии советской империи Западу, а не об интеграции с ним**, и Церковь «вписывали» именно в это противостояние, а не в «интеграцию» по никодимовскому образцу. Изменилась эпоха, изменились идеи, изменились и «игроки»... И когда сегодня некоторые из наших иерархов в блестящем стиле занимаются публичной апологетикой святого благоверного князя Александра Невского как великого святого, стратега, дипломата и воина, то нужно будет сказать (если выдержать аналогию до конца), что никодимовские игры с Ватиканом — это не «поездки в Орду» святого благоверного князя Александра ради спасения Руси, не готовой еще к открытой схватке (в качестве последних можно, чисто формально, рассматривать умение Никодима ладить с советскими властями), а как раз полная и безоговорочная сдача тевтонским рыцарям!

[4] Яркое доказательство полного единства Святейшего Патриарха Алексия и консервативного большинства нашей Церкви — награждение орденом святого князя Даниила Московского III степени главного редактора журнала «Благодатный огонь» **С.И. Носенко**, чей печатный орган является одним из лидеров в современной православной апологетике. Как известно, С.И. Носенко сыграл крайне важную роль в сборе подписей под известным письмом 124 священников против неообновленчества. Достойный ответ Патриарха на непрестанную клевету либерального лобби! (Все это было написано осенью 2008 года, незадолго до безвременной смерти Святейшего. О новой ситуации в Церкви, складывающейся при новом патриаршестве, см. в главе **«Модернистский соблазн»**).

[5] Когда сейчас облеченные властью церковные чиновники, говоря о целях межрелигиозного диалога, провозглашают в качестве таковых достижение взаимопонимания между теми, кто строит великую Америку, и теми, чей идеал — всемирный халифат, не очень понятно, какова же роль во всем этом России. Если Россия и русская Церковь вступает в этот диалог как носитель своего, имперско-православного проекта, то есть великой России, тогда в стремлении к такому диалогу есть вполне очевидная логика. Если же мы хотим участвовать в нем, отказавшись от своей исторической субъект-

ности, как великая держава, как православная империя, то тогда в связи с активизацией межрелигиозных контактов в последнее время вопросов возникает больше, чем ответов.

Конец эпохи?

Папа Римский Иоанн Павел II — человек, бесспорно, выдающийся, как бы к нему ни относиться. Придя к высшей власти в Ватикане после довольно странной и загадочной смерти своего предшественника, Иоанна Павла I, он в своем служении представил, по мнению многих, новое лицо Римско-Католической Церкви, сумев сохранить равновесие и остаться умеренным консерватором, не пойдя ни по пути неообновленческой, фактически революционной, либерализации в духе «теологии освобождения» или современного протестантства, ни в сторону реставрации по образцу католиков-традиционалистов. Для самой Римско-Католической Церкви это было, несомненно, благом.

В условиях очевидного духовного и культурно-цивилизационного упадка западнохристианской традиции Иоанн Павел II был папой, наверно, идеальным. Он, без сомнения, сделал все что мог, чтобы спасти не только свою Церковь, но и весь западный мир, просто удержать его в лоне христианства, и тем очевиднее в наше время ограниченность и глубокая, явная внутренняя исчерпанность этого мира (для которого сама принадлежность к христианской традиции становится уже проблемой), невозможность продолжения того дела, которому он столь ревностно служил.

Папа-миссионер, папа-пилигрим, Кароль Войтыла был образцовым католиком, — католиком до мозга костей. Он, конечно же, по-своему очень искренне и ревностно (насколько это вообще возможно для западного человека) любил Христа; но как ярко и наглядно, насколько ясно для любого беспристрастного наблюдате-

ля проявилась в нем ограниченность и непреодолимая внутренняя противоречивость самой римской, латинской идеи, того папского проекта, который, по железным законам диалектики, ныне, исчерпав себя, неудержимо и закономерно катится к своему завершению и одновременно самоотрицанию — к построению воинствующе-секулярной объединенной Европы! Вселенский пафос активного миссионерства, столь характерный и вообще для Рима, но особенно яркий в последнем папе, неудержимое стремление во всем мире, во всех, самых дальних уголках Земли возвестить Благую Весть, всем народам проповедать Слово Божие в этом последнем «истинном католике» как-то неуловимо превращалось в «открытость наоборот», когда глава западной церкви уже не призывает всех ко Христу, снисходя к их человеческим немощам, но идет молиться к Его заклятым врагам, продолжающим ожидать другого «мессию». Его покаяние от лица Церкви перед многими из тех, кто до сих пор не примирился с Нею, воспетое по всему миру трубадурами от либерализма, — лишь на первый взгляд неожиданная оборотная сторона (а в действительности — закономерный итог) той «открытости», которая, собственно, и создала современный Запад. Папа во главе молитвенной процессии (экуменическая встреча в Ассизи) с участием не только всех крупнейших мировых религий, но и представителей языческих африканских культов, — это ли тот итог двухтысячелетнего Рима, о котором молил первый Римский Епископ, когда распинался на кресте? Все эти знаковые деяния последнего папы, эти экуменические моления в синагоге или в Ассизи многими из православных были восприняты как предательство. Но при всем том, при всей моей нелюбви к католикам, я никогда не скажу, что в этом сказалась его, папы, личная злая воля. То есть личная воля, конечно, была, но выражала она «всего лишь» собственную закономерность в «прогрессивном развитии» самого Запада.

Этот физически немощный, полупарализованный старик, с его неукротимым духом, из последних сил, слабеющей рукой сжимающий меч святого Петра, своим острым взглядом проникающий в душу расслабленных и погрязших в комфорте детей современной цивилизации, спешащий по миру, боясь не успеть, чтобы в самых дальних уголках его еще раз возвестить Слово Божие, – несомненно, лучшее из всего, что еще оставалось живого в западном мире. В его угасающих глазах, в немощном, склоненном набок теле сквозь все упорство и рыцарственный героизм в служении своей Идее в последние годы все более угадывалась трагедия умирающего Запада, пришедшей к своему концу Европы. Понимал ли он сам весь трагизм «постсовременности», ощущал ли этот отравляющий все живое апостасийный дух ее, свидетельствующий об угасании веры? Я уверен, что да! И это именно потому, что, как один из духовных лидеров Запада, будучи не в силах преодолеть рамки этой западной парадигмы, он и сам поневоле был одним из участников и вождей апостасии!

Своей жизнью и делами он закрыл христианскую эпоху в истории Европы, начатую древней Церковью, и «окончательно открыл» новую эпоху, определяемую либерализмом и секулярным гуманизмом уже в чистом виде. Возможно, поэтому его смерть по времени примерно совпала с принятием безбожной конституции объединенной Европы, в которой отречение от Христа стало уже зафиксированным юридическим фактом.

Быть может, именно ощущая духовную катастрофу западного мира, выражая главную тайную мысль современного католицизма, он так стремился «зацепиться» за Россию, подпитаться ее сохраненным, несмотря ни на что, духовным потенциалом. Но понималось им это, конечно, по-своему, в духе все того же латинства, все той же умирающей под напором апостасийного потока папской идеи. В отличие от покаяния перед иудеями, здесь не было и следа признания ошибок и пря-

мых преступлений папства против Православия, как не было и признания его, Православия, великой духовной правоты.

Как поляк, по природе своей склонный до бесконечности предъявлять счет православному Востоку (и в первую очередь России), и как необычайно ревностный папа, он был, конечно, заклятым врагом восточно-русской империи в любых ее видах. Это заметно прежде всего из его явной предвзятости в униатском вопросе, в упорном восточном векторе его политики, в неудержимой экспансии на восток. Мы не услышали от папы ни слова покаяния ни за геноцид усташей, благословленных новым католическим святым Степинацом, ни за бесчинства галицийских униатов, ни за погром канонического Православия на Украине в конце 80-х — начале 90-х годов минувшего столетия.

Его так и не осуществленное желание посетить Россию, которая до последних дней притягивала его как вечный предмет любви-ненависти, — несомненное свидетельство того, что, как признают сами католические миссионеры, Россия снова «не далась»; при всем своем безрадостном внешнем упадке она, как **духовная сущность**, вновь не подчинилась западной экспансии, не стала частью «нового» глобалистического мира, в котором Ватикан — лишь терпимый до поры до времени, хотя и важный, внешний рычаг; осталась уделом Богородицы, в своей духовной сердцевине неподвластным апостасийному духу времени.

Прославляя папу как лучшего человека на свете, либеральные СМИ, в своей рекламно-постмодернистской игре, превратили его в бренд, а его жизнь и смерть — в увлекательное и душещипательное шоу. Его противопоставляли, как образец для подражания, «нетолерантным» и «упертым» русским, лишенным пресловутой «открытости».

Но тайна его души и его покаяния осталась от нас скрытой. Так любивший говорить, он умер в страдании

и в молчании, тяжелой болезнью почти начисто лишенный голоса. Его смерть (в том числе и в этом) глубоко символична; ей сопутствовали красноречивейшие символы. Во время похорон порыв ветра захлопнул раскрытое на гробу почившего понтифика папское Евангелие (как тут не вспомнить добрым словом наши тяжелые православные оклады!). Незадолго до его смерти по миру прокатилась череда ужасных природных катастроф, а сразу после нее — израильская полиция арестовала на Храмовой горе в Иерусалиме нескольких фанатиков, намеревавшихся взорвать мечеть, расчистив место для Третьего Храма. Лишенный удерживающей силы, мир все ощутимее приближается к своему концу.

Что же касается покойного папы — его душа уже в руках Божиих. Та реальность, которая ныне открыта его взору, превыше мира со всеми его проблемами и страстями. Пред нею речь умолкает и стихии замедляют свой бег. Кто может, молится о упокоении его души. Помолимся и мы — ибо вечность не знает вражды и всякая борьба и гордыня стихает и смиряется перед лицом смерти.

Тайна Патриарха

Когда перестало биться сердце Святейшего Патриарха Алексия, пятнадцатого Предстоятеля Русской Церкви, это означало отнюдь не уход из жизни еще одного «большого начальника», который вскоре будет заменен другим. Для всех истинно церковных людей, обладающих живым ощущением реальности Церкви с действующим в ней Духом Божиим, а не только лишь формально к ней принадлежащих, было абсолютно ясно, что перестало биться сердце Русской земли — не той вечной России, которую именуют Святой Русью и чей удел ныне — на небесах, а нашей, все еще живой и

бренной, грешной и кающейся России. Эта Россия и молилась у гроба почившего Предстоятеля.

Невосполнимость утраты, искренняя любовь к Патриарху вдохновила митрополита Кирилла на, пожалуй, лучшую проповедь последних лет, побудила организаторов похорон сделать все, чтобы они прошли достойно (и все ощутили, что таких массовых, одухотворенных и, при всем неизбежном налете официоза, каких-то очень семейных, наполненных любовью похорон, пожалуй, не было в истории современной России), и эта же любовь вызвала неподдельный всплеск горя у гроба дорогого усопшего — горя тех, кто все эти годы был рядом с ним.

Отнюдь не разделяя нагнетаемых некоторыми эсхатологических настроений, скажем, что, по общему ощущению, момент настал поистине судьбоносный. В чем же, по прошествии уже некоторого времени после похорон, видится уникальная и непреходящая роль Святейшего Патриарха Алексия? Среди всех достижений Церкви последних лет, в которых заслуга Предстоятеля очевидным образом несомненна, бесспорно, главным является то, что в неимоверно сложных внутренних и внешних условиях ему удалось сохранить то, без чего спасение невозможно, что является абсолютно необходимым залогом дальнейшего возрождения, — единство Церкви.

Мудрый и смиренный человек, с его молитвенностью и настоящей монашеской выучкой, с простой и какой-то очень естественной любовью к своему народу (на которую тот отвечал самой искренней взаимностью), чуждый малейшей позы, искусственной яркости, красивости в словах и поступках, духовный хозяин всея Руси вел церковный корабль, противостоя попыткам раскачать его не только своей молитвой, смирением и мудростью, но и умением ничего не сделать там, где практически любой стал бы суетиться, и сказать жесткое «нет» там, где большинство бы сдалось. Именно так он, при всей своей видимой «мягкости»,

повел себя перед лицом попыток вновь навязать Церкви внешний диктат, учредив новый «орган по делам религий». Именно так он неустанно, где только возможно, повторял простую мысль о важности духовного образования и православного Интернета, настаивая на введении в школах Основ православной культуры. И именно так он противостоял неумным и суетливо торопящимся «реформаторам», стремящимся раскачать церковный корабль, в своей бездуховности и гордыне посягнув на наследие отцов.

Ныне предстоя пред Господним Судом, наш Патриарх может в первую очередь предъявить то из своих деяний, которое в нынешних неимоверно трудных условиях нарастающей апостасии является поистине подвигом. Он не допустил раскола Церкви, не дал реализовать этот коварный и подлый замысел, который уже реализован в некоторых странах бывшего советского блока, где Церковь de facto разделена на «продвинуто-либеральную» и «уперто-фундаменталистскую» части, задав, по сути, необычайно высокую планку церковной жизни и управления.

В чем же тайна почившего Патриарха, в чем его наверняка простой и тем несоизмеримо более ценный секрет? **Эта тайна — верность Традиции**. Именно эта верность, основанная на живой духовной, молитвенной связи с наследием веков (вот она, Святая Русь!), без которой невозможна и связь с Богом, и была, в конечном счете, настоящим корнем его отеческой любви к своему народу, народу Христовой Церкви, и любви народа к нему.

Когда собрались у гроба Святейшего его близкие люди, те, кто по-особенному его любил, как любят только близких, иерархи и верные чада Церкви, представители других религий и официальные лица государства, они склонили головы не просто перед памятью дорогого человека. Они склонились перед правдой святого Православия, которому он всю свою жизнь столь ревност-

но служил. Эта правда придавала ему силы; и именно она, а не абстрактный «всечеловеческий» «гуманизм» скрепляет высшее единство великой имперской нации, которой не может не быть в своем земном измерении вечная Святая Русь — Великая Россия.

Патриарх последних времен
(О власти)

Неожиданная для многих (хотя и неудивительная) смерть Патриарха Алексия — один из многочисленных в последнее время сигналов о каких-то очень существенных тектонических сдвигах, происходящих в метафизической глубине истории. Когда пришла эта весть, многие, слишком многие явственно ощутили, как что-то оборвалось; и Церковь, все последние годы жившая своей особенной (хотя и не отделенной от остального общества) жизнью, вступает в тревожное и неизведанное, быть может, в новую смуту.

Смена эпох (ощущаемая всеми более-менее метафизически чуткими натурами) — серьезное дело; тем печальнее пошлая и примитивная свистопляска мелких, низких и непорядочных людей, развязанная вокруг избрания нового Предстоятеля, вокруг Поместного Собора, этих доморощенных и начисто лишенных строгих моральных принципов «новых христиан», с наивной самонадеянностью вдруг возомнивших себя «делателями истории», увлеченно играющих в «выборы». Дабы не опускаться до их уровня, мы не станем называть их имена (тем более что церковному народу и так все в основном ясно), ибо наша тема — совсем о другом. Идеология и метафизика проблемы — вот наш предмет.

Не греховное и суетливое кипение страстей и самолюбий, не чуждая духу Писания и Церкви, полная «гнева и пристрастия» безблагодатная борьба и интрига, но видение ситуации сквозь призму Божественной

истины — есть единственно верный путь. Вопрос о патриаршестве — есть вопрос о власти. Вопрос о власти для людей Церкви есть вопрос служения Христу и реальной, живой и действенной связи со Христом. Ибо никогда и нигде никакая земная, человеческая власть не воспринималась Церковью сама по себе, как самодовлеющая. **Подлинная власть, власть в собственном смысле, есть дело Божие и богочеловеческое, но никак не только человеческое**. *Дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), — говорит Господь. Дело же человека, будь то «начальник, носящий меч», из Послания к Римлянам («тебе на добро», — добавляет апостол) или, тем более, архиерей, предстоятель Церкви, воспринявший от апостолов право «вязать и решить», есть только служение. Служение Церкви — молиться, имея предстоятеля (предстоятель — тот, кто **предстоит** пред престолом); служение же царства, империи — носить «меч» государственной власти, используя его по назначению там и тогда, где и когда люди начинают жить явно не по заповедям, нарушая «добрые нравы» христианского общежития. В этих двух видах и формах ***симфонического богослужения*** — вся тайна и метафизика подлинной (то есть христианской) власти, освященной духом и буквой Писания, переданной нам бесчисленными поколениями спасаемых и ведущих ко спасению наших великих предков. Государь, восхищающий священное право Церкви — право душеводительства ко спасению, — узурпатор и преступник перед Богом; но и Церковь, берущая в свои руки «меч» власти внешней, будь то военная сила, нажитое не без греха материальное богатство или пиар-технологии, совершает нечестие, ибо погрешает против высшей власти, — власти Духа, перед которой всякая земная «сила» — прах и тлен и всяческая суета.

Поэтому, когда мы читаем в начисто лишенных молитвенного духа пропагандистских «агитках» наших церковных модернистов, как мантра, повторяемое заклинание о «сильной Церкви», то не очень понятно,

что, собственно, имеется в виду и зачем Церкви быть «сильной»? Ведь основа власти Церкви — «сила» Духа Святого, благодать Божия. Эта власть — превыше всего земного и, по природе своей, чужда какой-либо «силы». Для того чтобы обрести эту благодатную «силу» Духа, которая ведь не наша, но Божия, человеку потребно «всего лишь» приложить духовное же усилие, то есть «просто» открыть Богу свое сердце.

Когда Христос учил в Храме «как власть имеющий», никто ведь не принуждал иудейских старейшин его слушать! Когда побиваемая и унижаемая Церковь победила в итоге языческий Рим, что было признано его последним апологетом («Ты победил, Галилеянин!»), и побудила всю доселе языческую империю служить себе — разве эта духовная победа была достигнута при помощи какой-либо внешней «силы»? Преподобный Сергий, отец древнерусского исихастского возрождения, великий святой, стоявший у истоков знаменитой колонизации Северо-Восточной Руси, один из тех, кто заложил основы древнерусского благочестия, — обладал ли он какой-либо «силой»? Ушедший от мира молитвенник и пустынножитель — был ли он отделен от мира людей? Что побуждало сильных мира сего, тогдашнюю «элиту», наравне с совсем простыми людьми притекать к нему и подолгу ждать мудрого и прозорливого слова этого смиренного чернеца, когда тому угодно было молиться или нести какое-нибудь послушание?

Это была **харизма святости, власть, данная от Бога** (Сам Христос говорит: *«Дана Мне»*), которая **бывает невыносима тем, кто такого подвига не прошел и потому им не дается**, власть, перед которой все внешнее — бессмысленно и беспомощно[1]. Сердце, раскрытое для Бога и стяжавшее благодать Святого Духа, есть вместилище такой власти, перед которой склоняется все; и именно оно, сердце преподобного и великого сонма наших святых, стяжавшее плоды подвига, было «в начале» возрождения, а все внешнее (и военная сила,

и социально-государственное строительство, и великая культура) — все это, безусловно, важное и «необходимое», было все-таки вторичным и производным. Перед богоносным обликом любого настоящего старца пламенные слова о «сильной Церкви» звучат как чужеродные и полные мирского духа. Но даже и языческий мир прекрасно понимал простую и вполне очевидную разницу между силой и властью! В эсхиловской трагедии Прометея ведут приковывать к скале два персонажа. Одного из них зовут Сила, другого — Власть.

Понимает ли все это нынешняя Церковь? Смеем думать, что да! Ибо и от нее слышим мы порой богодухновенное слово Истины. «Сегодня все наши мысли и сердечные переживания направлены на **поиск духовной пользы народа Божия, дабы всем нам пребывать твердыми и нерушимыми в вере и не отпадать от *надежды Евангелия*** (Кол. 1, 23)... **Современность ставит перед нашей Церковью новые вызовы**. Мы стали свидетелями **чрезвычайно высокого количественного роста (!) нашей паствы.** В последние годы значительно увеличилось количество приходов, монастырей, духовных школ и т.д. Но, к сожалению, **количество далеко не всегда равняется качеству**. И в новом тысячелетии наша **Церковь прежде всего должна заботиться о качественном духовном росте своих чад.** Именно сегодня, когда принадлежность к Церкви становится обыденным явлением, когда посещения храма уже никого не удивляют, мы должны **сберечь духовную сущность Святого Православия, наполнить внешние формы глубинным содержанием.** Наша паства сегодня нуждается **в духовных примерах**, которые были бы **истинными ориентирами**, ведущими к подлинному совершенству, вдохновляющими на ***непрестанную работу над своим собственным сердцем»*** (из обращения епископов УПЦ МП к митрополиту Владимиру (Сабодану)). Это — освященный Традицией, подлинно церковный подход.

Между тем модернистский напор, явственно усиливавшийся весь последний год, но особенно — после смерти святейшего Алексия, на деле игнорирует эту суть, эту духовную сердцевину Церкви. Построения наших церковных модернистов насквозь пронизаны вопиющими противоречиями. Все разговоры о «сильной Церкви», об «антикризисном менеджменте», якобы необходимом нашей Церкви на «современном этапе», полны вопиюще мирского духа и потому в конечном счете не выдерживают серьезной критики. Оправдываясь за «антикризисного менеджера», «миссионер всея Руси» протодиакон-профессор А.Кураев, получив достойную порцию критики, стал распространяться о том, что «в кризисе»-де не Церковь, а современный мир. А раз Церковь живет в мире, то... Ключевое слово здесь, однако, совсем другое, и на это не обратили внимания критики. Раз Церкви требуется «менеджер», стало быть, сама она (то есть церковная институция) мыслится по образу фирмы. Здесь сразу прослеживается явная ересь — **экклезиологическое несторианство**. Если Церковь — фирма, то, стало быть, церковная институция как бы отделяется в этом суждении от собственно Церкви, Церкви мистической, от Тела Христова, в котором действует сила Божия. Ибо ни в каком совете директоров благодать Божия непосредственно не проявляется, во всяком случае по православным понятиям. Это всего лишь бизнес. Здесь модернист сразу изобличает себя, сразу **демонстрирует, что Бог и сила Божия, то есть благодать**, всегда подаваемая открытому и любящему сердцу, — **лишнее в его построениях**. Далее, поскольку цель грамотного менеджмента — всегда успех (а наши церковные модернисты просто зациклены на «совместимости христианства с богатством и успехом»), ясное дело, что фирма «Патриархия и К°» должна быть непременно успешной. Если фирма неуспешная, значит менеджер плохой, а наш менеджер определенно хороший. Однако, по элементарным (и общеизвестным)

законам рынка, **успешная фирма — значит ликвидная**. Любой экономист знает, что если вы не можете успешно ликвидировать свое предприятие, то есть выгодно продать его, то оно, значит, никакое не успешное. Ведь цель бизнеса — прибыль, а какая же у вас может быть прибыль, если ваши акции никому не нужны? **Ликвидность — главный признак успешности**. **Это азы экономики**. Так кому и за сколько эти люди хотят продать нашу Церковь?

Эти и другие вопиющие противоречия модернистов сейчас уже стали предметом пристального внимания аналитиков. «В контексте социализации, — пишет православный публицист, — важнейшим начинает считаться место, которое православие занимает в обществе. Боязнь "гетто" — отъединения от процессов, происходящих в современном социуме и понимаемых как актуальные, довлеет над церковным сообществом. Этим в значительной степени обуславливается **переоценка церковных процессов и ценностей, как периферийных и архаично устроенных.** С возникновением концепции социализации, с ее развитием и продвижением связывается **секуляризация православной церковной общины и рост реформистских настроений в 2000-е**».

Для модернистов, забирающих все больше власти в нашей Церкви, характерно стремление вписаться в уже существующий мейнстрим, а не сформировать свой; в отличие от древних христиан, **они стремятся «встроиться» в так называемый «современный мир», а не произвести духовную революцию в нем**, кардинально изменив его строй и его лицо[2]. За всеми оптимистично-энергичными разговорами о «миссии» кроется **отказ от собственного, альтернативного окружающей нас социальной скверне глобального миропроекта**. «Сильная Церковь» хочет стать частью «современного мира», мира умирающего модерна и постмодернистского разложения, как-то вписаться в него, чтобы иметь возможность потихоньку влиять изнутри, в том числе и при

помощи безбожных и апостасийных технологий самого этого мира, а не предложить свою глобальную **модель мироустройства**, основанную на принципиально, качественно иных идеалах и ценностях, **качественно иной *метафизике***.

«Модернизаторам на основе традиции» видится выбор лишь из двух возможностей: либо старая, замшелая, верная традициям Церковь отвоевывает в так называемом «современном мире» свой маленький, особенный, «независимый» мирок («гетто»), либо она становится достаточно органичной частью этого мира, говоря о Христе, о вере на ***понятном ему языке***. Для этих людей принципиально не стоит вопрос, бывший неотделимым от жизни древней Церкви, — вопрос о том, чтобы властно ***навязать «миру» свой язык***, чтобы **стать ядром христианской альтернативы, христианского альтернативного миропроекта**, дать новый толчок тому процессу, который стремятся начать лучшие люди Запада, — религиозному возрождению. Постпросветительская метафизика, давно изменившая христианский духовный выбор на прямо противоположный, обветшалая система ценностей умирающего модерна все еще слишком довлеет над этими людьми, даже тогда, когда они с большей или меньшей степенью и с тем или иным качеством искренности с этим миром ожесточенно борются.

В нынешнем «православном» модернизме, беспомощно повторяющем зады западной мысли и практики 60–70-х годов XX века, давно уже приведшей западное христианство к практически полному вырождению, изначально отсутствует понимание того, что **внутри самого христианства, в его духовной, метафизической глубине** существует **альтернатива** апостасийной скверне «современного мира», **в свое время не использованная в истории**. Церковные модернисты в лучшем случае уповают на возможность немного подправить, подремонтировать «современный мир» при помощи сильно адаптированного христианства, но крайне далеки от на-

дежды возродить исконно христианское, вдохновленное Богом понимание истории как богочеловеческого творчества. «Домостроительство нашего спасения» в лучшем случае остается для них отвлеченной богословской истиной, преподаваемой в семинариях и сдаваемой на экзаменах, но не основой жизненной практики. Внутренне, тщательно скрывая это и компенсируя «пассионарным» напором, они, по сути, давно уже **отреклись от власти, данной Христом, и потому столь уповают на «силу»**.

Мировоззрение модернистов, столь часто излагаемое в жанре «ораторского богословия», представляет собой поистине целую **систему противоречий**, подтверждая сокровенную суть церковного модернизма и либерализма как «ереси всех ересей». Так, постулат о максимально широкой и действенной влиятельности в этом мире чаемой «сильной Церкви» парадоксально сочетается у них с постоянно декларируемым тезисом о «многополярности», где Церковь и, по идее, порождаемый ею уклад мыслится вполне в духе постмодернистского «плюрализма» — лишь как **один из равноправных участников** общемирового «диалога культур». Таким образом, непрестанные, повторяемые как обязательная ритуальная мантра, разговоры о «миссии» (ради которой нас убеждают пожертвовать слишком многим в нашей православной традиции) в действительности изначально предполагают, что максимальная «открытость» («миссионерская установка»), упор на количество, а не на качество обращаемых, в конечном счете, тем не менее, отнюдь не приведет к тому, что Церковь станет, как в Средние века, мировым цивилизационным лидером; иначе — какая же «многополярность» и, стало быть, равноправие «полюсов»?

Что бы ни говорилось модернистами о «нашей победе», вся логика их подхода основана на том, что **апостасия мыслится ими, в конечном счете, как неостановимый процесс**; поэтому «миссия» в их исполнении и

заключается, как мы сказали, во встраивании в апостасийный мир, а не в радикальной борьбе с ним; таким образом, модернисты, хотят они того или нет, признаются они самим себе в этом или нет, реализуют фундаментальнейший историософский принцип — ***отождествляют апостасию и историю***. Filioque и уния, Великая схизма 1054 года и восстание гуманизма; ***замена Богочеловечества и его духовного аналога — обожения — антропоцентризмом***, ренессансная «эмансипация человека от Бога» и Реформация; революция и погром Церкви, падение монархии и российский большевизм — были, значит, предопределены? А как же свобода и ответственность? Разве апостасийные процессы, какие бы ни действовали в них закономерности, **изначально** порождены не злой человеческой волей? Разве Бог ответствен за наше отпадение от Него? А раз свобода существует и никакой предопределенности в том, что христианская цивилизация вступила на путь апостасии, нет, значит, **в принципе** всегда есть возможность для покаяния и смены пути погибели на путь спасения — и не только для отдельного человека, но и **для всего народа**. Но это возможно лишь в том случае, если народ видит для себя в истории и жизни не заслоняемую ничем **высшую духовную перспективу**. У модернистов, к сожалению, не возникает совершенно естественной мысли о возможной **вариативности истории** (иначе ведь придется признать в истории **одну лишь** сплошную закономерность и полное отсутствие фактора свободы), о том, что закономерность развития, порождаемая ложным метафизическим выбором, **отнюдь не абсолютна**, поскольку самый выбор может быть изменен волевым усилием народа Божия, и «прогресс» современного человечества в сторону апостасии и погибели может смениться движением ко спасению, пусть это и не принесет народу чисто земного, материального процветания. В своих последних основах это, в сущности, **очень пессимистический** взгляд.

В то же время агитационно-пропагандистские тексты модернистов полны совершенно неоправданным социальным оптимизмом; вопреки слову Христа, они верят (или делают вид, что верят), будто возможно «проповедать Евангелие всей твари» — и преуспеть, всех сделать христианами. Однако в силу того, что **мера христианства**, предлагаемая ими миру, сильно занижена, эта утопия выглядит как очень опасная и реально достижимая; вопрос только в том, насколько велика общность между этой чаемой модернистами «христианизацией» мира и реальным историческим христианством.

Пресловутая «закваска», которую христианский модернизм настойчиво предлагает миру, на поверку оказывается всего лишь сахарным сиропом или сладкой пилюлей, которой представители этого столь бурного и шумного течения пытаются подсластить апостасийный яд «современности». Все равно ведь умрем, так хоть сладко будет... Недаром один из них сравнительно недавно так яростно защищал эвтаназию. Это мировоззрение и мироощущеие, ощущение истории, мира и себя в истории и мире — более чем далеко от духовной трезвости. В конечном счете, у модернистов нет серьезного, подлинного **чувства истории**, всей ее трагической метафизической глубины, трагичности самого факта нашего бытия; у них нет непосредственного, живого ощущения неизбежной **конечности этого мира**, а значит, и подлинной любви ко Христу и жажды соединения с Ним в «жизни будущего века». Все это побуждает нас задать себе и другим очень простой и очень страшный вопрос: **А ВЕРЯТ ЛИ ОНИ В БОГА?**

Идеология «православного прорыва» парадоксальным, как и все в модернизме, образом сочетается здесь с «железным» постулатом, который самими носителями и реализаторами этой идеологии воспринимается, видимо, как абсолютно неопровержимый: мир, а стало быть, и Россия и Православная Церковь, «вступают в эпоху глобализации». Куда же тогда они намерены «проры-

ваться», если апостасийная глобализация неотменима? Что-то до боли знакомое чудится в этих маршальских планах... Не давняя ли идея, еще несколько лет назад озвученная известным политтехнологом **Александром Игнатовым**, о том, что нам (то есть России, российской «элите») хорошо бы внедриться в мировое правительство, чтобы разрулить все мировые процессы в свою пользу?

Последнее и самое главное противоречие православного модернизма, трагикомический парадокс, в котором, как в фокусе, сходятся все внутренние противоречия этого движения, очень просто и лежит на поверхности. Когда модернисты говорят о том, что наше «вступление в глобализацию» неизбежно и нужно-де учиться действовать в этих новых условиях, они словно не замечают очевидного. **Глобализм, как специфический, постмодернистский ответ на кризис секулярного модерна**, в наши дни не просто сам испытывает серьезные трудности — он буквально **рушится на наших глазах!** Все больше стран и народов, которые вполне успешно используют современные технологии (не полит-, а просто технологии), то есть периферийные достижения модерна, решительно восстают против **первого главного принципа глобализма — объединения мира на основе неолиберальных стандартов**, на основе воинствующего безбожия, и мусульмане показывают в этом всем остальным достойный пример. Но главное заключается в том, что трещит по швам и рассыпается в прах **второй главный принцип и инструмент глобализма — единый «свободный» рынок** с его всеобщей куплей-продажей, жизнью в кредит на основе единой банковской системы и экономической прозрачностью национальных границ. Рушатся титаны финансовой империи глобализма, всеобщее доверие к главным финансовым инструментам глобального рынка, прежде всего к институту кредита, подорвано, кажется, навсегда. По всему миру, в самых экономически развитых странах происходит фактиче-

ски тотальная национализация крупнейших компаний. Финансово-экономический тупик, в который продолжают загонять мир замшелые старики с Уолл-стрит (составившие костяк экономического блока в администрации Обамы), если не произойдет всеобщего отказа от гедонизма и избыточного потребления, может быть разрешен только **третьей мировой войной**. А в такой войне применение ядерного оружия неизбежно! Все это известно всякому порядочному аналитику, и это ли не ярчайшее и, так сказать, окончательное свидетельство того, что столь комфортная, гедонистическая и столь безбожная «современность», наполняющая запоздалым восторгом души наших «либеральных христиан», подходит к порогу своего не только духовного, метафизического, но и просто уже **физического исчерпания!**

Главный дефицит этой современности — ***исчерпание смысла***. Мир переживает настоящий ***кризис проектности***, в основе которого — **кризис и умирание ее метафизических основ**. В этих условиях взоры лучших людей Запада (и не только Запада) обращены на Россию, которая всегда (особенно в узловые, поворотные моменты истории) вырабатывала **Большой Смысл**, предлагала миру нетривиальные пути и ответы. И что же? Светская российская «элита», элита государства и «бизнеса», за последние двадцать лет явила миру невиданный пример компрадорства и идеологического пораженчества. До сих пор новые «государственники» России, гордящиеся своей любовью к Родине и порой делающие в своей политике вполне правильные патриотические шаги, больны неисправимым западничеством, изначально подрезающим их государственно-патриотические крылья. Именно Церковь, следуя лучшим образцам своих святых, могла бы в сегодняшний судьбоносный момент стать подлинным лидером нации, подтолкнув государственных мужей в правильном направлении. Вместо этого от «говорящих голов» Церкви мы слышим знаковые слова о «неизбежности глобализации», фактиче-

ски — верноподданические заявления о своей **принципиальной верности чужому** и (если уж вспомнить о христианстве) — **метафизически абсолютно ложному миропроекту**. Не сатанисты из международных элитных кланов, упорно претендующие на мировую власть, декларируются здесь в качестве главных врагов. Но — **«слишком церковные» люди**, слишком ревностно стоящие за Святое Православие, самим своим существованием служащие живым укором модернистам и мешающие церковной модернизации.

На фоне поистине бешеной активности модернистов — чего же мы, верящие в Церковь и ее духовную власть, можем ожидать от нового Патриарха?

Прежде всего, разумеется, того, что он станет достойным продолжателем дела почившего Предстоятеля и не допустит в Церкви радикальных реформ, то есть, попросту говоря, — твердой и неподкупной верности Традиции. Мы ждем, что наш новый Предстоятель будет достойным и богоугодным молитвенником за всех верных чад Церкви, за многострадальную Русскую землю. Мы с упованием и твердой верой в Промысл ожидаем, что он будет мудрым управителем Церкви, охранителем ее устоев, догматов и канонов, ее богослужебного строя, этого «неба на земле», оставленного нам в наследство нашими предками, которое связывает нас с нашей славной историей и с вечностью.

Но осмелимся высказать дерзновенную мысль, что в нынешней непростой и, скажем откровенно, переломной ситуации всего этого будет все-таки мало. В этот судьбоносный для Родины и Церкви час не забудем, что в отсутствие монархии власть Патриарха — единственная, чья легитимность восходит не просто к воле народа, но непосредственно к воле Божией. Власть Церкви есть власть Самого Христа. Но как быть с тем, что на протяжении многих столетий православная Церковь жила и несла людям Слово Божие, открывала им путь спасения через духовное делание и благодать таинств, будучи

охраняема государственным мечом «удерживающего», живя и действуя в теле империи? Не только святые отцы и апостолы, но уже **Сам Христос** свидетельствует о том, что всякая подлинная власть — от Бога, даже если это власть языческого государя, не просветленного единой истинной верой. Пилат говорит Христу: *Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я* ***имею власть*** *распять Тебя и* ***власть имею*** *отпустить Тебя?* (Ин. 19, 10). «Имею» — это чисто языческое понимание власти как самодовлеющей **силы** (власть по праву сильного во всем ее первобытном ужасе). Христос отвечает: *Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не было* ***дано тебе*** *свыше* (Ин. 19, 11). Не просто «имеешь», но «дано». Власть — не «сила», а то, что дано от Бога. Мало кто задумывается о том, что здесь Господь, идущий на Крест, свидетельствует о богоустановленности власти отнюдь пока еще не «воцерковленной» империи (власть прокуратора производна от власти императора), и только поэтому, не оправдываясь от иудейских наветов, смиренно отдает Самого Себя в ее руки! Таким образом, первым «миссионером», указавшим древнему «начальнику» на божественное (а отнюдь не самодовлеющее) происхождение его власти, был Сам Христос! Затем уже апостол Павел настойчиво требует суда у кесаря, чтобы перед лицом империи засвидетельствовать Благую Весть о Христе. Гонимая и попираемая перед лицом языческого Рима, древняя Церковь не «встраивается», но, по образу Христа, говорит как «власть имеющая» и только потому побеждает, воцерковляет империю.

«Православного царства уже никогда не будет», — вещают модернисты, ничтоже сумняшеся забывая, что православное царство — есть. Корона православного монарха не упала вместе с головой царя-мученика, но носима Самой Пречистой, что явлено в обретении иконы Божией Матери «Державная» сразу после отречения Николая Александровича. Эта корона, по вере право-

славного народа, хранима Приснодевой для будущего государя возрожденной Святой Руси.

Клерикализм, идеология «сильной Церкви», есть путь в никуда, к историческому поражению Православия, ибо отречение от освященной многовековой традицией имперской парадигмы государственного строительства православной России неизбежно приведет к **вписыванию церковной институции в качестве второстепенного и беспомощного придатка в глобальную систему безбожной мировой власти**. **Монархизм,** чье бесспорное **духовное превосходство** над демократическими формами государственного устройства подтверждено и «Основами социальной концепции РПЦ», как **духовный ориентир и принцип**, не имеет **позитивной** альтернативы.

Поэтому мы ждем от нашего Патриарха, что, обращаясь к нынешним носителям государственной власти (каковы бы они ни были, про них, во всяком случае, нельзя сказать, что они стопроцентно плохи), он напомнит им о том, что есть подлинная власть. Мы ждем, что наш Предстоятель, как духовный лидер нации, обратится и к внешнему миру с властным словом предостережения и вразумления. Перед лицом полного банкротства безбожного глобализма Россия под духовным водительством своего Патриарха призвана напомнить миру о христианской, православной альтернативе. Будет ли это напоминание услышано? Бог весть! Но в том, чтобы его высказать и принести миру **живое свидетельство** о единой истинной вере, и заключается подлинная ***миссия*** Предстоятеля нашей Церкви — Патриарха последних времен.

Примечания

[1] Конечно, вполне понятно различие между харизмой **личной святости** и «святостью», положенной **священству, так сказать, по должности**. (Благодатность таинств для принимающих их людей не зависит от личного достоинства служащего архиерея или священни-

ка. **«Святость священства есть святость Церкви, а не личная святость»** (*Отец Сергий Булгаков*. Православие)). Однако для нашего различения силы и власти данное различие не так уж существенно, поскольку в обоих случаях речь идет все же о действии благодати, а не о какой-то внешней «силе».

[2] Цель межрелигиозного диалога, заявляет высокий церковный чиновник, — усадить за стол переговоров тех, кто строит великую Америку, и тех, чей идеал — всемирный халифат. Ну а вы-то, претендующие на роль посредников, вы-то собираетесь строить великую Россию или до смерти боитесь, что кто-нибудь про вас так подумает?

Модернистский соблазн*

«Наши новые миссионеры» и философия постмодернизма

Предисловие

Сейчас, когда прошло уже заведомо больше неприкосновенных ста дней с момента избрания нового Патриарха, по всем правилам политической дипломатии вполне возможно подводить некоторые предварительные итоги. Что же на данный момент стало доминирующим фактором нового патриаршества? Анализировать кадровые перестановки — довольно скучное занятие, тем более что здесь все в основном понятно, да и сказано на эту тему уже достаточно. Наша сегодняшняя тема отнюдь не политическая, а скорее метафизическая, философско-культурологическая. Те процессы внутренней перестройки некоторых существенных сторон церковной жизни, которые начались еще при Патриархе Алексии (например, реформа конфессионального образования и др.), в общем, пока не приобрели какого-то принципиально нового качества, а вновь назначенные патриархийные «менеджеры» просто не имели времени сколь-либо существенным образом проявить себя. Вме-

* Заключительная работа из цикла «Весна Патриарха».

сте с тем в эти первые месяцы нового патриаршества все ощутили веяние какого-то действительно нового ветра. В чем же? Нам представляется, что в двух вещах. Во-первых, в совершенно особой, какой-то нарочитой технологичности, с которой был проведен Поместный собор, что уже отмечено некоторыми из коллег (не станем далее углубляться в эту опасную тему), а во-вторых, в мощнейшей информационной кампании, в совокупности представляющей собой как бы «презентацию» нового «проекта» РПЦ.

Проект этот предусматривает придание Православию и самой РПЦ совершенно нового качества, что касается как образа ее жизни и действия, так и, по нашему убеждению, внутренней сути. По замыслу носителей данного проекта, его, так сказать, коллективного субъекта, суть здесь заключается в **активном продвижении Церкви во внешний мир**, в резком увеличении числа ее членов, в качественном усилении влияния Церкви на самые разные стороны жизни как в России, так и во внешнем мире, что рядом публицистов обозначается как «миссионерская экспансия» или «агрессивное миссионерство». Принимая такую терминологию как данность, заметим сразу три вещи. Во-первых, крайне затруднительно понять природу какого-либо феномена, всего лишь безоговорочно принимая свойственный ему язык. Борьба за язык неотделима от борьбы за смысл. Поэтому с нашей стороны было бы крайне неосмотрительно поступать таким образом. Во-вторых, предлагаемое нами рассуждение носит принципиально аналитический и гипотетический характер, будучи предельно открыто к конструктивной критике. Это очевидным образом предполагает его абсолютную чуждость логике партийных «разборок» и персональных «наездов», на каковые, следуя принятому нами в последнее время обыкновению, отвечать принципиально не будем[1]. В-третьих, свою цель мы видим в анализе скорее объективной логики рассматриваемого проекта,

нежели субъективных намерений тех или иных персон, с ним связанных. Поэтому еще раз подчеркнем: рассуждения суетливо-услужливых придворных публицистов в духе «ты за или против Патриарха?» — заведомо «из другой оперы», будучи принципиально чужды самому типу нашего дискурса (тем более что сам Патриарх в последнее время высказывает целый ряд идей, вполне созвучных нашим, к чему мы еще обратимся).

Как строится проект?

Итак, совершенно очевидно, что перед нами не набор спонтанных действий и рассуждений, а именно **проект**, причем, поскольку речь идет о православной миссии в современном мире, проект не какой-нибудь, а **религиозный**. Декларируемые цели данного проекта на первый взгляд вполне очевидны: сделать Церковь качественно более влиятельной силой и привести в нее количественно больше людей. Однако здесь сразу же возникает целый ряд вопросов. Прежде всего: почему данный проект (по мнению его авторов и «исполнителей») оказался востребованным? Ответ (в логике самого же проекта) достаточно очевиден: во-первых, потому, что сама РПЦ действовала до сих пор не лучшим образом, а во-вторых, потому, что все христианство в целом в современном мире пребывает в несомненном кризисе.

Как бы то ни было, авторы рассматриваемого проекта, если верить им на слово (а у нас вроде бы нет формальных оснований поступать иначе) и доводить их логику до ее естественного завершения, вознамерились ни много ни мало как **изменить мегатренд самой истории**! Это уже интересно! И это тем более вынуждает нас присмотреться к тому, как реализуются религиозные миропроекты в истории.

Самым привычным (и необходимым в нашем случае) примером является, конечно, **древнее христианство**. Была ли его востребованность ответом на кри-

зис древнего мира? Несомненно! Причем всем маломальски образованным людям хорошо известно, что в основе этого кризиса древнего мира лежала **глубокая исчерпанность его духовных основ**.

Но в основании любого религиозного проекта находится не просто необходимость дать ответ на кризис окружающего мира. Никакой религиозный проект невозможен без мощнейшего **духовного импульса**, и древнее христианство является здесь особенно ярким примером, поскольку породивший его духовный импульс был связан с событием сверхъестественным — то есть с боговоплощением. Так бывает далеко не всегда. Например, европейский Ренессанс, Реформация или политический ислам — яркие, великие миропроекты, также содержащие в себе мощный духовный импульс, однако в них не было и нет ничего сверхъестественного. В этом смысле христианство, конечно, уникально.

Под влиянием духовного импульса люди, воспринявшие данный миропроект как свой, формируют его **сакральное ядро**, в котором устанавливается **мистическая (метафизическая), сакральная связь с высшими силами**. Насколько реальна эта связь и что она представляет собой в действительности — отдельный вопрос. Для нас, как христиан, очевидно, что подлинное богообщение имеет место лишь в святой и спасительной апостольской и соборной Православной Церкви. Однако в данном случае важно, что носители любого религиозного (или даже квазирелигиозного!) проекта **всегда вдохновляются неким духовным началом**, пусть даже с нашей, христианской, точки зрения и ложным. Ложное — не значит иллюзорное! Готовность к жертве всегда базируется на **реальной живой вере** в существование некоего высшего начала, по сравнению с которым сохранение земной физической жизни человека не осмысляется как самодовлеющее и самоценное. В этом — вся суть, зерно религиозного сознания, и именно этим религиозное сознание отличается от нерелигиозного. Даже атеизм,

осмысляемый религиозно, как вера, несет в себе определенный запас неких духовных энергий, пусть даже темных и прямо сатанинских. Однако в нашем конкретном случае даже все эти оговорки не столь уж и важны, поскольку мы-то сейчас рассуждаем именно о христианском, православном религиозном проекте, в основе которого — всегда связь со Христом и со всей Троицей, духовное соединение с Богом по благодати, в реальности и истинности Которого для нас нет ни малейших сомнений.

Именно эта связь имманентного и трансцендентного является неисчерпаемым источником духовных, творческих сил для носителей проекта. Чем сильнее накалено сакральное ядро, чем в большей степени приверженцы проекта обладают **живым чувством своей инаковости по отношению к внешнему миру**, тем сильнее бывает последующая **религиозная экспансия, выплеск религиозной энергии во внешний мир**. Это опять-таки особенно ярко видно на примере древнего христианства. ***Сначала* были катакомбы и мученики, «свидетели», отдавшие жизнь за Христа (и в немалом числе!) *затем* — христианство завоевало империю, но никак не наоборот!** Более того. Как только христианство приближается к религиозному доминированию в повседневной жизни империи, христианский сакралитет (будучи духовной основой этой внешней экспансии) начинает как бы искать себе нового места, locus'а, и возникает новое, добровольное «мученичество», иными словами — **монашеское движение**, последовательно стремящееся к новому отделению от этого мира, где христианство, казалось бы, побеждает! Наряду с этим начинается христианизация, оцерковление культурных форм, доставшихся в наследство от ancient world, их постепенная творческая трансформация, и Церковь приходит во все сферы жизни «большого» мира.

Итак, для **здорового мышления** вполне очевидно: **экспансия религии вовне невозможна без духовного**

импульса и накаленного сакралитета, и именно последний, вливаясь в традиционные формы культуры, развивающиеся на основе культурной преемственности, лежит в основе их творческой трансформации. Нет духовного импульса и накаленного сакралитета — и «традиционная» культура все более омертвляется, обессмысливается, становится мертвой шелухой, до тех пор пока ее вновь не возгреет религиозный огонь, огонь веры и Откровения. Когда трансцендентное закрыто и остыло сакральное ядро — проект невозможен, и невозможно вновь возжечь религиозный пламень без жертвы и подвига.

Культурные типы и религия

Сказанное выше и имеющиеся у нас (надеемся, что и у читателя) культурологические познания неминуемо означают, что в реализации религиозного проекта важнейшую роль играет определенного рода связь, соотношение его сакрального ядра и окружающих его (а также формируемых им, ибо ядро неизбежно оказывает влияние на периферию) **форм культуры**. Эта связь никак не может быть произвольной[2]. Когда «наши новые миссионеры», некоторые из которых еще всерьез считают себя философами и культурологами, говорят о «безразличии» Православия к тем или иным культурным типам и vice versa, невольно испытываешь сильное недоумение. Неужели эти люди не читали ни Шпенглера, ни Данилевского, ни К.Леонтьева, ни, наконец, Лосева? То, что Слово Божие (а стало быть, и наша потенциальная «миссия») открыто для всех и обращено ко всем, — это один вопрос. Но из этого же никак не следует, что связь между религией и порождаемыми ею социокультурными, политическими, экономическими феноменами, философией и т.д. является абсолютно произвольной, что здесь не действуют никакие, причем достаточно строгие законы и закономерности! Так, на-

пример, иудаизированный вариант протестантизма, породивший пуританскую этику и индивидуалистическую культуру капиталистического хозяйствования, никак не мог бы породить Домостроя и крестьянской общины, а, скажем, духовная аскетика Добротолюбия ни в коем случае, ни при каких условиях не заставит нас отстраивать социум по принципам шариата. Точно так же и в искусствах (то есть в культуре в узком смысле). Иконопись Рублева и Дионисия и знаменный распев никоим образом не могли бы быть порождением утонченной чувственности позднекатолической мистики, а исихастское «умное делание» ни при каких условиях не могло бы иметь своим культурным продуктом живопись титанов европейского Ренессанса или музыку эпохи барокко и классицизма. Существуют определенные, вполне непреложные **законы движения традиции в истории**, и игнорировать их, обращаться с традицией на основании собственного произвола — значит обрекать себя на историческую слепоту и заведомое историческое поражение.

«Миссия без берегов» и постмодерн

Ключевой постулат разбираемого проекта гласит, что **миссионерствовать следует в культурных формах современного мира**, дабы быть понятым этим миром и успешным в нем в качестве миссионеров. Это, казалось бы, простое и очевидное положение таит в себе массу подводных камней, и в них-то все дело! Однако прежде чем обратиться к этому главному для нас на сегодня клубку проблем, констатируем другую, не менее известную православной общественности «миссионерскую» установку носителей проекта, от которой они, надеемся, не станут вдруг отрекаться. Факт состоит в том, что описанный выше, известный в истории классический путь реализации, развертывания религиозного проекта в данном случае отнюдь не востребован! **«Наши новые**

миссионеры» хотят как можно меньше отличаться от внешнего мира (то есть от объекта своей миссии), мимикрируя под него. С одной стороны, и основные синодальные документы, и выступления Патриарха Кирилла содержат вполне справедливые и достаточно жесткие обличения исчерпавшего себя постпросвещенческого либерализма с его безбожием, безнравственностью, попранием ценностей и т.д., с другой же стороны, **в самой Церкви**, то есть в сердцевине, в сакральном ядре проекта **запускается модернизация**, не замечать которую может только ленивый или уж совсем заангажированный человек. На эту тему за последние годы написано более чем достаточно[3]. Таким образом, налицо характернейший парадокс: ***носители данного проекта собираются во внешнем мире, подлежащем оцерковлению и новой христианизации, бороться с тем, что является последствием, продуктом тех процессов, которые они сами запускают в Церкви, то есть в ядре своего проекта!*** **Вместо возгревания сакралитета, без чего невозможна религиозная «экспансия», выплеск религиозной энергии вовне, сакральное ядро (и так остывающее!) предполагается еще больше остудить,** чтобы, не дай Бог, ненароком не обжечь «внешних», чтобы лучше «соответствовать» им, быть «доступнее и понятнее»! И это религиозный проект? На наш взгляд, этот лежащий на поверхности парадокс содержит **антагонизм, взрывающий данный проект изнутри**. (Если, конечно, верить, что речь всерьез идет именно о «миссии», о проповеди христианских ценностей.)

Обратимся теперь к нашей главной проблеме. Итак, «миссия в культурных формах современного мира». Если так (а тезис кажется таким очевидным!), то, по элементарным законам научного рассуждения, следует вначале разобраться с исходными понятиями. Ибо говорить о христианской миссии (для христиан вообще-то привычнее говорить о проповеди Слова Божия, апостольстве или благовестничестве) в современном мире

и при этом не анализировать, не пытаться понять, каково же реальное состояние этого самого мира, — верх абсурда и безответственности.

Итак, что же представляет собой сегодня так называемый «современный мир» и его «культурные формы»? И тут мы сразу наталкиваемся на серьезнейший **методологический риф, препятствие внешнее**, которое, наряду с выявленным выше **внутренним противоречием** разбираемого проекта, грозит просто на корню подорвать и уничтожить весь проект. Ибо общим местом именно современной философско-исторической, социокультурной и политической мысли, особенно западной, стало признание того, что этот самый «современный мир» (то есть **классический модерн в его секулярном изводе**, порожденный эпохой Просвещения), в сущности говоря, **закончился** и трансформировался в нечто **качественно иное, новое** (хотя, как это всегда и бывает в истории, связанное с предшествующей эпохой некой преемственной связью), то есть — в ***постмодерн***. А в нем, в постмодерне, классическую культуру с ее «формами» и содержанием ожидают, говоря мягко, весьма существенные трансформации. Итак, еще один парадокс в нашу коллекцию: **церковные «модернисты»**, заявляющие о своем намерении модернизировать Церковь, дабы быть лучше понятыми так называемым «современным миром», **оказываются как раз архаистами**, ибо апеллируют к тому историческому феномену, которого, по сути, уже нет, который сошел или стремительно сходит с исторической арены, а по факту своей деятельности, для того чтобы воплотить свой тезис и выдержать свою логику до конца, стоят перед жестким императивом, повелевающим им самим стать постмодернистами! Как можно говорить о «культурных формах современного мира», да еще собираться в них, в этих формах, миссионерствовать — и при этом не ставить проблему постмодерна, — известно, наверно, только самим представителям разбираемого проекта, самим

«новым миссионерам»[4]. И это при том, что для всех очевидно: речь вовсе не идет о каком-то отвлеченном теоретическом споре, ибо свое намерение авторы и реализаторы проекта весьма активно стремятся воплотить в жизнь.

Таким образом, ключевое положение «наших новых миссионеров» — «миссия в культурных формах современного мира» — по факту означает, как ни крути, христианскую миссию в «формах» постмодерна. А это уже очень ответственный методологический постулат.

Для начала следует понять, как именно соотносится постмодерн, доминирующий в так называемом «современном мире», мире разложившегося модерна (а ведь именно об этом последнем, а не о каких-то **традиционных культурах** прежде всего ставится вопрос), и культура вообще с ее конкретными «формами». Прямой и непосредственный ключ к пониманию этой проблемы дает нам сама **философия постмодернизма**.

«Ситуация постмодерна» и деконструкция культуры

Краткий очерк философии постмодернизма[5]

Оговоримся сразу, что для нас различие между двумя близкими терминами очень просто: **постмодернизм есть теория постмодерна**. Философы постмодернизма (**Р.Барт, Лакан, Батай, Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Гваттари, Кристева, Лиотар, Мерло Понти, Фуко** и мн. др. — приводим лишь самые известные имена), рефлексируя над реальностью «постсовременности», во-первых, указывают на тенденции ее развития (как они их понимают) и, во-вторых, вполне прямо и откровенно рассказывают о том, что они с этой реальностью хотели бы сделать. Считать все это каким-то занудством и оторванным от жизни умствованием могут только очень недалекие люди. Достаточно упомянуть, что **Ж. Деррида** и другие светила постмодернизма читали лекции для

актива «Солидарности» на полуподпольных семинарах в **польской Праге** под Варшавой незадолго до всем памятных событий. Курс лекций Дерриды с большим интересом прослушали некоторые **российские политики в 1990 году**, то есть примерно за год до августовских событий 1991 года, связанных с крушением СССР. И т.д. и т.п.

Как говорит **З. Бауман**, «*постмодернизм — эпоха не столько в развитии социальной* ***реальности****, сколько* ***сознания***». По словам же **В. Вельша**, «*постмодерн понимается как* ***состояние*** *радикальной плюральности, а постмодернизм — как его* ***концепция***».

Два главных, так сказать, метафизических врага постмодерна — традиционная **классическая культура** как таковая со всеми ее «формами» (а также содержанием) и **история**. Рефлексируя над «современной культурой», постмодернисты, во-первых, подчеркивают (и это глубоко верно!), что термин «постмодернизм» «следует употреблять *не как историко-литературное или теоретико-архитектурное, а как всемирно-историческое понятие»* **(Г. Кюнг)**. ***Постмодернистские черты,*** говорят они***, свойственны всем сторонам современной жизни, а не только узко понятой «культуре» как совокупности изящных искусств.*** Во-вторых, они осмысляют «современность» как «постсовременность», то есть как **«процессуальность», которая разворачивается как бы после времени» –** в ситуации «свершенности» и «завершенности» истории. По мысли **Кожева**, «*как бы то ни было, история закончена*». Постмодернистская концепция «постистории» основана на радикальном отказе философии от **линейного понимания времени** (свойственного культуре классического модерна, причем отнюдь не только в сугубо секулярную эпоху), а также от **принципиального для всей классической традиции понимания истории как закономерной (детерминированной) непрерывности**. Наиболее выразительно данная установка фиксируется **Х. Арендт**: «***Нить традиции обо-***

рвана, и мы не будем в состоянии восстановить ее. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, все то же прошлое, но прошлое уже фрагментированное». Именно отсюда, из этой принципиальной постмодернистской установки, и вытекает, на наш взгляд, оценка таких явлений, как «творчество» пресловутого академика Фоменко не просто как «прикола» или ошибочной научной теории, а как прямого и, так сказать, «естественного» продукта постмодерна. Ибо, **согласно постмодернизму, в истории нет и не может быть никакой логики, никакого осмысленного движения**.

Этот базисный постулат постмодернизма, который на общепонятном языке звучит примерно как «история кончилась, но процесс продолжается», определяет прежде всего понимание постмодернизмом проблемы, основной для любой традиционной, классической культуры, — **проблемы творчества**. Согласно постмодернизму, любой продукт творчества может быть интерпретирован как **конструкция цитат**, что является фактически отрицанием самого феномена творчества как такового[6]. **В постмодернизме принципиально невозможно никакое сотворение чего-либо нового; всякое «новое» здесь есть лишь коллаж из старого, а творчество — всего лишь перелистывание книги истории, мыслимое бесконечным**. Итак, постмодерн (и постмодернизм) по сути своей отнюдь не представляет собой ничего принципиально, творчески нового; ибо ***не несет в себе творческого созидающего духа***; он, напротив, есть **самый страшный враг нового**. (Ниже мы рассмотрим данный тезис подробнее, со ссылками на конкретные тексты философов постмодернизма.) Поэтому настойчиво отмечаемые рядом исследователей (например, **С.Е. Кургиняном**) игры постмодернизма с архаикой, с архаическими формами культуры глубоко не случайны. Еще один отец-основатель постмодернизма — **Ж. Лиотар** прямо говорит, что «***постмодерн означает не новизну, а обязательный***

плюрализм. Он живет не отрицанием всего предшествующего, но одновременностью неодновременного».

Крайне важно, что ряд философов, занимающих умеренно-критическую позицию по отношению к постмодернизму, в частности **Ю. Хабермас,** воспринимают данную особенность постмодернизма не просто как вывод из наличной действительности, а скорее как **сознательный отказ от нереализованных интенций модерна**. По определению же Ж. Лиотара (являющемуся для него, в сущности, базовым), постмодернистская философия представляет собой не что иное, как **войну целому**.

Постмодернизм, как уже не раз указывалось, с его принципиальным, возведенным в своего рода абсолют плюрализмом, последовательно отрицает какую-либо иерархию, в том числе и ценностную, считая ее репрессивной по отношению к человеку. Тем более он отрицает и абсолют, абсолютные ценности. Также репрессивным, подавляющим свободу классики постмодернизма, в частности **Ж. Деррида**, считают **логоцентризм классической культуры, ее ориентацию на смысл, саму установку на возможность и поиск истины** — то есть именно те черты, которые свойственны как христианской традиции в целом, так и поздней европейской классике. Вся философия Дерриды (как и постмодернизм в целом) в конечном счете есть **набор технологий по изживанию, уничтожению смысла, обессмысливанию бытия**. Это вполне понятно, поскольку объективное присутствие смысла в наличных формах классической культуры слишком очевидно, чтобы быть оспариваемым.

Итак, если попытаться определить суть постмодернистской философии двумя словами, то нужно будет сказать, что это есть **философия плюральности**, основанная на идее **множества, принципиально несводимого ни к чему единому**. В этом постмодернизм решительно противостоит всей классике — как древней, дохристианской, так и в особенности христианской, а также классике европейского модерна, где идея аб-

солюта — единого начала, так или иначе организующего мир, все еще сохранялась. **В постмодернистской философии принципиально нет и не может быть никакого «единого»** — ни пантеистического «начала всего», субстанциально тождественного миру, ни трансцендентного и абсолютно иноприродного миру Бога Творца, ни даже «материи», как тоже своего рода абсолютной философской категории, к которой возводит все многообразие мира философия «диалектического материализма». «*Один из центральных моментов концепции* ***Ж.Дерриды*** *— критика самого понятия центра, или первоначала, субстанции, сущности, как некоего организующего начала классической "логоцентрической" философии»* (В.Лебедько).

Отсутствие абсолюта в постмодернистской философии, с одной стороны, отражает исчерпанность жизненных и творческих сил «постсовременности», с другой же стороны, есть главный фактор, лежащий в основе этой исчерпанности. Как указывает современный исследователь, другой «классик» постмодернизма — **Ж.Бодрийяр** с присущей этим философам безыскусной «образностью» характеризует «постисторическую» ситуацию вечно длящейся «остановки времени», обессмысленного мира «абсолютного» и антиерархического плюрализма как «**состояние после оргии**». ***Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть лишь машина производства желаний***, заставляющая наслаждаться, эксплуатировать наши центры наслаждения. Оргия закончена, все уже сбылось, все силы — освобождены, утопии — реализованы, теперь остается лишь лицедействовать и симулировать оргиастические судороги, бесконечно воспроизводить идеалы, ценности, фантазмы, делая вид, что этого еще не было... **ИДЕИ И ЦЕННОСТИ... УТРАЧИВАЮТ СВОЙ СМЫСЛ, НО ИХ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ И СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫМ.** Они (обессмысленные «ценности») расползаются по миру, как метастазы опухоли,

и проникают всюду, просачиваясь друг в друга... Все присутствует везде, а значит, нигде. Разные сферы деятельности и символической самореализации человека неотличимы друг от друга. **Ценности более невозможно идентифицировать. Все подверглось радикальному извращению и погрузилось в ад воспроизводства, ад того же самого**. **Другой — как принцип различения стал знаком товара** на рынке, ресурсом, который уже исчерпан. **На месте Другого**, по мысли Бодрийяра, **возведен Тот же самый, то есть объект — главный участник оргии, которого мы старательно маскируем под Другого**. **По Бодрийяру, все наше общество... с присущими ему... интерактивными излияниями, иллюзиями обмена и контакта нацелено на то, чтобы нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление**. (Все эти интерактивные иллюзии подлинного, личностного, общения, на наш взгляд, нагляднейшим образом воплощены в блоговой болтовне, по большей части абсолютно бессодержательной и бессмысленной.)

Таким образом, постмодернистское общество (и постмодернистская философия, как теория этого общества) фактически демонтирует самое главное и самое великое завоевание христианства — личность, а там, где нет личности, нет и главного качества, отличающего ее от обезличенного «индивида» — свободы. Это прямой путь к **радикальной архаизации всей жизни**, **путь в дохристианское общество, лишенное языческой молодости и наивности**. По нашему простецкому мнению, если подойти к проблеме с позиций метафизических и религиозных, это есть не что иное, как **демонизация, обесовление бытия**. Не случайно сам Бодрийяр говорит здесь об аде!

Итак, **множественность, лишенная (и принципиально лишаемая) в постмодернизме скрепляющего ее единого смыслового центра («логоса») оказывается на поверку иллюзорной** (что понимают и сами постмодернисты); вместо иерархически организованной, подчинен-

ной высшему смыслу целостности мы имеем здесь набор **симулякров**, объединяемых по принципу «**ризомы**».

«Ризома» (корневище, розетка, противопоставляемая дереву) в постмодернизме — крайне важное понятие, означающее **саморазмножающийся пучок значений, лишенный единого смыслового центра.** По хрестоматийному выражению **Делеза и Гваттари**, «*мир потерял свой стержень*». Ср. не менее известное высказывание **Лиотара**: «*Зеркало культуры разбито и валяется у ног человечества*». Осколки зеркала отражают мир. Угол отражения у каждого свой. Прежней иерархии уровней культуры, знаний и ценностей не существует. Каждый может находить себя и в высоком, элитном, и в низком, массовом, не делая никакого принципиального различия между ними.

Если дерево, символизирующее традиционную, «логоцентрическую» философию и систему ценностей, имеет некую иерархическую организацию (у него есть ствол, ветви, корни), в силу чего оно уничтожимо через перерубание ствола (уничтожение центрального, стержневого смысла культуры), то ризома принципиально антииерархична: у нее нет верха и низа. Делез и Гваттари сравнивают ризому с клубнем или луковицей, по своей организации противоположной стержневому типу корня. «*Самого по себе языка, его универсальности не существует*, — говорят они, — *мы видим лишь состояние диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков, словно крысы извиваются одна поверх другой*».

Э. Ионеско в своем программном тексте **«Трагедия языка»** говорит о постмодернистской революции в культуре как о «*страшной и удивительной*» трансформации ранее простого и ясного текста, когда «*знакомые и ясные предложения*» «*испортились, исказились*» так, «*чтобы уже в следующее мгновение исказиться вновь*».

Ризома, в отличие от структуры, не боится разрыва, но, напротив, конституируется в нем, как в перманентном изменении своей конфигурации и, следовательно,

семантики. Ризома может быть интерпретирована как принципиально открытая среда... У нее в принципе **нет и не может быть ни начала, ни конца, только середина,** из которой она растет и выходит за ее пределы. Точно так же **к ризоме неприменимо четкое различение внешнего и внутреннего.** В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана принципиально непредсказуемым образом со всякой другой, образуя каждый раз новый рисунок. В постмодернистской философии ризома есть принципиально новая семиотическая модель культуры, воплощенная, в частности, **в образе библиотеки-лабиринта в «Имени Розы» Умберто Эко.** Ризома конечна, но безгранична. Она не начинается и не завершается. Она состоит «не из единства, а из измерений, точнее, из движущихся линий». Иными словами, **если структуре соответствует образ мира как космоса, то ризоме — как *хаосмоса*** — еще одна важнейшая категория постмодернизма.

Хаосмос — «внутреннее тождество мира и хаоса. Это, образно говоря, сверхтяжелая точка, где все явленности равноправны, возможности равнобезразличны, все равнослучайно, как и их смысловая иерархия и субординация». «Мы имеем дело ***не с миром в целом*, и даже не с истинными объективностями, но с его *различиями*, *скрывающими* объективности, каждой из которых свойственна *множественность***, которая проистекает из множественности поставленных идей и задач».

В постмодернистской текстологии, как уже отчасти указывалось выше, «идеалы оригинального авторского произведения сменяются идеалом конструкции как потока явных и скрытых цитат, каждая из которых может вступить с любой другой в отношения диалога или пародии, формируя внутри текста новые квазитексты и новые квазицитаты».

Наряду с войной с «логоцентризмом», то есть с культурой, основанной на смысле, постмодернизм ве-

дет также непримиримую войну с другим базовым принципом этой культуры, то есть с **подлинностью**, со всем первичным и оригинальным. **Культуре образца (оригинала) — копии противопоставляется царство *симулякров***. По Делёзу, ***симулякр — это то, что не имеет никаких оснований в мире реальности, это копия никогда не существовавшего оригинала***. В современном мире господствуют не образцы и копии, а симулякры, видимости. Согласно Бодрийяру, **симулякр — это универсальная имитация познания и бытия, всеобщая «кажимость», за которой хаос и бессмыслица пустоты**. (Иными словами, симулякр есть то, что своим иллюзорным «наличием» как бы маскирует отсутствие смысла, онтологической укорененности «постсовременной» жизни.) Он есть высший символ той нигилистической и механистической мифологии, которую породила европейская культура в XVII–XVIII веках. По словам Бодрийяра, постмодернистская эпоха характеризуется **тотальной симуляцией практически во всех областях человеческого бытия**. Серьезнейшим постулатом постмодернистской философии, своеобразным рефреном, повторяемым в ее многочисленных текстах, является утверждение, что **культура утратила свой творческий характер. Она перестала создавать новые ценности и опустилась до уровня эклектического** (то есть, по сути, деструктивного) **воспроизведения уже существующего**. Именно в этом, по утверждению современного исследователя, и проявилась симулятивистская природа постмодернистского ума, который только делает вид, что познает «бесконечно многообразную» «ризоматическую» действительность, но на самом деле **играет сам с собой. Эта бесконечная игра основана на принципиальной виртуализации и плюрализации истины**, которая, по словам Ж. Дерриды, есть не что иное, как ***«возможность-не-истины», представленная в симулякрах***. Погруженный в мир симулякров чело-

век уже не переживает ни Бога, ни собственной самоотождествленности.

Вся эта философия в конечном счете есть прямой путь **к деонтологизации самого бытия, меонизации его** (от древнегреч. *меон* — небытие, не-сущее), превращению в ничто.

Итак, постмодерн, как мы уже постулировали выше, — самый страшный и последовательный враг нового, ибо настоящее, подлинное новое — это всегда сотворенное или творчески открытое новое, а не **искусственно сконструированное из обломков** разных традиционных культурных ***«форм», оторванных от своего содержания***, **лишенных живительной связи с тем духовным импульсом, тем источником творческих духовных энергий, под влиянием которого эти «формы» возникли в реальной истории.** Постмодернистское конструирование, основанное на таком отрыве, является принципиальной противоположностью подлинного творчества, будучи основанным на уничтожении смысла (и большого, Божественного, смысла и порожденных им малых смыслов) и виртуализации бытия. Виртуальность — есть отнюдь не какой-то новый этап в становлении Божественного (абсолютного) духа, как формулировал еще Гегель — классический философ «высокого» модерна. Это есть, напротив, иллюзорное зазеркалье, в котором «Бог умер» (то есть религиозная связь окончательно оборвана), парадоксальная область «сущего небытия», ***царство смерти, пытающейся быть, осознать себя в формах жизни***. То, что само не имеет связи с Божественным Духом, с Источником жизни, пытается присвоить себе чужие жизненные формы, тем самым умертвляя их.

Для достижения цели, открыто декларируемой постмодернистами (то есть для уничтожения смысла), ими разработана особая технология, называемая ***«деконструкция»***. Согласно Дерриде, который особенно настойчиво констатирует кризис «логоцентристской» (то

есть основанной на смысле и иерархии ценностей) философии и культуры, бесконечный и «репрессивный» по отношению к человеку поиск Большого Смысла, жизненной цели в сфере абсолютного и объективного бытия (то есть того «означаемого», по отношению к которому вся человеческая культура является лишь набором знаков, «означающих»), следует заменить аналитикой на уровне самих означающих. Не онтологизированные абсолюты или трансцендентальные «означаемые», но **сам язык, точнее игра языковой формы**, записанного слова, «граммы», **есть, согласно Дерриде, исток смыслопорождения**. Не вслушивание в трансцендентальный голос Бытия, Бога (как это было еще у Гуссерля и Хайдеггера — последних великих философов эпохи модерна), а исследование «первописьма», **differance** — некой абсолютной (и абсолютно бессодержательной) языковой формы, предшествующей самому языку и культуре, — таков главный принцип философии Дерриды. ***«Смысла» нет — есть бесконечная игра языковых значений***. Поэтому задача «деконструкции» — «разборка идеологического каркаса, тотализирующего текст», освобождение «первописьма», «первоформы» от «репрессивной идеологии» и содержания. **Деконструкция принципиально отвергает классическую проблему истины. О раз навсегда данных истинах или диалектике абсолютного и относительного (как в философской классике) не может быть и речи.**

По мысли Дерриды, **главный вопрос деконструкции — это вопрос «письма» и «перевода»**. (Последнее особенно важно для нашего дальнейшего анализа.) В «письме» **центризму традиции**, свертыванию означивания в некую незыблемую точку присутствия (гаранта смысла и подлинности) **противопоставляется центробежное движение «рассеивания» значения** в бесконечной сети генеалогии и цитации. Отслеживая элементы «письма», работу differance, деконструкция рассматривает совокупность текстов культуры ***в качестве сплош-***

ного поля переноса значения, не останавливающегося ни в каком месте в виде застывшей структуры; она подрывает изнутри фундаментальные понятия западной культуры, указывая на их нетождественность самим себе. ***«Язык» культуры приходит в столкновение с ее идеологическим строем,*** и тем самым демонстрируется **сопротивление языка любому метафизическому проекту**. Внеположная тексту позиция классического интерпретатора в деконструкции фактически демонтируется. Задается «констатация факта» внедренности, привитости одного текста другому, ***бесконечного истолкования одного текста посредством другого*** (в сущности, основа методологии и главное «занятие» постмодернистов).

Фактически ***в деконструкции демонтируется и автор***. Нет авторов с их всегда идеологическими, смысловыми позициями; вся культура предстает как «ризоматическое» по форме (то есть лишенное центра, смыслового стержня) **разворачивание гипертекста**, не имеющего ни начала, ни конца. И сколько бы постмодернисты ни рассуждали здесь об «открытости» будущему» и т.п. красивых вещах — факт убийства творчества и культуры в постмодернизме, дух «ничто», витающий над этим «методом», и его фундаментальная чуждость христианской духовности, то есть основе европейской культурной традиции, — слишком очевидны, чтобы быть предметом какого-либо сомнения.

Что же можно сказать о «наших новых миссионерах» в свете вышеизложенного?

Христианство в нагрузку

Постмодернизация религии — интереснейшая и важнейшая тема, причем очевидно, что она имеет для нас отнюдь не только отвлеченно-теоретическое, но и вполне практически-жизненное значение. Интуитивно, на уровне ощущения уже у многих в связи с многообразной, шумной и, как сейчас выражаются, «креатив-

ной» деятельностью наших героев всплывает мысль о постмодерне.

Надо сказать, что в самое последнее время появилось несколько текстов, представляющих для нашей темы крайне интересный материал. Они дают вполне конкретное подтверждение гипотезе, согласно которой разбираемый проект, помимо того что является по факту объективно постмодернистским продуктом, до известной степени и задуман людьми с уже сложившимся постмодернистским сознанием.

В настоящей работе мы обязательно разберем эти тексты. Однако вначале заметим, что наиболее «креативные» фигуры проекта, такие, как «протодиакон всея Руси» **А. Кураев**, характернейшим образом проявляют постмодернистские черты в своем повседневном поведении, причем не в каком-то бытовом поведении, связанном со второстепенными чертами характера, а в том, которое напрямую касается их главной «профессии», основного рода занятий, то есть их «миссионерской» деятельности. **Сочетание несочетаемого, демонстративное попрание стержневого смысла — составляет основу фирменного стиля Кураева**. Один и тот же человек может посвятить десятки и даже сотни страниц разоблачению оккультизма во всех его разновидностях (не только в деятельности малозначительной и малочисленной интеллигентской секты рерихианцев, но даже и в самом Православии — см. его **книгу «Оккультизм в православии»**) — и почти в то же самое время заниматься откровенной апологией явно **оккультного международного проекта** под названием **«Гарри Потер»**, внедряющего темную мистику и оккультизм в сознание наших детей. Православие, в котором почитание блаженной Матроны — великой святой, пользующейся необычайной любовью народа и глубоко почитаемой монахами, подвижниками, духовными авторитетами нашей Церкви, и в частности покойным Патриархом Алексием II, — это оккультизм, а тем-

ная мистика «Гарри Потера» — христианство и «добрая детская сказка», — это какое-то странное православие!

Конъюнктурный характер деятельности отца протодиакона — отдельный сюжет. Однако в свете представленного у нас ранее краткого обзора основных положений постмодернистской философии в данном и в других, подобных же, случаях возникает самый существенный для нашего анализа вопрос о наличии (точнее, об отсутствии) у «миссионера» того самого стержневого смысла, который составляет главный предмет ненависти постмодернистов. Православный миссионер (чья цель, казалось бы, — приводить народ к вере), который то выступает с «опровержением» великого чуда Благодатного огня (относящегося к самой сердцевине православного учения о духовной жизни и стяжании благодати как ее главной цели[7]), то заявляет, что загробных мытарств не существует, то вдруг начинает отстаивать права сектантов, говоря, что не следует православным добиваться запрета «Свидетелей Иеговы», то высказывается в том плане, что к преподаванию ОПК Церковь пока еще не готова, то позволяет себе выпады в адрес святых и всякие рискованные пассажи на сексуальные темы; проповедник, регулярно атакующий центральные, стержневые элементы Предания, — это довольно странный миссионер и проповедник!

Сравнительно недавно Кураев предстал перед читателем как бы в обновленном виде. Enfant terrible российской православной журналистики, явно получив указание сверху, захотел теперь казаться «белым и пушистым». Немедленно началась бурная (типичная для Кураева) пиар-кампания. Имеем в виду несколько его интервью, прежде всего то из них, которое было дано сайту «Православие и мир» (главный редактор **Анна Данилова**), **«Миссия кончается там, где начинается пастырство»** (26 мая 2009 года)[8], а также **«Миссионерские технологии»** (11 мая)[9] и ряд других.

«Новый» Кураев рассказал нам все самое главное, например, что *«православная проповедь... нетехнологична»* (вопреки многочисленным предыдущим заявлениям «новых миссионеров»), что в ней *«нет ни пиара, ни сознательно просчитанного воздействия на подсознание»* (конечно, в доме повешенного не говорят о веревке...), что «*цель миссии — явление славы Божией*» (вот не может Бог без их помощи явить Свою славу, и все тут!) и многое другое. Апологеты Кураева в восторге. Словно бы и не было многочисленных кощунств и явных неадекватностей **в публичном поведении**, являть которые, по убежденному мнению духовных авторитетов Церкви, может лишь человек, пребывающий в глубокой прелести! Однако, наряду с показной «пушистостью», наш миссионер сформулировал и ряд принципиальных положений.

«Поскольку я являюсь автором этого термина («агрессивное миссионерство» — *В.С.*), *то настаиваю на своем праве его истолковывать.* ***Агрессивное миссионерство — это просто впечатывание в чужой текст нужных мне смыслов. Это не цепляние к людям на улице, а кабинетная герменевтическая работа.*** *Это* ***спасение чужого текста для нашей общины*** *(?!) путем* ***проецирования в него или обнаружения в нем тех смыслов, которые дороги именно нам и к которым могли быть равнодушны даже создатели этого текста****. Например,* ***позднеантичные богословы*** *объявили философию «служанкой богословия» и тем самым сказали* ***церковным цензорам*** *(??): «Вот эта — со мной, пропустите ее, не трогайте!»* ***Так они дали античной философии право на прописку в христианском монастыре****».*

Пытаться охарактеризовать данный пассаж предельно хладнокровно, с использованием чисто научной лексики — значит совершить над собой серьезное волевое усилие! Ибо наш агрессивный миссионер полностью изобличает здесь свою неадекватность и профнепригодность. Ведь каждый порядочный студент знает, что

святые отцы совершили прямо противоположное тому, о чем говорит отец протодиакон: они отнюдь не «впечатали» свой (христианский) смысл в чужой, ранее существовавший и созданный другими текст (то есть в античную языческую философию), а, напротив, использовали ее понятийный, категориальный инструментарий для создания своего, принципиально, *качественного нового и оригинального христианского текста*. Сюжет этот — более чем известный. Что же касается «протекции», которую якобы оказали богословы языческой философии перед лицом драконовской (какой же еще?) церковной цензуры, то Кураев здесь проявляет себя как самый настоящий постмодернист, манипулирующий смыслами, ибо, как грамотный все же профессор духовной академии, он не может не знать текста, приводимого, в частности, у вроде бы почитаемого и прочитанного им **А.Ф. Лосева** (бывшего, как известно, великим знатоком античности), а именно — **Актов Константинопольского собора 1076 года, то есть Первого Собора на Иоанна Итала**. В них, в частности, говорится:

«Обещавшимся быть благочестивыми и ***вводящим бесстыдно (или, скорее, нечестиво) злочестивые эллинские учения в православную и соборную Церковь*** *о человеческих душах, о небе, земле и других творениях —* ***анафема****.* ***Предпочитающим глупую внешних философов так называемую мудрость и следующим за их наставниками... — анафема****... Говорящим, что эллинские мудрецы и первые из ересеначальников, подверженные анафеме от семи святых и кафолических Соборов и от всех мужей, в Православии просиявших (как чуждые кафолической Церкви ради их поддельного и нечистого в словесах преумножения), [что они] — и здесь и на будущем Суде лучшие во многом, чем мужи благочестивые и православные, в особенности же, чем прегрешившие по человеческой страсти или неразумению, — анафема... Проходящим эллинские учения и* ***обучающимся им не***

ради только обучения, но и следующим их суетным мнениям и верующим в них как в истинные и таким образом настаивающим на них как на имеющих крепость*, так чтобы и других один раз тайно, другой раз явно к ним приводить и учить без сомнения —* ***анафема****...* ***Эллинским и инославным догматам и учениям, введенным вопреки христианской и православной вере Иоанном Италом и его учениками, участниками его скверны, или противным кафолической и непорочной вере православных — анафема****»*[10].

Между прочим, эти и многие другие анафематизмы вошли в **Синодик в Неделю Православия**. Как-то странно для богослова...

Таким образом, вопреки мнению (виноват, протекции) Кураева, Церковь тех «богословов», которые пытались «протежировать» языческой философии (то есть Иоанна Итала и его учеников), вполне недвусмысленно — **анафематствует**! Кураев долго использовал безотказный прием, говоря: «Вы, конечно, можете полемизировать со мной, но знайте, что вы спорите не со мной, а со святыми отцами, поскольку я излагаю их позицию». Так вот, теперь мы можем смело вернуть ему этот мячик и сказать: ***либо*** святоотеческая мудрость, засвидетельствованная непогрешимой церковной полнотой, семью Вселенскими соборами и последующими соборами Церкви, ***либо*** — суетные и прелестные, написанные «из мнения» творения агрессивного протодиакона! Конъюнктура и умение лавировать, нравиться и быть нужным «сильным мира сего» — отдельный вопрос, но с богословской точки зрения очевидно, что увертливый «миссионер» наконец попался.

Итак, Церковь устами освященного Собора в Константинополе 1076 года однозначно свидетельствует: сам по себе «текст» языческой философии, обладающий своим, вполне оригинальным и несводимым ни к чему иному смыслом, абсолютно чужд собственно христианскому тексту и его смыслу, и если святые отцы ис-

пользовали систему категорий языческой философии, это означает лишь то, что они **переосмыслили сами эти категории, вложили в них свой смысл и создали *новый, доселе небывалый текст***. «Усия» и «ипостась» у Аристотеля, Плотина, Порфирия и т.д. — вовсе не идентичны тому, что мы находим у отцов, равно и аристотелевский термин «энергия» приобрел качественно новое звучание у паламитов. И т.д. и т.п. Старый, языческий текст остался, сохранив свойственный лишь ему смысл и отнюдь не потеряв при этом своего **исторического значения**; но **рядом с ним и после него** возник текст новый и вполне самостоятельный. Соотношение между ними хорошо известно профессору Кураеву, посвятившему в свое время немало усилий старательному выписыванию весьма многочисленных цитат из разных авторитетных авторов, посвященных объяснению различий между монотеизмом и пантеизмом и т.п. вещей, — так зачем же он морочит голову читателю?

Христианский эллинизм, христианская эллинистическая культура — это ***новая культура, новая как целое***, а не «христианизация» старой языческой античности, невозможная по определению. Культурная преемственность между христианской и дохристианской эпохой означает создание **новой** культуры **с использованием старой**, усвоение ее культурных форм **для своих, творческих целей, а не манипулятивную операцию по замене смысла,** выниманию из культурной «формы» старого, языческого смысла и вкладыванию в нее нового, христианского, наподобие какой-нибудь матрешки. ***Творчество — это всегда создание нового*, а не «протекция перед цензором»**, как полагает Кураев со своим номенклатурным стереотипом!

В работе **«Христианская цивилизация: новый перелом?»**[11] нам уже приходилось указывать, что Византия создала свою великую культуру на основе исторической преемственности культурных форм, поэтому ей вовсе не нужно было спустя века заново открывать антич-

ность. Античность была для нее своим домом, чем-то привычным и знакомым, поскольку она **творчески переработала античную культуру, сохранив культурную преемственность**, и для нее **не стояла проблема культурного разрыва «темных веков»**, которая была столь актуальна и сыграла столь роковую роль для Запада. Запад же свою античность окончательно догрыз где-то к VII веку, поэтому когда Ренессанс заново «открыл» ее, то для Запада античность предстала во всей своей старой, языческой «прелести»; православная же Византия воспринималась как враг, которому следует противостоять и от которого следует отталкиваться. (Что отнюдь не мешало, а лишь помогало тому, чтобы многому учиться у греческих еретиков-варлаамитов.) Вся эта сложность, на наш взгляд, — лишнее свидетельство того, что культурная преемственность в историческом процессе, в живом историческом творчестве — совсем не игра и не манипуляция смыслами!

Для Кураева же по факту не существует стержневого, «логоцентричного» смысла культуры; смысл является для него предметом произвола и манипуляции, а значит, при таком понимании, не существует и культурной преемственности как исторической закономерности, то есть *творческого развития смысла в истории*! История и классика с ее логоцентризмом и ***развитием, невозможным без охранения традиции и преемственности***, с ее стержневым ростом культуры подменяется у него вполне постмодернистским «ризоматическим» развертыванием некоего гипертекста, в котором по факту вообще нет центрального, стержневого смысла! Ибо если «мы» (то есть, надо полагать, христиане) **в принципе** можем произвольно вложить в некий чужой текст нужный нам смысл, то кем и когда доказано, что **кто-нибудь другой не сможет всунуть туда что-то совсем другое**?

И уж совсем не выдерживает самой снисходительной критики приводимый Кураевым для иллюстрации своей мысли пример, связанный с экзегезой некото-

рых мест из Священного Писания (конкретно — Гал. 4, 21–31). Рассказывая о том, как апостол Павел интерпретировал повествование Книги Бытия про Авраама, Сарру и Агарь, Кураев пишет:

«Вот текст, который иудеи называют Танах, а мы его называем "Священное Писание Ветхого Завета". С точки зрения иудеев, ***христиане — воры: мы у них украли их священное писание и нагрузили его своими смыслами****. Честно скажу, я не могу поверить, что* ***Моисей, рассказывая историю*** *про Авраама, Сарру и Агарь,* ***осознавал****, что он противопоставляет свою церковь грядущей новозаветной. Но апостол Павел именно это там увидел и предложил такое толкование».*

По мысли Кураева, здесь апостол Павел проявляет себя как «агрессивный миссионер», то есть предшественник самого отца протодиакона.

«Это типичное агрессивное миссионерство — некий текст используется для того, чтобы с его помощью донести те смыслы, которые сам автор, может быть, даже и не предполагал».

После всего этого остается лишь развести руками. Во-первых, пророк Божий Моисей традиционно считается «автором» лишь Пятикнижия (Торы), а отнюдь не всего Ветхого Завета. Во-вторых, вопрос о том, насколько здесь вообще применимо понятие «автор», в котором мы переносим наши новоевропейские светские стереотипы на древний религиозный текст, где сам феномен авторства был существенно иным, достаточно сложен и неоднозначен. Но самое главное заключается совсем в другом. Рассуждая об «авторстве» пророка Моисея и апостола Павла, **профессор богословия Кураев словно бы забывает о богодухновенности Писания, о Святом Духе.** Здесь он ведет себя и рассуждает не столько как православный богослов, сколько как типичный протестантский теолог.

Разве профессор-протодиакон никогда не слышал об **изначально ведомом Господу прообразовательном зна-**

чении Ветхого Завета по отношению к Новому, о котором совершенно необязательно было знать даже и Моисею; разве он никогда не рассказывал своим студентам о единстве Священного Писания, созданного Духом Божиим (хотя и через посредство людей), о синергии (соработничестве человека и Бога) в создании священных текстов, богодухновенность которых (в единстве обоих Заветов) по внушению того же Духа признана Церковью?[12]

Сократа (то есть язычника) Кураев приплетает сюда «до кучи», чтобы замести следы; однако в свете общеизвестных вещей, которые мы сказали выше о Священном Писании, вполне очевидно, что броские, сделанные «на публику» высказывания Кураева о старом пузырьке и новой жидкости, которую агрессивный миссионер наливает в него в виде нового смысла (какое глубокое представление о форме и содержании!), абсолютно не идут к делу и, будучи крайне поверхностными, далеки от сколь-либо научного и тем более богословского понимания.

Итак, Павел — никакой не «агрессивный миссионер», уповающий на прием, свой ум и ловкость, отнюдь не словесный жонглер и манипулятор, а, напротив, апостол, вдохновляемый Духом Божиим, слышащий голос Самого Христа, как о том и рассказывается в книге Деяний. Другие же примеры, приводимые Кураевым («*более мягкие случаи*»), то есть **Джоан Роулинг и Лев Толстой,** — просто смехотворны и не лезут ни в какие ворота!

«Истолкователь, — пишет наш профессор, — *должен быть настойчив (агрессивен), когда предлежащий ему текст* (всем текстам просто делать нечего, кроме как «предлежать» Кураеву. — *В.С.*) *сам по себе вполне христианский, но современный читатель не может заметить его* ***христианской нагрузки****. Это постоянно происходит с произведениями классической европейской и русской литературы».*

Вот ведь какая штука это агрессивное миссионерство: никак без него культурный (да и религиозный) процесс не складывается! Читатель современный? Современный! И текст современный! (В том смысле, что речь-то наш профессор ведет о текстах, созданных в эпоху модерна.) А читатель без его, «миссионера», посредничества все равно ни бум-бум... Фокусник настолько нагл и ловок, что не задумается доверчивый читатель: а зачем вообще все это «агрессивное миссионерство», если есть система образования, а в ней вполне могут быть соответствующие курсы?[13]

Но главное — несостоятельность самих примеров. Если в отношении русской литературы XIX века среди литературоведов существуют разные подходы (от тотальной христианизации ее, предпринимаемой **И. Есауловым**, до гиперкритицизма **М. Дунаева**), то в отношении пресловутой Роулинг все **русские православные** ученые вполне едины, о чем мы уже сказали выше и, в силу заезженности темы и наличия вполне адекватных исследований[14], не станем далее в нее углубляться. Что же касается Льва Толстого, то это просто, можно сказать, наша узкая научная, литературоведческая специализация.

Кураев отделывается от проблемы общей фразой:

«Или Лев Толстой. Да, как философ (??) *он далек от христианства. Но Толстой как художник и писатель* (то есть в качестве писателя Толстой не художник, что ли? И наоборот?) — *частица нашей русской православной классической культуры*».

То, что Толстой — классик, конечно же, несомненно. Однако не очень понятно научное значение слова «частица». Кураев проявляет здесь свое обычное верхоглядство и научную безответственность, не удосуживая себя **конкретным анализом проблемы**. В чем конкретно видит он православность художественного творчества Толстого, а также как он понимает независимость этого творчества от мировоззрения художника, остается

абсолютно неясным. С сожалением приходится констатировать, что агрессивный миссионер **методологически** в полной мере следует здесь за не менее агрессивным **В.И. Ульяновым (Лениным)**. Только Ленин полагал, что Толстой независимо от своего «поповского» мировоззрения является «зеркалом русской революции», а Кураев считает писателя выразителем русской православной культуры, но также независимо от его абсолютно неправославного мировоззрения. Прямо не художник, а медиум какой-то! Все-таки хорошо обучали будущих миссионеров советские философы! Что значит школа...

Следует ли нам предположить, что Кураеву неизвестна великолепная работа великого **Константина Леонтьева «Наши новые христиане»**, в которой автор блестяще показывает чуждость толстовства подлинному церковному христианству; фундаментальные исследования **Е.Н. Купреяновой, Г.Я. Галаган** и других советских и российских толстоведов, в которых, на наш взгляд, неопровержимо показано, что корни толстовства — в просветительстве XVIII века, а отнюдь ни в каком не в Православии; наконец, достаточно многочисленные работы современных исследователей, доказывающие чисто восточное, буддийско-конфуцианское происхождение «религии» Толстого? Дальнейшее углубление в эту тему не входит сейчас в нашу задачу. Скажем лишь, что пресловутый «вопрекизм» (то есть представление о полной независимости художественных текстов какого-либо писателя от его философско-публицистических, политических сочинений и вообще мировоззрения) является анахронизмом советских времен и давно преодолен современным литературоведением, предпочитающим **рассматривать авторские тексты во всей их совокупности**, не проводя между ними непроходимых границ по жанровому и т.п. принципам. Так что не следовало бы агрессивному протодиакону вторгаться в сферу чужой профессиональной и научной компетенции со стереотипами своей кафедры научного атеизма!

Итак, манипулятивный и лукавый, а также научно несостоятельный характер термина «агрессивное миссионерство», на наш взгляд, вполне очевиден.

* * *

В свете интересующей нас проблемы культурной преемственности в истории, а также стержневого смысла культуры и различия между классическим и постмодернистским подходами к задаче христианской миссии крайне важно то, что «новые миссионеры» неустанно муссируют тему так называемых **субкультур**. Эта тема попала даже в решения **XIII Всемирного Русского народного собора**. В этом документе, как и в ряде сопутствовавших ему интервью, весьма выпукло проявилась вся внутренняя противоречивость разбираемого проекта. В документе ставится глобальная задача: ***«Воздействовать на субкультуры, оплодотворить их христианским содержанием»***. При этом тут же констатируется, что направленность религиозности (да и сама религиозность либо атеистичность) сознания приверженцев той или иной субкультуры ею самой «*никак не рефлексируется*». Молодежные субкультуры называются «*лабораториями для социального творчества*» (?!). Отмечается, что *«в них идут* ***культурные эксперименты, иногда рискованные*** (что верно, то верно. — *В.С.*), *которые* ***приносят разные плоды****. Эмоциональные вихри, порождаемые ими в обществе, наполнены* ***как темными, так и светлыми чувствами*** *(!).* ***Субкультуры — это формы, которые могут быть заряжены как созидательными, так и разрушительными энергиями».*** *«Ребята ищут ответа на разные вопросы, но субкультура таких ответов не дает...* — указывает один из комментаторов, **священник Максим Первозванский**. — *От каждого из нас зависит, чем будет наполнена та или иная субкультура»*. Предостерегая от **«абсолютизации субкультурной игры»**, от **«придания ей квазирелигиозного характера»**, документ ВРНС ставит задачу: ***«Стремиться***

к соединению субкультурных форм с традиционным духовно-нравственным содержанием»[15]***.***

Итак, авторы документа признают, что сами по себе субкультуры не являются наиболее благоприятной почвой для православной веры; они существуют как бы параллельно и независимо. Кроме того, комментаторы (как можно понять, разделяющие излагаемый подход) прямо говорят, что ни одна субкультура не дает ответа на разные жизненно важные вопросы, в том числе, как можно понять, и религиозные. Почему же, в таком случае, работа с ними объявляется главной задачей миссии? Ведь подавляющее большинство народа, в том числе и молодежи, к ним не принадлежит! Если сами по себе субкультуры, во всяком случае, безразличны к вере, то с какой стати работа через них, через их посредство объявляется оптимальным путем к воцерковлению людей? Ясно, что в основе данной методологической установки лежит **некий особый принцип**.

Для того чтобы уяснить, в чем его суть, необходимо понять, что такое вообще «субкультура», в отличие от собственно культуры, и почему применяемая некоторыми апологетами «миссии без берегов» аналогия с тем, что называют христианизацией языческой античности, здесь неуместна. Ответ, на наш взгляд, достаточно очевиден, и мы уже достаточно касались этой темы в этой главе.

«Большая», подлинная культура, культура в собственном смысле, органически *укоренена в истории* и развивается на основе культурной преемственности, неся в себе то, что называют «Большим смыслом». Этот большой, стержневой смысл культуры, столь ненавидимый постмодерном за его «репрессивность» по отношению к своевольной, греховной натуре падшего человека, составляет абсолютно необходимую основу для **исторического творчества**. Культурная и мировоззренческая революция, произведенная христианством, вся проходила в рамках **классического дискурса**; это была

борьба языческой и христианской классики. Она несла в себе не манипулирование смыслами, когда некое абстрактно «новое содержание» вливается в абстрактно «старые формы» (на манер пузырька и жидкости, как учит Кураев), но и не безоговорочное отрицание старого, но ***творческое усвоение его с последующим развитием***, приданием культурному субъекту нового качества.

В античности не было представления о трансцендентном миру Боге Творце и Боге Троице, как единстве трех равночестных Божественных Лиц (Ипостасей), и это было то **абсолютно новое**, что принесло с собой христианство, но там уже было философское неоплатоническое учение об абсолютном начале — **«Едином» плотиновских «Эннеад»** и была знаменитая неоплатоническая триада — Единое, Ум, Душа. **Качественное отличие** этой пантеистическо-космологической схемы от христианского учения о Троице очевидно и общеизвестно, но троичная схема-то уже была! И было пока еще теоретическое, философское представление об абсолюте, абсолютном начале. Точно так же и с богодухновенным Писанием Ветхого и Нового Заветов. В Ветхом Завете присутствует учение о едином Боге Творце и прообразовательно — о Сыне Божием, что после нового откровения приобрело качественно новый, открытый смысл, явленный уже в Новом Завете. Такое развитие на религиозном уровне отражалось и на уровне собственно культуры, культуры в узком смысле.

Итак, **религиозное и культурное творчество зиждется на трех китах: преемственности, укорененности в истории и, главное, связи с трансцендентным, о чем шла речь в начале этой главы. Если одно из этих условий не выполняется, творчество невозможно**.

Что же представляют собой на фоне всего этого так называемые субкультуры? На наш взгляд, вполне очевидно, что ни об одном из вышеназванных условий здесь не может быть и речи. Данное весьма специфи-

ческое явление вообще **не имеет никакого отношения к традиции, к культурному «мейнстриму», не несет в себе глубинного стержневого смысла, укорененного в истории и в трансцендентном и носит *чисто игровой характер***. (Поэтому документ ВРНС и вспоминает здесь, вполне справедливо, о «субкультурной игре».) Оно есть типичное порождение постмодернистской эпохи с ее принципиальной чуждостью Традиции, поверхностной игрой со смыслом и произвольными «формами», игрой, враждебной всякой серьезности и онтологической основательности, укорененности в бытии. Люди, входящие в субкультуру («толкиенисты», рокеры, байкеры и т.п.), — отнюдь не отшельники, изолирующие себя от скверны мира в катакомбах или монастыре **ради духовного подвига** и создания некоего **параллельного социума**, который затем будет стремиться выйти из катакомб и завоевать мир; они, будучи гражданами и членами общества, просто **прячутся от серьезной жизни** со всеми ее проблемами, принимая на себя некую **роль**. В этом они реализуют **основной принцип постмодерна: ничего всерьез**. Сегодняшний толкиенист завтра может увлечься мотоциклами или какой-нибудь рок-группой. ***Здесь нет и речи о жертве*, о жизненной серьезности, стремлении радикально изменить свою жизнь** (что в православной традиции называется «метанойя», покаяние), **нет вообще идеи *спасения*** — основной для религиозного сознания, и отец Максим совершенно правильно говорит, что субкультура не дает ответа на коренные вопросы жизни. ***Субкультура, по сути, — это отказ от серьезного религиозного поиска, от подлинного творчества, путь десоциализации, выхода из истории, подмена жизни игрой***.

В свете всего этого задача, поставленная в документе ВРНС, несет в себе очевидное внутреннее противоречие, когда форма воюет с содержанием (не своим, а чужим), стремясь его уничтожить. Такая форма, враждебная содержанию, в некоторых философских школах

носит название **превращенной формы**. Постмодерн чувствует себя в мире превращенных форм как рыба в воде, так зачем же людям традиции самим, добровольно ставить себя в такое положение? Здесь либо субкультурно-игровая форма уничтожит предлагаемое ей традиционное христианское содержание, либо оно, это содержание, преобразует форму.

Почему же «новые миссионеры» пытаются найти путь к сердцам людей через эту весьма поверхностную, специфическую и **чуждую подлинности** сферу, а не апеллируют к их **исторической культурной памяти**, связанной с многовековой принадлежностью их предков и их страны к великой **русской православной культуре**, укорененной в православной вере и в истории? (Да еще и, как Кураев, выступают против преподавания ОПК в светской государственной школе, сетуя на «нашу неготовность» и «низкий культурный уровень»?[16]) Причем крайне важно, что русских православных людей — наших современников, которые на деле, в своей повседневной жизни являют такую укоренность, они считают также представителями одной из субкультур, фактически уравнивая с молодежными «неформалами»! И кем был навязан двусмысленный и внутренне противоречивый подход к миссии, сформулированный в документе ВРНС?[17]

Думается, что пора наконец договорить суть до конца. ***«Наши новые миссионеры», сторонники «миссионерской» агрессии сами не обладают вышеозначенной укоренностью в Традиции, истории и трансцендентном, в Боге и в Церкви и потому принимают правила игры, диктуемые постмодерном.*** «Ларчик просто открывался», или «слово наконец найдено». **В глубине сознание «новых миссионеров» заражено постмодернистским вирусом**. Иначе необъяснима их ненависть ко всему, что связано с православным консерватизмом, будучи носителем культурной, исторической и религиозной **подлинности**[18]**.**

Проект «миссии без берегов», или массовой миссии, постмодернистский по своей природе, содержит в себе вирус, губительный для земной Церкви. Вместо углубления в Традицию, с упором на духовную жизнь (без чего невозможно дело спасения), он «заточен» на ее выхолащивание и, в конечном счете, объективно, по факту, отрицание ее стержневого смысла. В этом плане глубоко не случайны такие, уже упомянутые нами, демарши Кураева, как отрицание реальности Благодатного огня, загробных мытарств души, посягновение на память святых (как, например, святого Патриарха Стефана), попытка ревизии уже не только Предания, но и Писания («замечание» в адрес Иоанна Крестителя в связи с «вмешательством» в сексуальную жизнь Ирода и Иродиады) и, самое главное, смертельная боязнь того, что вместо его соблазнительных лекций в наших школах начнется наконец систематическое преподавание ОПК. (Если теперь проект ОПК отдан Кураеву, это означает, на наш взгляд, очевидную и трагическую реальность, а именно то, что **постмодернистская концепция религиозного и общекультурного образования, увы, побеждает традиционную**!) Бесконечное порхание от одной «субкультуры» к другой (имеющей, как мы помним, чисто игровую природу, лишенной укорененности в Традиции, в истории и в трансцендентном) — это и есть постмодернистская игра, выдающая за сущее то, чего нет, бесконечное «письмо», «перевод значения», смысловое манипулирование, в сущности, пустыми знаками, симулякрами, лишенными сколь либо реальной связи с какой-либо сущностью, «означаемым». ***Это антимиссия, превращение наличной, живой традиции в постмодернистское царство превращенных форм.***

* * *

Здесь мы никак не можем обойти вниманием один знаковый и весьма характерный эпизод лета 2009 го-

да, являющийся замечательной иллюстрацией к нашим выводам. Эта скандальная история наглядно демонстрирует, что речь идет отнюдь не о каком-то отвлеченном теоретическом споре, а о вещах, самых что ни на есть жизненно-практических. Во время так называемого «миссионерского крестного хода» на мотоциклах по маршруту Санкт-Петербург — Севастополь, проводимого по благословению Патриарха Кирилла и с одобрения премьер-министра России В.В. Путина байкерским клубом «Ночные волки» (руководитель — некто **Александр Залдостанов** по кличке **Хирург**) с участием ряда байкерских организаций России и государств ближнего Зарубежья, некая девица, одетая лишь в короткие шорты, с изображением волка на голом теле уселась на мотоцикл позади одного из участников и была запечатлена папарацци. Фотография обошла весь Интернет. Все бы это не привлекло такого внимания, если бы именно на этом мотоцикле не было прикреплено знамя с изображением иконы Спаса Нерукотворного, которое было практически идентично древним русским воинским стягам. Крайне характерно, что необычайно активное участие в распространениии скандальных фотографий принял **околокремлевский политтехнолог Е. Холмогоров**, который в крайне вызывающей, агрессивной манере обвинял православных людей, выражавших недовольство, в «фарисействе» и т.д.

Среди православной общественности начался бурный скандал, не вполне утихший до сих пор. Однако некоторые официальные лица Церкви, а также непосредственные участники широкомасштабной пиар-миссии — **Холмогоров** и наш герой **протодиакон А. Кураев** в своих комментариях пытались представить дело как полный триумф «новой миссии», а кощунственный эпизод глумления над святыней — поначалу всего лишь как случайное досадное недоразумение. Говорилось, что почти голая байкерша — человек в акции случайный («попросила подвезти») и т.п. Байкер, управлявший мото-

циклом, был «разжалован», почти что исключен из клуба. Однако журналистское расследование показало, что ни о каком «случае» не может быть и речи. Героиня дня оказалась **фотомоделью и членом днепропетровского клуба женщин-байкеров**. Лишь когда скандал достиг угрожающих размеров, Кураев выдвинул новую версию: подслеповатая (!) фотомодель, садясь на мотоцикл, не разглядела, что за знамя было на нем прикреплено. Это уже прямо стало выглядеть как дурной анекдот.

Не желая смешивать жанры (расследование истинных причин происшедшего, выяснение того, является ли все это действительно случайностью или все же хорошо продуманной и срежиссированной постановкой, не входит в нашу непосредственную задачу), рассмотрим фактуру события, так сказать, «картинку».

Прежде всего: в основе очередного кощунства с участием Кураева лежит давняя и продуманная с его непосредственным участием идеология «нового миссионерства» — **заигрывание с так называемыми субкультурами, заискивание перед ними, то есть как раз именно то, против чего предостерегает как Патриарх Кирилл, так и официальный документ ВРНС.** (Незадолго до акции Кураев дал свое очередное программное интервью, в котором говорил уже не о «миссии» среди приверженцев субкультур, а о **«совместных проектах»** с ними.) Последнее уже просто вопиюще, поскольку среди этих приверженцев есть люди с прямой наклонностью к сатанизму (например, так называемые **«готы»**), по сравнению с которыми даже байкеры покажутся невинными младенцами. Первые плоды проектов — налицо. Вместо ожидавшихся массовых обращений христианская святыня — образ Самого Христа вписывается в типично постмодернистскую «рамку». «Картинка» действительно чисто постмодернистская. Икона Спаса, как символ христианства, с его личностной культурой и идеей спасения, с его тремя главными завоеваниями — личностью, свободой и ис-

торией сопрягается здесь, во-первых, с «обнаженкой», как символом разнузданности и вседозволенности (и это можно, и это), а во-вторых, с волком — весьма распространенным **тотемом архаических культов**, который одновременно является и символом данного байкерского клуба. Сама **байкерская эстетика**, где **сочетается крайне продвинутый техницизм** (современный дорогой мотоцикл со всевозможными наворотами — весьма совершенный продукт современной техники) и подчеркнуто **дикая, первобытная «пассионарность»** («не свобода, а воля»), — также типично постмодернистский продукт, в котором ***характерная для постмодерна игра с архаикой сознательно противопоставляется личностной христианской культуре***[19]**.** (Крайне характерно, кстати, что «наших новых миссионеров» в качестве объекта приложения их усилий привлекают именно немногочисленные, во многом десоциализированные слои населения, подобные «ночным волкам», а отнюдь не основная масса, отнюдь не трудовой народ России.)

Совершенно понятно, что в данном конкретном случае произошло именно то, о чем мы и предупреждаем в нашей работе: **субкультурная форма поглотила и подчинила себе предполагавшееся христианское содержание**. Причем если по степени кощунства они примерно равны, то по изощренности вольной или невольной «концепции» данная картинка, конечно, значительно превосходит чтение матерных стихов на фоне иконостаса, имевшее место на «благословленной» Швыдким выставке «Россия-2» («автор» сюжета — Олег Кулик) или испражнение живых кур на восковую фигуру Льва Толстого (там же).

Заключение

Мы назвали наш цикл «Весна Патриарха». Но весна, как и все на свете, неизбежно заканчивается. За ней на-

ступает «лето» — время зрелости, когда явление, субъект либо приносит обильные плоды, либо оказывается вредным пустоцветом.

Патриарх Кирилл — действительно сильная, незаурядная личность, человек яркий и богато, всесторонне одаренный. Однако сейчас он стоит перед нелегким и опасным выбором. Среди людей, окружающих Патриарха, есть, конечно, всякие, в том числе и люди более чем достойные. Однако есть, к сожалению, и такие, которые с упорством, достойным лучшего применения, подталкивают Предстоятеля в сторону ломки традиции, сомнительных неообновленческих экспериментов, репрессий в отношении церковно-консервативного большинства, установления авторитарной власти. Мы сами ***по форме*** не всегда бываем правы в отношении Патриарха, эмоционально реагируя на волнующие нас события церковной жизни. Однако мы совершено искренне, вместе со всей Церковью, молимся за нашего Предстоятеля, надеясь на его такт, чувство церковности, на его разум, вдохновляемый Духом Божиим и соборным разумом всей Церкви. Один путь, открытый перед Патриархом, — это путь неообновленческой революции, разрушения традиции, ломки устоев. Другой, тот, что зиждется на Традиции, — это путь, которым на протяжении веков шла Церковь, путь консерватизма, духовного углубления, без чего невозможно развитие и подлинное творчество.

Выбрав одно из двух, Патриарх Кирилл может войти в историю либо как страшный разрушитель, начавший решительную постмодернизацию церковной жизни и революционную ломку церковных институтов, — либо как продолжатель славного, созидательного дела великого сонма наших святых, как наследник, с одной стороны, исихастской духовной традиции преподобного Сергия, Нила Сорского, Серафима Саровского, Силуана Афонского, Оптинских старцев и многих, многих других, с другой же стороны — имперского Православия,

неразрывно связанного с монархической и мессианской Русской идеей. Выбрать предстоит между святостью и созиданием — и лукаво-двусмысленным, прельстительным и увертливым духом кураевщины, вызывающей восторг русофобов в рясах. Для всех истинно православных людей этот выбор очевиден. Неужели же наш отец, наш Патриарх, наш Предстоятель окажется не вместе со своим народом?

Примечания

[1] Подробнее о «партийности» и т.п. вещах в дискуссии см. в нашей статье «Одесское богословие» — http://www.rusk.ru/st.php?idar=105710.

[2] Более подробно мы касаемся этой проблемы в нашей работе «Христианская цивилизация — новый перелом» См.: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/898.htm и др.

[3] См., например, открытое письмо бывшего семинариста **иеродиакона Владимира (Морева)** в приложении к настоящей книге. Это живое свидетельство вполне конкретного человека практически стопроцентно подтверждает то, о чем мы писали в нашей статье **«Призрак Второго Ватикана»** (первая глава книги).

[4] Не можем не отметить, что в последнее время эту проблему со всей остротой и бескомпромиссностью ставит как раз не кто иной, как Патриарх Кирилл, который делает это, например, в своем выступлении **на встрече с представителями российской молодежи в спортивном комплексе в Измайлово** (см.: http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html). Причем проблема ставится им в более чем критическом ключе. Такое созвучие мыслей вселяет в наше недостоинство определенную надежду на возможность некоего взаимного понимания...

[5] Эта часть работы в основном представляет собой реферат, подготовленный с использованием статей **П. Бойко, В. Лебедько, М. Можейко, А. Грицанова и А. Вашкевича**.

[6] По нашему убеждению, все эти и другие, соотносимые с ними, особенности постмодернизма являются следствием глубочайшего кризиса цивилизации секулярного модерна, являющегося, в свою очередь, последствием отрыва от духовных истоков христианства, то есть утери той связи с трансцендентным, о которой мы говорили в начале настоящей работы. Об этом мы более подробно рассуждаем в другой работе, уже упоминавшей-

ся выше, — **«Христианская цивилизация — новый перелом?»** (см.: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/1126.htm и предыдущие части). Иными словами, выражаясь диалектически, постмодерн есть продукт исчерпанности секулярного модерна, он возникает в его недрах как его собственное самоотрицание.

[7] Подробнее об этом см. в главе «О Благодатном огне и богословском рационализме».

[8] См.: http://www.pravmir.ru/article_4203.html

[9] См.: http://diak-kuraev.livejournal.com/19260.html

[10] Цит. по: *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., Мысль, 1993. С. 862–864.

[11] См.: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/898.htm.

[12] Анекдот советских времен. Обыск в квартире диссидента-«религиозника», чекисты описывают библиотеку. Один опер диктует, второй записывает. «Так. Солженицын. "Архипелаг ГУЛАГ". Ильин. "Наши задачи". Бродский. "Стихи". Записал? Библия». Второй опер переспрашивает. «Библия? Это что, название? А автор кто? У книги должен быть автор....» Хозяин квартиры не выдерживает. «Дух, Дух Святый!!» «Дух... как? — переспрашивает опер. — Что за фамилия такая?.. Иностранец, что ли?»

[13] В свете вышеизложенного, на наш взгляд, глубоко не случайно, что в решающий судьбоносный момент, когда стоял вопрос о введении ОПК, Кураев выступил жестко против. (См. его публикацию Православие в школе. Церковь пока не готова прийти в класс» // Коммерсант, 18 сентября 2006 г. См.: http://www.kommersant.ru/doc-y.html?docId=705544&issueId=30202. В этой статье автор призвал «говорить о вере с отстраненно-культурологических позиций», заговорив о православных педагогах России со свойственной ему надменностью, с абсолютно хамских и унижающих людей позиций. Суть позиции самого Кураева, которую он не раз «менял» с тех пор, выражает заголовок. Теперь же, видимо, в награду за эту многолетнюю борьбу против проекта ОПК агрессивный протодиакон назначен им руководить: он стал руководителем группы по подготовке учебника по данному предмету! Неисповедимы пути Твои, Господи...

[14] См., напр.: И. Медведева, Т. Шишова «Гарри Поттер»: СТОП. (Попытка экспертизы) — http://www.netda.ru/belka/texty/shyme/ST-36.htm

[15] См.: http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=183163

[16] Теперь-то он, конечно, не против, когда проект наконец отдан ему, но что же внесет он в его содержание?! Впрочем, наш герой уже высказался, причем вполне недвусмысленно, по этому вопросу

(см.: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=30928). В своем комментарии агрессивный профессор не оставил православным педагогам, а также православным детям и их родителям никаких иллюзий. Учебник по ОПК будет готов не раньше чем через три года, заявил он (что будут делать учащиеся и преподаватели все это время, отец протодиакон не уточнил); преподавать предмет «в идеале» должен преподаватель-атеист (alma mater зовет?), а цель обучения — убедить ребенка, что его любят не только мама с папой, но и «Некто сверху», что «мир замешан на любви». (Конечно, о загробных мытарствах души, по поводу которых существует полнейшее согласие среди святых отцов, Кураев в своем учебнике рассказывать не станет!) До этого он не раз выражал возмущение по поводу того, что многие авторы **уже существующих** учебников (а их больше сотни названий!) и преподаватели употребляют такие выражения, как «Господь наш Иисус Христос» или «наш Ангел Хранитель». Что ж, если «Некто сверху» ближе Кураеву в качестве абсолютного начала, чем Бог Творец, Бог Троица и Господь Иисус Христос, это его дело (у нас свободная страна), но с какой стати **православные родители** должны доверять такому своих детей? И с какой стати такая «миссионерская агрессия» должна осуществляться им от имени Православной Церкви?

По последним сведениям, в новом учебнике Кураева по ОПК не будет глав: о сотворении мира, о Пресвятой Троице и о Божественной литургии. Автор признается в том, что он ставит своей главной задачей не задеть религиозных чувств приверженцев иных религий и конфессий. Такая вот апологетика... Наследник дела святых отцов, понимаешь...

[17] Хорошо зная внутреннюю «кухню» подготовки подобного рода документов, выскажем одно предположение, на котором, конечно, не можем настаивать. Скорее всего, **предостережение** по поводу того, чтобы слишком не увлекаться «субкультурной игрой», высказано **самим Патриархом**, а вот **вся проблематика** попала сюда не без прямого участия **Кураева и других единомысленных с ним «агрессивных миссионеров»**.

[18] Не в меру агрессивные апологеты проекта в этом месте обязательно обвинят нас в том, что мы «опять посягаем» на достойных, плодотворно трудящихся пастырей. Наверняка будут названы имена **игумена Сергия (Рыбко), отца Максима Первозванского** и других известных священников. Бессовестные манипуляторы и агрессивные лгуны никак не удосужатся напомнить себе и читателю, что **мы никогда не писали и не публиковали ничего негативного по адресу этих и многих других отцов**. Мы всегда выступали не против миссии среди так называемых неформалов, а против того, **чтобы «субкультурность» превращать в какой-то**

универсальный миссионерский метод, что есть, конечно же, чисто постмодернистский подход. Кстати, надо сказать, что те, кто реально и вполне конструктивно и плодотворно занимается миссией, в последнее время все лучше понимают губительность и несостоятельность разобранного нами псевдомиссионерского проекта. Именно такое понимание (полностью разделяемое нами) продемонстрировал недавно действительно незаурядный миссионер, сотрудник миссионерского отдела РПЦ **игумен Агафангел (Белых)**. См. его ст. **«Гетто или райский сад? Заметки о формах и цели миссии»** (http://www.rusk.ru/st.php?idar=155771).

[19] В качестве более чем адекватного исследования, дающего хорошее представление о байкерском движении в России и упомянутом у нас эпизоде в Севастополе, рекомендуем статью А.Рогозянского «РПЦ в мире пиара» (http://www.rusk.ru/st.php?idar=156081 # form).

«Миссия» на марше

О высказываниях протодиакона Андрея Кураева по поводу Благодатного огня

> Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.
>
> *Мф. 28, 15*

> Вот вы тогда обедали, а я веру-то и потерял...
>
> *Ф.М. Достоевский.* Братья Карамазовы

В предыдущей главе мы рассмотрели некоторые воззрения протодиакона Андрея Кураева, которые нам представляются глубоко ошибочными, методологически неверными, но которые с некоторой натяжкой можно относить к его богословскому мировоззрению, формально не выходящему, в общем и целом, за рамки православного вероучения. Однако то, что позволил себе Кураев в отношении величайшего чуда, признаваемого несомненным всей Православной Церковью, — схождения Благодатного огня на Гроб Господень, вынуждает уже поставить вопрос вообще о его православности, принадлежности к православной традиции. Собственно богословскую сторону проблемы мы разберем в следующей главе. Здесь же позволим себе сосредоточиться на,

так сказать, более приземленной стороне всей истории, различных ситуативных реакциях на выходку «протодиакона всея Руси», для начала изложив фактуру событий.

За несколько месяцев до анализируемых событий вышла книга двух «церковных историков» — известного своими скандальными публикациями журналиста из «МК» **С. Бычкова** и заштатного диакона Санкт-Петербургской епархии **А. Мусина** (того самого, который был главным предводителем скандала в СпбА несколько лет назад. Скандал этот, будучи руководителем сайта «Соборность», тогда активно раскручивал не менее известный персонаж, который находится и в центре скандала нынешнего, — С.Чапнин). Называется книга **«Благодатный огонь: миф или реальность?»** (М.: Тэтис, 2008). В этой книге авторы задались целью «развеять» еще один «миф» православного сознания — разделяемую всем православным миром веру в чудо схождения Благодатного огня. В этом плане полное подтасовок и передержек творение двух столпов «либерального христианства» вполне укладывается в ведущуюся современными неообновленцами модернистскую ревизию Предания. Далее последовали такие события.

Великим постом 2008 года состоялась паломническая поездка во Святую землю группы из России, организованная Фондом Андрея Первозванного. В ходе этой поездки была организована встреча российской делегации с Патриархом Иерусалимским Феофилом. Во время беседы с российской делегацией, происходившей на **неродном для обеих сторон английском языке**, Патриарх Иерусалимский, говоря о Благодатном огне, употребил слово *representation*, означающее «представление», «изображение», «манифестация», «демонстрация» чего-либо, и что тут началось! Словно с цепи сорвавшиеся деятели типа уже упомянутого Сергея Бычкова радостно кинулись разоблачать очередной «миф церковников». Однако не будем забывать, что повод-то им дал как

раз именно дьякон Кураев своей интерпретацией слов Патриарха!

«Во время пресс-конференции, — пишет С. Бычков, — *предстоятель Иерусалимской Церкви развеял характерные для русского благочестия представления об обряде возжигания огня в Великую субботу в храме Гроба Господня. По словам диакона Андрея Кураева, патриарх всячески избегал терминов "чудо" или "схождение", заявив, что обряд Великой Субботы — "это церемония. Как некогда пасхальная весть от Гроба воссияла и осветила весь мир, так и ныне мы в этой церемонии совершаем репрезентацию того, как весть о воскресении от кувуклии разошлась по миру"*». Кураев так прокомментировал эти слова Патриарха: *«Откровеннее сказать о зажигалке в кармане он, наверно, не мог»*. Используя абсолютно неверную трактовку слов Патриарха, данную диаконом Кураевым, С. Бычков дает «интерпретацию на интерпретацию»: *«Огромное впечатление на российских журналистов, поездку которых на Святую землю организовал Фонд Андрея Первозванного, произвела пресс-конференция Иерусалимского патриарха Феофила. Оказывается, Благодатный огонь, по словам Иерусалимского патриарха, совсем не ежегодно свершающееся чудо, а лишь напоминание о свете, воссиявшем при Воскресении Христа»*[1]. И далее Бычков прибегает к шаблонным «аргументам», в развернутом виде представленным в вышеупомянутой книге, которую он написал совместно с А.Мусиным.

Для начала заметим, что, как уже указано целым рядом пользователей Рунета, здесь «русский Бультман» проявил себя как плохой студент и аспирант, который не удосужился за время обучения на кафедре научного атеизма в МГУ, в Московской духовной семинарии, в Духовной академии в Румынии, а также в аспирантуре достаточно хорошо выучить английский язык. Ведь если бы Патриарх хотел сказать, что схождение Благодатного огня есть некий спектакль, то есть «представ-

ление» некоего вымысла (подобно спектаклю в театре), он бы употребил слово *performance*! *Representation* же отнюдь не означает, что «представляемое» действие является непременно вымыслом. (Ср. близкое к этому по значению вполне освоенное русскими слово «презентация». Здесь речь идет практически всегда о «представлении» некоего **вполне реального проекта**, отнюдь не являющегося фантазией или вымыслом.) Сам же Кураев на своем форуме вполне справедливо замечает, что, к примеру, «малый вход» с Евангелием на литургии — это тоже representation. Кстати, из приводимых в статье Бычкова слов Патриарха (см. выше) вполне понятна мысль Иерусалимского Предстоятеля, из которой никак не следует, что он отрицает реальность несомненного чуда схождения Благодатного пламени.

Теперь приведем некоторые данные из замечательной статьи известного богослова **Юрия Максимова**, явившейся достойным ответом на доморощенное «разоблачение» чуда, которая включает всю полноту аргументации, в том числе и лингвистической[2]. В частности, по поводу профессора ЛДА Н.Д. Успенского, на чьи якобы «научные» анализы, разоблачающие феномен Благодатного огня, ссылаются С. Бычков и А. Мусин, автор приводит вполне несомненные данные, из которых видно, что ***этот либеральный богослов не раз высказывал мнения, решительно расходящиеся как с Преданием, так даже и с Писанием!*** В частности, пишет Ю. Максимов, ***«в 1975 году было официально осуждено Русской Православной Церковью ложное учение профессора Успенского о Евхаристии.*** Он ***отвергал пресуществление даров***, фактически заявляя, что они остаются хлебом и вином. Неудивительно, что человек подобных взглядов отвергал и реальность Благодатного огня». Хорошенькие союзнички у «самого великого миссионера» в РПЦ!

Не будем излагать дальнейшие подробности неправославного богословствования профессора Успенского

(с ними читатель может самостоятельно ознакомиться хотя бы по той же статье Ю.Максимова), но вот о поднимаемом некоторыми на щит **епископе Порфирии (Успенском)** (который, как известно, также, вместе с Кураевым и К°, не веровал в чудо Благодатного огня) кое-что сказать просто необходимо. Во-первых, как, основываясь на первоисточниках, указывает Ю. Максимов, **все якобы слышанные кем-то и пересказанные епископом Порфирием рассказы о «подлоге» при возжигании Благодатного огня являются именно *пересказами*. Сам епископ Порфирий не был свидетелем никаких подлогов**, и это крайне важно! Более того, ссылка епископа Порфирия на то, что якобы **архиепископ Мисаил**, один из наместников Патриарха Иерусалимского, прямо говорил о подлоге при возжигании Благодатного огня, также носит косвенный характер! Сам епископ Пофирий с архиепископом Мисаилом не общался, а **приводил якобы сказанные им слова со слов третьего лица**! А вот русский паломник **иеромонах Мелетий** лично общался с архиепископом и слышал от него слова, прямо противоположные тому, что со ссылкой на недостоверные косвенные источники приводит епископ Порфирий!

Однако главное, на наш взгляд, заключается в том, что пишет Ю. Максимов, характеризуя саму личность епископа Пофирия (Успенского) и его, так сказать, «методологию» работы с источниками:

*«Епископ Порфирий отнюдь не является свободным от подозрений в недобросовестности, вызванной **желанием подтвердить теми или иными подогнанными историями собственные специфические гипотезы.** Он известен как человек, который **отрицал сказания о чудесном явлении Богородицы на Афоне (“Богоматерь не была на Афоне и быть там не думала”),** считая, будто афонские монахи выдумали эту историю ради того, чтобы, обманывая паломников, увеличить доходы своего монастыря. А **святителя Филарета Московско-***

***го Порфирий**, бывший тогда архимандритом**, пытался убеждать в том, что греческие новомученики являются "самозваными мучениками"** и что будто бы их специально готовят афонские монахи к мученичеству ради того, чтобы потом иметь у себя мощи. **Святитель Филарет** противостал такому взгляду и в ответ **"защищал афонцев** и их мучеников, ссылаясь на пример древних страстотерпцев, которые сами вызывались на мучения и которых Церковь вписала в лик святых исповедников**". В разговорах со святителем Филаретом отец Порфирий иногда "позволял себе в беседе употреблять резкие выражения, от которых он же и приходил в смущение". Отец Порфирий рассказывает, что при одном таком случае "владыка взглянул на меня значительно, и я прикусил свой язык... и перевел речь на другие предметы"**.

Как видим, ***епископ Порфирий был человеком весьма своеобразных представлений, относившийся с предубеждением к чудесам вообще и с большой предвзятостью к греческому благочестию, выражалось ли оно на Афоне или в Иерусалиме. Учитывая такие его взгляды, совсем не удивительно, что он повсюду собирал байки и истории, которые могли бы эти предвзятые взгляды обосновать.***

По-видимому, он сам был введен в заблуждение такими историями. Кто был в святых местах, тот знает, что ***возле них бродит немало сомнительных личностей, которые готовы рассказывать всякую чушь, лишь бы привлечь к себе внимание****. Да, впрочем,* ***такое явление, как распространяемые с большим апломбом ложные сплетни, имеет место не только в святых местах****.* ***Думается, многие читатели имели неудовольствие это явление наблюдать, а то и пострадать от него.*** (Ох уж, да! — *В.С.*)

То, ***что рассказанные епископом Порфирием истории являются ложными сплетнями****, следует из того факта, что уже в близкое к нам время кувуклия Святого*

Гроба ремонтировалась и никаких тайников за "отодвигающимися иконами" там обнаружено не было».

Не кажется ли вам, дорогой читатель, что в облике этого миссионера проступает что-то до боли знакомое нам по дням сегодняшним? Большой запас апломба, скепсис по отношению к несомненным чудесам, протестантская по духу ревизия Предания, склонность к «искреннему» передергиванию фактов и собиранию сплетен... Только, в отличие от его современных апологетов, епископ Порфирий действительно сделал немало полезного во Святой Земле, в том числе и для русских паломников. Но главная черта мышления, делавшая его и других отрицателем несомненных чудес — ***богословский рационализм,*** — не в меньшей, а в большей степени свойственна и нынешним «борцам с суевериями», или, как изволил выразиться один батюшка, «магической мутью» в православном сознании.

Характеризуя выходку диакона Кураева, Ю. Максимов, на наш взгляд, совершенно справедливо указывает:

«Здесь мы видим ***интерпретацию*** *слов патриарха,* ***осуществляющую явное насилие над самим содержанием текста****.* ***Патриарх никоим образом не отрицает чуда схождения огня, но лишь говорит о его значении****».*

Лингвистический анализ коллеги также вполне безупречен.

Не станем заниматься дальнейшим пересказом статьи талантливого молодого богослова (еще раз настоятельно отсылаем читателя к первоисточнику), а обратимся к дальнейшему изложению нашей темы, тем более что располагаем и вполне эксклюзивным материалом. Но вначале закончим с изложением самих событий. «Интерпретация» Кураевым слов Патриарха Иерусалимского вызвала вполне естественную отповедь главы Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного **В. Якунина**[3]**.** Он подчеркнул, что, согласно имеющейся записи выступления Патриарха Феофила, тот

«совершенно четко говорил о Святом огне, называл его Holy fire». Это подтверждается **опубликованной наконец записью интервью Патриарха**, предоставленной Фондом Андрея Первозванного[4]. «*Не знаю, каких терминов ожидал Кураев, но,* ***на мой взгляд, никаких оснований для толкования высказывания Иерусалимского Патриарха как высказывания, которое отрицает святость этого события, его непознаваемость, там нет****. Это есть* ***интерпретация конкретного человека»***, — подчеркнул В. Якунин. Он признал, что каждый человек обладает правом на собственное мнение, и заявил, что ему безразлично, носит ли этот человек «*костюм, рясу или сутану*». Однако при всем этом **священноначалию Русской Православной Церкви следовало бы определить, «*что и как позволительно трактовать священнослужителю, если он таковым является, а что не очень позволительно и не очень правильно»***, считает Владимир Якунин. Для госчиновника столь высокого ранга это максимально дипломатичное и политкорректное выражение крайней степени недовольства.

Через некоторое время появилась одна странная публикация, в которой подлинные слова Патриарха, совпадающие с опубликованным теперь официальным текстом полного интервью, на которое мы ссылаемся выше, перемежаются вполне благочестивыми, но, к сожалению, не совсем грамотными вставками[5]. Источник этой публикации не совсем ясен. Очевидно, что светская журналистка **«Русского репортера» Екатерина Рожаева**, не очень хорошо разбирающаяся в деталях вопроса, стала жертвой ловкой дезинформации. Патриарх очевидным образом не мог произнести некоторых приводимых в ее «интервью» фраз, поскольку они, к сожалению, изобличают невладение достаточно элементарными сведениями, касающимися как Писания и Предания, так и совершаемой ныне церемонии зажжения Благодатного огня. Кураев на своем форуме не преминул воспользоваться этим[6].

Но всех превзошел по степени наглой самоуверенности и склонности к передержкам небезызвестный К. Фролов (эпитеты пусть читатель придумает сам).

В его полной смысловых манипуляций интерпретации, оказывается, это Бычков вместе с Патриархом Феофилом кощунственно отрицают чудо схождения Благодатного огня, а честный Кураев всего лишь возмущается этим! Так прямо и пишет: «*Выставлять дьякона Андрея Кураева единомышленником патр. Феофила — сознательный подлог*»[7]. Обрушивается Фролов и на В. Якунина. *«Якунин*, — говорит он, — *обвиняет Кураева в передергивании позиции патр. Феофила, который, дескать, считает Благодатный огонь несомненным Чудом».* (Что, как очевидно всем непредвзято настроенным наблюдателям, — несомненный факт. — *В.С.*). *«Лично я*, — продолжает добровольный соработник Самого Честного Диакона, — *как нетрудно догадаться — на стороне Кураева.* ***Его мнение для меня более веско, чем мнение также уважаемого мной православного чиновника*** (и чем мнение всех предстоятелей поместных Православных Церквей вместе взятых. — *В.С.*) *Да и нет никакого «мнения» — Кураев просто приводит слова патриарха Феофила, а В.Якунин требует от Священноначалия чуть ли не санкции в отношении о. Андрея.* ***А вот это просто опасно*** *(!).* ***Миссионерское служение диакона Андрея Кураева незаменимо****. Желающих "потеснить" его "миссионерскую монополию" и на годы переселиться жить в самолет, и из года в год, объезжая город за городом с лекциями, нет. Поэтому с Кураева пылинки надо сдувать, поддерживать и поощрять, а не "останавливать" его»*[8].

Эту позицию мы знаем давно: назвался миссионером — автоматически стал неприкосновенным. А вот ***чему*** учит Кураев своих слушателей — этот вопрос даже не задается. Далее г-н Фролов начинает разбираться с Предстоятелем Иерусалимской Церкви. Оказывается, он и «антимиссионер» (ну, это традиционная мулька

церковных либералов), и, что самое интересное, — «русофоб» (первым этот ярлык стал наклеивать на Патриарха профессиональный провокатор Чапнин, ныне друг и единомышленник Фролова). Думается, прочитав подлинный текст интервью Патриарха, читатель сам может судить о вздорности этих обвинений. Патриарх говорил, во-первых, о **слабой воцерковленности многих из тех русских, которые приезжают во Святую Землю** и искренне считают себя православными (а что, разве это не так?), а также подробно рассказал о том, как Иерусалимская Церковь помогает этим людям. Он сообщил российской делегации, что **специально для этого в его Церкви есть около десяти русскоговорящих священников**. Далее Патриарх сказал о России следующее:

*«**Для меня это был великий опыт и благословение — служить в России.** У меня была возможность жить с этими людьми и быть с ними. **Русская душа — религиозная душа!** Независимо от того, во что она верит, это религиозная душа. **И это жаждущая душа, в духовном смысле.** Это душа, которая впитывает любую духовную пищу, которая доступна. И я думаю, **здесь лежит ответственность Русской Православной Церкви**, особенно ее священнослужителей. Я думаю, для Русской Церкви важно, что сейчас, когда происходит духовное возрождение, этим людям нужна духовная пища. **Духовная пища — это великое наследие Церкви.** Когда я говорю "великое наследие Церкви", я имею в виду отцов Церкви. Я думаю, в этом есть большая потребность, и должно быть проделано много работы. Но **эта работа со стороны духовных лидеров, священнослужителей и других, очень трудна, и ОНА НЕ ПРИНОСИТ ДЕНЕГ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕСТЬ ПОТРЕБНОСТЬ В ЖЕРТВЕ**. И я думаю, **уже пора бы Русской Православной Церкви вложить все ее материальные и иные ресурсы в то, чтобы продвигать, распространять и делать доступным великое духовное наследие Церкви.** То есть отцы Церкви, зна-*

ния об отцах Церкви должны стать доступны всем людям.

То, что я говорю, я не говорю только от себя и касательно своего беспокойства, ***но я говорю от лица всех русских людей — как я их видел****. Я говорю это, потому что,* ***имея доступ — я имею в виду русских людей — к православной традиции, православному богословию, православной философии, к отцам Церкви, они раскроют свою истинную идентичность. Если бы они придерживались этой духовной, культурной, как угодно назовите идентичности, проблем, которые сегодня Россия испытывает с Украиной, не было бы.*** *Это мое личное впечатление, понимание».*

В понимании окончательно потерявших всякое подобие совести «наших новых миссионеров» это называется «антимиссионерство» и «хамская русофобия». И понятно, откуда берутся эти обвинения, какова их, так сказать, тайная подоплека. Патриарх Феофил на в меру политкорректном дипломатическом языке посылает кое-кому «мессидж» (тут же названный услужливым Чапниным «русофобским»). Содержание его очень простое: «Конечно, то, что вы умеете деньги зарабатывать, — это хорошо, кто бы спорил, но вообще-то пора бы и о душе подумать. И главное — не забывайте, что основа идентичности вашего (то есть русского православного) народа — великое духовное наследие святого Православия, а не что-то иное. Так несите его народу».

На вопрос о взаимоотношениях Иерусалимской и Русской Церквей Патриарх ответил:

«Наши отношения со всеми Православными Церквами превосходны. ***И то, что мы продвигаем со дня нашего вступления в эту должность, — это единство Православной Церкви в целом. В нашем православном сознании и понимании мощь Православной Церкви и Православных Церквей не в их численности, или мышцах, или физической силе, а в Святом Духе, в нашем единстве. Единство наших Церквей — это наша сила***

и наша мощь, и через это единство мы действительно можем разрешить всякого рода семейные проблемы. *Я лично твердо верю в единство Церкви, я предан этому и работаю в этом направлении. Румыния и Молдавия — не проблема, реальная проблема — это Украина! Давайте будем честны и искренни! Потому что* ***там политика и церковные дела взаимосвязаны, переплетены****. А последствия — гораздо более далекоидущие».*

Рьяно стремясь любой ценой выполнить полученный заказ, ссылаясь на авторитетный для него «мессидж» Чапнина, Фролов пишет:

«О миссионерских успехах нынешнего Иерусалимского Патриархата ничего не известно. Известно лишь об антимиссионерских "успехах". *Совсем недавно, перед смертью, русский рок-музыкант Егор Летов хотел принять Святое Крещение в Иерусалимском Патриархате. Ему устроили "катехизацию", предложив заплатить 200 у.е. После чего Летов "в знак протеста" сам себя "крестил" в Иордане и через некоторое время умер. Боюсь, что таких Егоров Летовых, навсегда забывших дорогу в Православную Церковь после подобной встречи, немало.* ***Создается впечатление, что "работой" нынешнего Иерусалимского Патриарха Феофила является не апостольское служение, а изгнание из Церкви интересующихся Православием, особенно русских. Антимиссия****.* (Ср. приведенные выше слова самого Патриарха. — *В.С.*) *Такое впечатление усиливается после ознакомления с "катехизаторской беседой", которую устроил Патриарх Феофил 50 русским журналистам, которых Фонд Святого Андрея Первозванного привез в Святую Землю, чтобы они поняли Истину и Красоту Православия.* (Когда Фролов писал ***это***, сам текст беседы еще не был опубликован. — *В.С.*) *Организаторы и участники поездки наивно полагали, что уж кто-то, а Патриарх Иерусалимский будет их обращать в Православие, рассказывать, доказывать, объяснять, предложит креститься, исповедаться и причаститься*

у Гроба Господня. Не тут-то было... "Хамский, русофобский мессидж" Иерусалимского Патриарха Феофила произвел "огромное впечатление" на членов российской делегации.., сообщает в своем "Живом журнале" Сергей Чапнин, ответственный редактор "Церковного вестника" — официального органа Русской Православной Церкви. "Мне такого слышать от предстоятеля Церкви еще не приходилось"»[9]. Вывод понятный: *«Греки не только не справляются с православной миссией на Святой Земле, но и препятствуют ей». «Это повод* ***для православных русских*** (то есть для Кураева с Фроловым. Может, еще Малера в компанию возьмут. — *В.С.*) *взять на себя такую ответственность*». «*Мы можем прямо сказать — Феофил лжет*, — распаляется защитник «агрессивной миссии», — *и у него нет никакого "непогрешимого" статуса, пусть даже "на кафедре", который мог бы запутать дело и ввести в соблазн "младенцев в вере"».* (Под последними имеются в виду российские журналисты. — *В.С.*) И т.д. Если это не заказ, то что тогда заказ?!

Верный ученик и сотрапезник Самого Продвинутого Апологета был очень доволен собой. Но... «беда пришла откуда не ждали» — от собственных «френдов» Фролова. Эти последние указали апологету Настоящей Миссии на следующие «ляпы» в его грубо состряпанном «наезде» на Патриарха Феофила. Во-первых, **эпизод с Летовым произошел не в Иерусалимском Патриархате, а в Русской миссии в Иерусалиме (!).** (Что можно было предположить: зачем человек из России пойдет креститься в греческую Церковь?) Во-вторых, исповеди у Гроба Господня вообще не бывает, а причащают там вообще всех паломников, которые, как правило, предварительно исповедуются у своих священников, обычно входящих в состав паломнических групп. (Так было и в нашей группе, в составе которой мне довелось посетить Святую Землю.) В-третьих, Ведущий Миссионер Кураев «грубо передернул» слова Патриарха Феофила (вот

видите, собственные «френды» Фролова проявляют похвальное здравомыслие!), что даже посетители «ЖЖ» Фролова назвали «предпасхальной провокацией». В-четвертых, Патриарх Феофил и вообще Иерусалимская Церковь — как раз очень поучительной пример подлинной, неполитизированной миссии. «Френды» рассказали кураевскому соработнику о приходе отца Романа в Яффе, где происходит до трехсот крещений в год, о том, что сам Патриарх Феофил — незаурядный миссионер, который строил храм в Катаре, где до этого вообще не было православных, о том, что, вопреки обвинениям в том, что греки не желают рукополагать арабов, «первый епископ-араб в Иерусалимской Патриархии появился как раз при Феофиле». (Кстати говоря, сам Патриарх Феофил во время пресловутой беседы рассказал, что процесс вхождения местных православных палестинцев в состав клира Иерусалимской Церкви идет полным ходом.) Другие (будучи неангажированными пользователями Рунета) обратили внимание на то, что «наезд» на Феофила по сути отнюдь не миссионерский, а явно политический. Наконец, один из пользователей прямо заявил: *«Иерусалимская Церковь — последняя, которая еще не погрязла в экуменизме, на нее молиться надо. Эта Церковь действительно в полной мере исполняла и исполняет свой апостольский долг, в отличие от приведенного здесь в пример Антиохийского Патриархата, который вошел в интеркоммунион с еретиками — яковитами и мелькитами»*. Добило «миссионернутого» публициста следующее заявление одного из «френдов»: *«Теперь понятно, на чью мельницу льет воду Кураев. В отношении таких, как вы, патриарх Феофил безусловно прав»*[10]. Приводить нецензурные «комменты» мы, конечно, не будем. Как говорится, «не рой яму другому».

Однако главная беда для Кураева и его верного оруженосца пришла не от пользователей «ЖЖ». Я уже упомянул о том, что располагаю эксклюзивным материалом, и это действительно так. Дело в том, что, прежде

чем писать об этом, я, разумеется, пообщался с Кураевым, поскольку некоторые друзья говорили мне, что тот обвиняет во всем Бычкова, а сам чист как младенец. В телефонной беседе я задал Кураеву соответствующий вопрос. Поначалу он ответил именно в таком духе. Однако когда я предложил отцу диакону поучаствовать в радиопередаче, опровергающей бычковскую клевету, он отказался решительно, заявив, что хотя Бычков, конечно, скомпилировал его слова, но в целом передал их смысл вполне верно. Не веря своим ушам, я спросил: «Но о "зажигалке в кармане" Вы, конечно, не говорили?» Каково же было мое изумление, когда отец Андрей и от этих слов не отрекся, заявив, что «после общения с греками вера в чудо Благодатного огня» в нем «сильно поколебалась». Прямо по Достоевскому: «Вот вы тогда обедали, а я веру-то и потерял...» На всякий случай, слабо надеясь, что плохо понял высокомудрого диакона, я переспросил: «Так Вы не будете ничего опровергать?» «Еще чего, — был ответ, — пусть Феофил опровергает». То есть Патриарх должен еще и ответить за то, что кто-то его так грубо «интерпретировал»!! «Миссия», основанная на отрицании несомненных, величайших чудес, и «клерикализм», в качестве непременной константы включающий перманентную войну с высшим священноначалием... Причем заявлено это было буквально за два часа до того, как по молитвам Патриарха Феофила и всей Церкви вновь, по милосердию Божию, сошел Благодатный огонь!

После Пасхи я спросил одного из ответственных сотрудников Фонда святого Андрея Первозванного о всей вышеизложенной ситуации. Тот, будучи непосредственным свидетелем событий, ответил, что «*огромное впечатление на членов российской делегации*» произвел отнюдь не «хамский русофобский мессидж» Патриарха Иерусалимского, а как раз именно поведение дьякона Кураева, его хамство и грубость, в частности в отношении владыки Берлинского Марка, встреча с которым

также входила в программу поездки. Приводить эпитеты, которыми этот ответственный чиновник и крайне интеллигентный человек наградил Кураева, я здесь тоже не буду.

И в заключение — опять о «миссионерстве». Не хочется снова, в который уже раз, повторять очевидное: деньги, власть и технологии — не есть то главное, что составляет основу подлинной миссии. Думается, довольно хорошо сказал о миссии именно для русских как раз Патриарх Феофил. Основа миссии — духовная жизнь и великая духовная традиция Православия, то есть именно то, что больше всего хотят уничтожить неообновленцы. Что до Кураева... Есть люди (лично знаю таких), которые весьма уверенно характеризуют его как человека с «сожженной совестью». Но мне не хочется так думать. Ведь была же когда-то в этом человеке искренность, радость веры и жажда подвига! Была, не может быть, чтобы не было. Поэтому в последний раз хочу обратиться к нему по-человечески и по-христиански. Отец Андрей! Ваша деятельность становится уже вот именно что опасной. Ведь вы же не Фролов! Не знаю, кто у Вас духовник, но если так дальше пойдет, то можете плохо кончить. (Это не я говорю, это духовные люди говорят.) Поэтому правильнее всего (искренне, дружески советую) было бы на время прекратить Вашу бурную деятельность, эту «жизнь в самолете» (тем более что уже, считай, и не осталось епархий, где не знали бы о Вашей склонности к различным «примочкам и прибамбасам» типа «засохшего фаллоса монаха» или утверждения о допустимости для гомосексуалиста быть священником, если тот «удерживается» от сексуальных домогательств к прихожанам и к другим клирикам) и на годик-другой отправиться в какую-нибудь тихую обитель (не с лекцией, а для поправки духовного здоровья). От себя могу посоветовать Соловки. Впрочем, это дело вкуса. В Оптиной пустыни тоже неплохо.

Примечания

[1] См.: http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/04/21/society/349639/

[2] См.: http://www.pravoslavie.ru/put/080426153810

[3] См.: http://www.rusk.ru/st.php?idar=726530

[4] См.: http://testis-mutus.livejournal.com/109783.html

[5] См.: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2008/15/interview_feofil/

[6] См.: http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=144513.0

[7] См.: http://kirillfrolov.livejournal.com/301953.html

[8] См.: http://kirillfrolov.livejournal.com/303347.html

[9] См.: http://kirillfrolov.livejournal.com/299885.html

[10] См.: http://kirillfrolov.livejournal.com/299885.html

О Благодатном огне и богословском рационализме

Церковное святоотеческое Предание против новомодернистских трактовок протодиакона Андрея Кураева

Впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня...

1 Кор. 3, 15

Трепещу, приемля огнь, да не опалюся...
Огнь бо еси, недостойная попаляяй...

Из молитв ко Святому Причащению

Предисловие

Дискуссия о Благодатном огне, порожденная несдержанностью некоторых духовно нетрезвых и просто враждебных Церкви людей, помимо своей скандальной составляющей имела, по крайней мере, один позитивный результат: она побудила к богословскому осмыслению того явления, которое одни называют «чудом схож-

дения Благодатного огня», а другие (преимущественно иерусалимские греки) — явлением Святого света. В печатной и электронной православной прессе приведено уже достаточно документальных, сегодняшних и исторических, свидетельств подлинности этого чуда. Но наша тема отнюдь не историческая, а чисто богословская. Поэтому мы не считаем целесообразным дублировать работу коллег, с результатами которой читатель может ознакомиться в ряде статей[1]. Есть, однако, работы, претендующие на богословский анализ, где, наряду с вполне правильными и корректными утверждениями, делаются попытки отвести огонь критики (прошу простить за каламбур) от главного «виновника торжества» — протодиакона А.Кураева — и возводится явная клевета на русский православный народ. Имеем в виду в первую очередь статью Алексея Потемкина[2], обнародованную автором в своем «ЖЖ». Не намереваясь вступать в абсолютно непродуктивную мелочную перепалку[3] и считая чисто скандальную сторону события к настоящему моменту уже, в общем, исчерпанной, попробуем предложить свой богословский анализ проблемы, основанный на использовании аутентичных текстов Традиции.

Огонь в Священном Писании как знамение встречи Бога и человека

Для начала напомним общеизвестное: чудеса, связанные с огнем, являются в хрестоматийнейшие моменты Священной истории. Священный огонь появляется чудесным образом во время заключения завета между Богом и Авраамом (Быт. 15, 17); в несгораемом кусте в момент призвания Моисея (Исх. 3, 2); на жертвеннике в скинии во время посвящения Аарона (Лев. 9, 24); во время призвания Гедеона (Суд. 6, 21); во время суда Илии на Кармиле (3 Цар. 18, 38); в момент посвящения апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2, 3) и в ряде

других эпизодов. Каждый из них заслуживает отдельного анализа, но общее у всех заключается в том, что уже в Писании показано, что священный огонь возгорает именно там и тогда, где и когда встречаются два разноприродных мира, Бог соприкасается с человеком.

В ключевом для Ветхого Завета (ВЗ) эпизоде явления Бога Моисею под образом горящего и несгорающего куста — Купины Неопалимой (Исх. 3, 2) — именно субстанция огня скрывает для тварных очей человека (пусть и избранного) нетварную субстанцию Божества, того личного Бога, Которого ни один человек не может видеть лицом к лицу и не умереть; именно стихия огня задолго до ставшего предметом знаменитых богословских споров Фаворского света являет здесь вечную Божественную славу. Именно здесь мы впервые слышим произносимое Божественными устами подлинное имя Бога: «Аз есмь Сый» — «Я есть Сущий». В момент так называемого «суда Илии» (3 Цар. 18, 38) субстанция посылаемого от Бога священного огня, попаляющего жертвы пророка, оказывается таинственным и парадоксальным образом связанной со стихией прямо и, так сказать, традиционно противоположной, то есть **со стихией воды**. Учитывая прообразовательный характер ВЗ по отношению к Новому Завету (НЗ), ниже мы увидим, что данное обстоятельство оказывается чрезвычайно важным для нас.

Наконец, в новозаветной Пятидесятнице, венчающей центральный этап домостроительства нашего спасения — основание Церкви, дары Святого Духа посылаются апостолам в виде разделяющихся языков пламени. Кто рискнет утверждать сугубо тварный и, так сказать, «естественный» характер этого огня?

Таким образом, уже из Писания мы ясно видим, что Святой огонь, являющийся в ключевые, поворотные моменты Священной истории, есть не что иное, как совершенно особое знамение. Это есть огонь, как бы **высекаемый при встрече** двух миров, двух **онтологически**

несовместимых природ — Бога и человека, огонь, свидетельствующий о нашем обжигающем прикосновении к Божеству. Ниже мы увидим, что для НЗ это есть не что иное, как **огонь обожения.**

Образ огня в «Философии культа» отца Павла Флоренского: постановка проблемы

Эту проблему ставит, предельно заостряя ее, отец Павел Флоренский в своей эпохальной работе[4]. Понимание отца Павла Флоренского основано на той традиции Писания, которой мы уже отчасти коснулись выше. «Первое, основное и прочнейшее определение культа таково: он — выделенная из всей реальности та ее часть, где встречаются имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное» (с. 30). «В чреду впечатлений мира вклинивается неотмирное, ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее, *иное.* И вклинившись, разрывает ткань обычного, а тем и наше, приросшее к обычному сознание; проникает, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, до той спайки, где, собственно, и **соприкасается наше ноуменальное ядро с областью феноменов,** обнаружений и мирских проникновений. Проникши же — ***ожогом ожигает* наше Я: из времени мы узрели Вечность»** (с. 29). «Не в виде вторгающегося — источник страха, а в ощущении трансцендентности являющегося... Нездешнее открылось — и текучим, шатким, зыблющимся почувствовался весь мир: бывающее померкло перед истинносущим. А с бывающим померкло и само наше бытие: ***сами мы* (!) *оказались дрожащим пламенем***[5] среди ветреных пространств, на границе ничто, еле-еле не несущими. Но тогда-то мы нашли и свою вековечную опору — в Сущем от века. Последнее уничижение наше есть и величайшее возвеличение...» (с. 29). «Это окно в нашей действительности, откуда видятся миры иные.

Это брешь земного существования, откуда устремляются питающие и укрепляющие его струи из другого мира. Короче, это есть Культ» (с. 29–30).

Описывая древние культы, преимущественно культ ветхозаветный, отец Павел Флоренский подробно и весьма выразительно описывает никогда не угасавший жертвенный огонь в ветхозаветном Храме и, переходя затем уже к христианству, замечает: «Древние культы внешней стороной своей более потрясали — и **тем** отверзали, **как бы** разрывали и не вещие зеницы, к зрению Тайн. Рассчитанный на большую восприимчивость, культ христианский умеряет практическую глубину своих тайн более сдержанными и сухими формами: **если бы *огонь, клокочущий в Святой Чаше* (!), являлся в формах, равносильных формам древним, никакая плоть не выдержала бы.** Если бы свет Святых Таин воссиял, не прикрываемый видом хлеба и вина, — говорил отец Иоанн Кронштадтский, — то не стерпели бы блеска их никакие тварные очи» (с. 41). И далее автор приводит те слова из Последования ко Святому Причащению, которые мы использовали в качестве эпиграфа, где Святые Таины прямо называются огнем и отождествляются с ним: «Хотя ясти, человече, Тело Владычне, страхом приступи, да **не опалишися: огнь бо есть». «Трепещу, приемля огнь,** да **не опалюся,** яко воск и яко трава. Се приступаю к Божественному Причащению. Содетелю, **да не опалиши мя приобщением. Огнь бо еси,** недостойная попаляяй».

Заметим, что эта интуиция отца Павла Флоренского — фактическое отождествление Святых Таин и Святого огня — восходит к самым сокровенным, глубинным пластам именно православной Традиции, выраженной, в частности, в приводимых им общеизвестных молитвах (являющихся, как мы знаем, абсолютно необходимой **непосредственной подготовкой** к участию в центральном для Церкви таинстве Евхаристии), и практически стопроцентно совпадает и с сегодняшней интуицией

Иерусалимского Патриарха Феофила, также сравнившего схождение Святого огня с этим главным для православных таинством.

Итак, что мы можем вынести из этих крайне важных интуиций отца Павла Флоренского? Во-первых, Святой огонь есть то, что сопровождает **переход,** реализуемую связь между двумя **абсолютно несовместимыми мирами** — Богом и человеком, природой нетварной и тварной, миром трансцендентного и миром имманентного, здешнего, «посюстороннего» земного бытия. Этот огонь есть проявление главной антиномии, лежащей в основе религии вообще и ее наиболее зрелой формы — христианства — в особенности. Два этих мира абсолютно ***несовместимы,*** и в то же время сама суть религии заключается в установлении и осуществлении их ***связи:*** оставаясь ***здесь***, тленными и тварными, мы пытаемся каким-то образом заглянуть ***туда,*** получить сигнал **оттуда.**

По отцу Павлу Флоренскому, древние, лишенные еще той истины, что открывается зрелому человечеству в Благой Вести, обладая, однако, религиозной чуткостью, интуитивно чувствовали онтологическую пропасть между Богом и человеком, Творцом и тварью, которую и пытались заполнить жертвоприношениями. Огонь, попаляющий жертву, как бы **связывал несовместимое**, был пока еще плохо осознанным посланием от человека к Богу. Более того. По мысли отца Павла, столкновение человека с явлением иного мира при должной религиозной чуткости и открытости души и самого человека как бы превращало и превращает в пламя, рождая в таких натурах тот самый *страх Божий,* который, по слову Писания, есть *начало премудрости* (Притч. 1, 7). Глубоко не случайно хрестоматийное выражение «огонь веры». Пламень древних культов есть **огонь жертвы** человека Богу, абсолютно неизбежной в силу трагической ситуации нашего греховного, падшего бытия (ср., например, готовность Авраама принести

своего сына Исаака в качестве жертвы всесожжения — Быт. 22, 1–10), и насколько же превосходнее «Огонь, клокочущий в Святой Чаше», нежели «дрожащий пламень» приносимого в жертву тварного бытия! Здесь уже Сам Бог приносит Себя в жертву, и Святой огонь, возгорающий от этого «всесожжения», попаляет наше греховное, тварное естество, заставляет трепетать человека, приемлющего внутрь себя эту страшную, обжигающую субстанцию Божественного пламени.

В связи с этим **чисто религиозным** восприятием Евхаристии (а забыть о нем совсем мы просто не можем, ибо все читаем молитвы, положенные перед Причастием) несколько по-иному видится развернутая в последнее время церковными либералами довольно нелепая дискуссия о «частоте причащений». Да причащайся хоть каждый день, если в состоянии постоянно жить в таком религиозном напряжении! Евхаристия — это жертва. Можешь ли ты всю свою жизнь, каждую ее минуту воспринять как культ, как служение Богу, по образу святых? В идеале так и должно быть, но в реальности-то это не так! Идея сверхчастых причащений связана не с углублением духовной жизни (что было бы прекрасно), но с ее профанацией (как и самого таинства). Не случайно исповедь (то есть **хоть какое-то** сознательное размышление о своем греховном недостоинстве: «суд себе ям и пию»), а также посты и молитвы, необходимые перед Причастием, они хотят по возможности сократить, а то и ликвидировать совсем. Дабы ничто не напоминало человеку, с какой страшной, судящей нас реальностью соприкасаемся мы, приступая к Святой Чаше!

Святой огонь как огонь обожения. Данные богослужебных и святоотеческих текстов

Выше мы вкратце показали, что в традиции ВЗ Святой огонь возгорает там, где встречается несовместимое, абсолютно разноприродное — Бог и человек; одна-

ко в христианстве, как мы знаем, они не просто встречаются, но именно **соединяются** особым образом, описанным в Халкидонском догмате. В образно-символическом описании этого соединения Традиция снова указывает на огонь. Помимо приведенных выше молитв ко Святому Причащению, где с огнем сравниваются (точнее, прямо отождествляются!) Святые Таины, можно указать на такой пример, как ***«Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Неопалимая Купина».*** Логика этого акафиста проста: поскольку Божия Матерь, в отличие от всех других людей, сподобилась принять в себя Духа Святого — Который здесь прямо поименован как «Огнь Божества» (икос 1), — и не опалилась, осталась жива, то, родив Сына Божия, Она обрела особую власть укрощать тварное, вещественное пламя. «Видим икону Твою, Владычице, яко воистину **купину неопалимую, во огни несгорающую,** и присутствием Своим жилища человеческая в пламени несгораемыми соделывающую: Тебе бо дадеся **благодать свыше,** силу **естества огненнаго укрощати, Огнь Божества** во чреве Твоем **неопально вместившей»** (икос 5).

В этом акафисте Церковь свидетельствует о Божией Матери как о Той, которая первая среди тварных и грешных людей, вместив в Себя, в Свое чрево **благодать Святого Духа,** ***то есть*** **«Огнь Божества»,** сумела кардинально изменить свою природу; последняя приобрела поистине парадоксальные свойства, прообразовательно явленные Моисею в неопалимой купине. Приснодева **горит и не сгорает,** вечно молясь «у Престола Господня» за весь мир, и этим горением-молением **воспламеняет** к молитве и наши **«хладные сердца»,** одновременно **«прохлаждая» «зной»** (то есть жгущий, иссушающий безблагодатный пламень) наших страстей: «Радуйся, **свеще неугасимая** (!), в молитвах своих у Престола Господня **присногорящая;** Радуйся, **огнем любве Божия** и наша хладная сердца **воспламеняющая;** Радуйся, сению молитв Твоих **зной страстей наших прохлаждающая»** (там

же). Итак, по представлению Церкви, Божия Матерь есть **неугасимая и несгорающая свеча, вечно горящая огнем молитвы,** то есть устремления тварного человека к соединению с нетварным Богом (и это при том, что Она, не имея личных грехов, уже приняла Бога в Себя и ныне пребывает рядом с Престолом Господним); в то же время Она есть Божественный источник, от которого мы можем **испить воду жизни:** «Радуйся, Божественный Источниче, воду жизни источивый, от негоже пиющии ктому не умирают» (икос 8).

Таким образом, в этом акафисте Церковь свидетельствует о том, что в Божией Матери, как и в ветхозаветном эпизоде «суда Илии», взаимоисключающие стихии воды и огня становятся близкими и дружескими, чудесным образом дополняя друг друга. По отношению к человеку обе они, пребывая в единстве, обладают спасительной и очищающей, «живопитательной» чудесной силой.

Обратимся теперь к наследию отцов. Здесь следует сразу оговорить, что нас будут интересовать тексты не собственно догматическо-богословские (никакого догматического учения о Святом огне в Православной Церкви не существует), но именно аскетические, описывающие **опыт духовной жизни** подвижников. Ведь догматика есть плод попыток Церкви выразить в дискурсивной форме свой духовный опыт, который для живущего в правильном духовном устроении, правильном богообщении понятен и так, без всякого дискурса.

Учение отцов о молитве, о правильном духовном восхождении человека к Богу дает богатейший и интереснейший материал, касающийся именно Святого огня.

В V томе «Добротолюбия» находим рассказ о диалоге **преподобного Григория Синаита**, одного из наиболее выдающихся подвижников поздневизантийского исихазма, со своим духовным наставником — **преподобным Максимом Капсокаливитом**. Учитывая, что выше мы привели ссылки, связанные с одной из древнейших

богородичных икон, уместно будет начать с рассказа преподобного Максима, также касающегося иконы Божией Матери. «От юности моей, — говорит святой подвижник, — имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее **со слезами,** да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с **безмерною теплотою сердца** и, когда потом с любовию целовал святую икону Ея, **вдруг ощутил в груди моей и** в **сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало и вносило в душу мою великое умиление.** С этого момента, отче мой, сердце мое начало из-внутрь себя говорить молитву... и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем»[6].

Итак, в духовном опыте исихастов Святой огонь является **даром Божиим человеку, орошая и услаждая душу неземной радостью** о Господе, внося в нее **мир и умиление.** Но это дар не всякому человеку, а лишь **человеку молящемуся,** устремленному к Богу всем своим существом. Источник Святого огня двояк и в то же время един. Это **Сам Бог в Его нисхождении, обращенности к человеку, благодать Божия;** и в то **же время** это **сердце подвижника** со сведенным в него умом, в котором отсечены все земные помыслы и есть лишь **сосредоточенность на Боге.** Одним словом, ***Святой огонь есть плод истинной молитвы, как она понимается и практикуется исихастами.***

Сравним с рассказом преподобного Максима (к которому мы еще вернемся) рассказ одного современного подвижника, **пономаря Александра Семенова**, несущего послушание при Гробе Господнем. «**Еще не увидев Благодатного огня, — говорит он, — я почувствовал его схождение в свое сердце.** Это невозможно объяснить. И потом я это всегда наблюдал: огонь зримо мы еще не видим, но он уже сошел. За несколько секунд... до того, как его можно увидеть зримо, он уже есть в сердце»[7].

Это **опытное знание,** известное православным подвижникам с древнейших времен. Уже упоминавшийся нами преподобный Максим Капсокаливит так свидетельствует о плодах истинной молитвы, над которой не властно время: «Когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум весь тогда овладевается благодатию Святаго Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хощет Дух Святый, туда и ведет его...»[8] «И чтобы тебе понять, как ум наш видит их (то есть высшие и сокровенные Тайны Божии. — *В.С.*), вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно его взять и держать; но, **как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаявает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом (!), и таким образом кончается весь среди огня.** Так и ум человеческий, когда один сам в себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, — **когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским,** и **бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божественных помышлениях,** и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет»[9]. «**Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом,** и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким, и обильно источает плоды Духа Святого — радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение и проч. (Гал. 5, 22), и душа его восприемлет неизреченное веселие»[10].

В приведенных отрывках святой Максим говорит о Благодатном огне, этом плоде истинной молитвы, как **одновременно и Божественном и человеческом по происхождению.** Благодатный огонь есть «огонь Божества, Духа Святого», и в то же время огонь сердца чело-

века, огонь веры. Ум «возгорается в пламени Святого Духа, овладеваясь огнем Божественным». «Воск» сердца и «Божественный пламень» в этом случае суть не две «субстанции», но одна; совершенно понятно, что здесь святой подвижник свидетельствует о многовековом опыте той истины, которая вскоре была догматически сформулирована Церковью на «паламитских» соборах, — то есть об опыте не природного (невозможного по определению), но **энергийного соединения, слияния человека** и **Бога.**

В этом свидетельстве о Святом огне и о духовных плодах правильной духовной жизни, «правильного» стяжания благодати преподобный является одним из непосредственных предшественников великого вождя исихастского движения, увенчавшего здание нашей святой и спасительной веры своим учением о нетварных Божественных энергиях, **святителя Григория Паламы**, который говорит: «Столп истины, Василий Каппадокийский пишет, что "человеческое знание достигается трудами и упражнением, а знание, идущее от Божией благодати, — праведностью и умилением; и первое знание могут приобрести даже люди, погруженные в страсти, тогда как второе доступно только бесстрастным, которые **во время молитвы видят, как их озаряет собственное сияние их ума**". Ты понял, брат, что **избавившийся от страстей ум видит при молитве самого себя как бы светом и Божиим светом озаряется?»**[11]

Итак, отцы учат о Святом огне как порождении той **сердечной теплоты,** которая рождается в человеке от правильного духовного устроения, правильной молитвы, устремления души к Богу. Этот огонь обожения возгорается в сердце человека как **итог покаяния** и невозможен без покаянного плача о своих грехах; горестное оплакивание грехов, разделяющих, разъединяющих человека с Богом, претворяется в плач радости оттого, что грехи прощены и единство с Богом восстановлено. «Радостотворному плачу» посвящены мно-

гие хрестоматийные страницы аскетической литературы, самые известные из которых находим в Иоанновой «Лествице»[12]. Опытное аскетическое знание, добытое отцами в неимоверных трудах, заключается в том, что, вопреки падшему естеству, «естественным» законам падшей греховной природы, по которым тварный вещественный пламень угашается водой, слезы покаяния есть абсолютно необходимый «горючий материал» для Благодатного огня обожения. Если вспомнить здесь то, что говорилось у нас вначале о прообразовательном значении некоторых эпизодов ВЗ, имеющих отношение к нашей теме, то можно будет сказать следующее. Подобно тому как пророк Илия поливает свои жертвы водой непосредственно перед тем, как исшедший с неба огонь пожирает их, так и Святой огонь благодати Божией, благодати Святого Духа нисходит на сердце подвижника, орошенное, «увлажненное» слезами покаяния.

Именно покаянный плач — критерий «истинности» Святого огня, знаменующего восстановленное единство человека и Бога, именно он предохраняет подвижника от прелести. Об этом прямо говорит ученик преподобного Максима преподобный Григорий Синаит, сыгравший, пожалуй, ключевую роль в духовном становлении поздневизантийского исихазма. «Действие благодати есть **сила огня Духа,** которая в радости и веселии сердца движет, укрепляет, согревает и очищает душу, прекращает как бы на час помыслы и временно умерщвляет телесное движение... Действие прелести есть **воспламенение греха,** разгорячающее душу в услаждении, пробуждающее бешеное страстное влечение к плотскому сожительству в телесном движении...»[13]

«Хранение в молитве и плача является величайшим оружием против того, чтобы от радости молитвы не впасть в самомнение, но, избрав себе [в удел] утешительную печаль, соблюсти себя невредимым... **Свободная от прелести [Иисусова] молитва, ввергающая на землю нашего сердца огонь, сопровождается теплотой,**

пожигающей страсти, как тернии, и образующей в душе тишину и радость. Теплота приходит не с правой или левой стороны, не свыше, но **в сердце струится наподобие источника воды от животворящего** Духа»[14].

Точно так же рассуждает о цели христианской жизни — обожении — другой великий святой, живший на несколько веков ранее преподобных Григория и Максима, — **преподобный Симеон Новый Богослов**. «Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет, в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума, и бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого, жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силы быть в себе. Но, **будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут,** и он, будучи омываем излиянием их, **еще блистательнее сияет»**[15]. Подчеркнем еще раз: покаянный плач, «влага слез», согласно отцам, — абсолютно необходимый «горючий материал» для пламени веры, и только поливаемое покаянными слезами, это пламя способно просветлять человека, делать его боговидным и богоподобным, сильнее проявлять в нем образ Божий[16]. «Когда же, весь разжегшись, станет он как свет, — продолжает преподобный Симеон, — тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): Бог с богами соединяем и ими познаваем (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими)»[17]. Итак, делает вывод преподобный Симеон, «плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими, и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, **согревает, воспламеняет сердце** и возбуждает в нем любовь и вожделение к Богу»[18].

Главная ошибка богословствующих рационалистов. Историческая аналогия

Мы вполне могли бы приводить и другие, весьма многочисленные и красноречивые данные богослужебных и аскетических текстов, касающиеся Святого огня, однако думается, что вполне можно уже перейти к собственно богословскому анализу.

Проблема, проявившаяся в результате высказывания протодиакона А.Кураева и последующей дискуссии о Благодатном огне, отнюдь не нова. Она выражает то главное, что, зарождаясь в самой Церкви, в умах и душах людей, ее чад, становится затем главным препятствием на пути ко спасению, главным двигателем апостасии. Это ***богословский рационализм,*** истоки коего, в свою очередь, кроются в практическом **отрыве от духовного опыта отцов,** аутентичного опыта Традиции. Вдумчивым историком подобного рода эпизоды сразу опознаются как типичное «дежавю», которыми полна история Церкви.

Те «богословы», которые пытаются ныне богословски «обосновать» кураевский пассаж, произнося на первый взгляд правильные и безупречные слова, в действительности совершают такую же подмену проблемы и подмену понятий, какую совершали в свое время **варлаамиты.** В контексте чисто рационалистической логики те и другие абсолютно безупречны и неопровержимы. Варлаам спрашивал: Фаворский свет тварен или нетварен? Если он тварен, то что есть обожение, в чем оно? Если нетварен, то как ученики могли видеть его тварными очами? Ведь нетварного Бога видеть нельзя! В ответ на учение Паламы об энергиях варлаамиты вопрошали: энергии суть следствие или причина Бога? Отличаясь от Божественной Сущности, они очевидным образом не могут быть ее причиной, поскольку нетварный Бог есть Сам Себе причина; до Бога и кроме Него вообще

ничего не существует, иначе какой же это абсолют? В этом случае нетварные энергии суть то же самое, что и Сама Сущность Божия, и никак от нее неотличимы. Если же они есть следствие Божественной причины, то они не менее очевидным образом тварны, ибо у Бога есть только одно «следствие» — творение. И т.д. и т.п.

Очень похожим образом рассуждают и современные «критики» Благодатного огня[19]. Если речь идет о каком-то особом **схождении благодати,** пусть даже и под видом огня, говорят они (за многие столетия терминологию усвоили), то как же нетварная благодать может преобразоваться, трансформироваться во вполне тварную субстанцию самого обычного, вещественного пламени? Ведь **трансформация природ,** как и некое **пантеистическое слияние** человека с «субстанцией» Божества, по нашей вере, невозможна? Так что благодать благодатью (Кураев-то уж, во всяком случае, по крайней мере на словах, благодати не отрицает), а где-то, на каком-то этапе непременно должна быть «зажигалка»... При этом доморощенные остроумцы, очень гордящиеся тем, что Господь сподобил их пройти семинарский курс богословия, оглупляют своих оппонентов, превращая их в каких-то огнепоклонников, выдумывая какое-то «знамение самовозгорания», про которое никто из нас никогда ничего не говорил...

Что было делать исихастам во главе со своим вождем, святителем Григорием Паламой, перед лицом ереси, в очередной раз ополчившейся на Церковь, перед лицом богословствующих рационалистов? То же, что всегда делала Церковь в подобных случаях: перевести **опытную истину,** опытное знание об обожении, добытое трудами подвижников, на язык богословского **дискурса.** Ведь паламизм — это не космологическая теория об устройстве мира, но «диалектика» подвига, диалектика духовной жизни, изложенная в терминах, понятных для «внешних». Все богословие Паламы есть венец святоотеческого аскетического, молитвенного опыта; это

не «учение о Боге и человеке», но **богословие обожения.** «Когда душа неистовствует и как бы сотрясается неудержимой любовью к единому Желанному, — говорит святитель, — вместе с ней волнуется и сердце, духовной пляской выдавая общение с благодатью и словно порываясь отсюда к обетованной телесной встрече с Господом на облаках (Мф. 24, 30; Мк. 13, 26; Лк. 21, 27; 1 Фес. 4, 17). Так в напряженной молитве, когда **разгорается нечувственный огонь, зажигается умопостигаемая лампада и томление ума вспыхивает воздушным пламенем** духовного виденья, тело тоже странно легчает и разогревается до того, что, по слову изобразителя духовных восхождений (то есть преподобного Иоанна Лествичника. — *В.С.*), при взгляде на него **кажется словно вышедшим из жара чувственной печи**»[20]. «Как телесное чувство воспримет свет нечувственный в собственном смысле слова? — отвечает святитель на вопрошания своих противников. — Через ту **всемогущую силу духа,** посредством которого избранные апостолы увидели его на Фаворе, когда **он просиял не только от плоти, несущей в себе Сына, но и от облака, несущего в себе Отца Христова**»[21]. Ибо и «душа, по святому Максиму, через причастие Божией благодати сама делается Богом»[22].

Чисто субстанциальному (или «эссенциальному», по С.С. Хоружему) пониманию нетварного Бога и тварного человека, а также вполне иллюзорной и чисто умозрительной в рационалистической логике связи между ними паламиты противопоставили свое учение об энергиях. Характеризуя собственно православное, «византийское» богомыслие, богомыслие Дионисия Ареопагита, святого Максима Исповедника и др., логическим завершением коего является паламизм, В.Н. Лосский пишет, что оно «предполагает различение между непознаваемой «усией»[23] и ее проявлениями (динамическими свойствами, или энергиями), различение, которое вместо того, чтобы ограничивать мистический взлет, ставя человеческую личность перед накрепко запертыми

вратами, напротив, распахивает перед ней бесконечный путь — за гранью познания»[24]. Нетварные Божественные энергии, сообщаемые человеку от абсолютно трансцендентного и непознаваемого Бога, «познаваемые» им в духовном опыте, суть тот же самый Бог, та же нетварная Божественная субстанция, но данная в аспекте своего действия, своей **проявленности,** своего **волевого устремления** к «иному», то есть к тварному миру, творению и его «венцу» — человеку. Бог не просто существует Сам в Себе, в своей нетварности, в своей самодостаточной замкнутости, но устремлен к творению в волевом хотении спасти его от плена греха и смерти, соединить с Собой, обожить. В свою очередь, и человек, подобно Богу, не замкнут в своей тварности, но устремлен к Творцу своей волей к спасению. Соединение несовместимых и несоединимых природ в личности Богочеловека — Христа реализуется в духовной жизни человека, или, что то же самое, в **обожении по благодати, или энергии.** Нетварный Бог вполне реально сообщается тварному человеку через духовно-энергийное соединение.

Вся хрестоматия аскетики, начальные этапы аскетического «умного художества» — борьба со страстями, послушание, отсечение помыслов, духовное восстание после непрестанных падений, покаянный плач и т.д., в общем виде обозначаемая как «невидимая брань», — суть лишь подготовка личности к тому духовному состоянию, когда тварная энергия человека обретает способность соединиться с нетварной энергией Бога. Более высокий уровень этой подготовки, как мы знаем, обозначается в аскетике как **«сведение ума** в сердце». Это средство преодоления обычной рассеянности ума, «путь организации всех энергий не просто в единство (в некое единство их организует и страсть), но в единство, пригодное для соединения с Божией энергией»[25]. «Таковою работою создается новый тип энергийного образа, в котором энергии умственные и душевные об-

разуют единую структуру, "сочетание ума с сердцем", "умо-сердце". Эта энергийная структура — порождение подвига и один из его центральных элементов, несущих опор»[26].

Резюмируя суть и подчеркивая значение паламитского учения об энергиях, современный исследователь указывает на ту реальность обожения, которая в главном, существенном расходится с представлениями богословствующих рационалистов, полагающих благодать чем-то сугубо внешним для «тварной природы» человека. «***Православие полагает стяжание благодати актуальным соединением тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии***... Синергия, соработничество Божественной и человеческой энергии — ключевой элемент всей икономии богообщения... "Христианская жизнь — это согласие двух воль: Божественной и человеческой", — говорят Софроний и Силуан... Соединение двух энергий означает их встречу и **требует существования "места встречи";** оно не может совершиться, если нет **какой-то общей арены, какого-то пространства, измерения, в котором действуют обе**. Бытие не доставляет такого общего измерения: **между Богом и человеком, тварью — онтологический разрыв. Но Бог и человек встречаются в сфере личности,** или же "личностного бытия-общения"; у них нет общего рода, общей области бытия, и, однако, между ними происходит личное общение... Синергия возможна исключительно в сфере "личностного бытия-общения" и должна рассматриваться как одна из категорий этой особой сферы». В этой особой личностной сфере энергийного соединения человека и Бога Божественной и человеческой энергии принадлежит различная роль. «Когда соединение сформировалось, деятельным началом в нем является только энергия Божественная, благодать»[27]. Однако «человеческой энергии должен принадлежать исходный импульс, начальное обращение и устремление к бла-

годати: только оно может послужить завязкой процесса»[28].

Более подробное изложение всей этой диалектики обожения не входит в нашу задачу[29]. Напомним лишь общеизвестное. А именно: подробный анализ святоотеческого учения об энергийном соединении человека и Бога, ставший к настоящему времени уже хрестоматийным, представлен у целого ряда православных богословов XX века, полнее и глубже всего — у В.Н. Лосского.

Если вернуться к феномену Святого огня и проблеме его богословской интерпретации, то следует, во-первых, резюмировать, что все многочисленные высказывания отцов на эту тему, а также то, что представлено в богослужебных текстах нашей Церкви касательно Святого огня, очевидным образом невозможно воспринимать лишь в качестве какой-то художественной образности, пусть даже и символической, какой-то фигуры речи. Здесь мы имеем дело с описанием **совершенно особой реальности — *реальности обожения,* личной встречи и энергийного соединения человека и Бога.** Святой огонь, началом коего является особая *сердечная* ***молитвенная теплота,*** возникающая лишь в сердце, орошенном **«радостотворным» покаянным плачем** и, в силу этого, **свободном от прелести, —** этот огонь на начальном этапе молитвенного подвига есть **внутреннее порождение молящегося сердца;** и в то же время он, как видимая, осязаемая, воспринимаемая преображенными чувствами форма благодати, исходит извне, есть **дар Божий.**

Вывод. Природа Святого огня не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна

В чуде Благодатного огня нет «превращения» нетварной Божественной природы (или субстанции) в тварную и земную. (Такое понимание, игнорирующее онтологическую пропасть между Творцом и тварью, было бы, в свете православного вероучения, нечестием

и ересью, впадением в пантеизм.) Здесь есть, напротив, соединение двух энергий: энергии божественного нисхождения не просто к миру, но именно к Церкви, как общине верных, и энергии волевого устремления веры, устремления к Богу молящихся, собирающихся вокруг Святого Гроба**. «Природа» Святого огня, обладающего чудесными свойствами, сходящего вначале в сердца молящихся, не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна**. Верующие говорят о Святом огне: «пью благодать», «умываюсь благодатью» и т.п. Этот странный летучий огонь обладает, оказывается, свойствами воды! В этом своем ежегодном опыте они полностью совпадают с опытом великих подвижников прошлых веков, чьи весьма многочисленные свидетельства (отчасти приведенные у нас выше) сближают (и порой вплоть до отождествления) Святой огонь и «воду живую» Божией благодати. Вещественный огонь светильников, возгорающий затем от этого Благодатного огня веры, огня, «высекаемого» столкновением, встречей двух энергий — Бога и собравшихся людей, — есть знамение и символ, напоминание об этом благодатном соединении, но вопрос о нем в свете вышесказанного вообще вторичен. Однако если уж говорить об этом вещественном огне, то **именно в нем вполне уместно видеть символический смысл** (напоминание о чуде обожения), почему этот огонь и пользуется таким почитанием молящихся (подобно, скажем, **иконе — образу, возводящему к первообразу).**

Главное здесь заключается в том, что сама постановка вопроса о «превращении» природы Божественной в тварную (прямо ведущая к выводу, что поскольку это невозможно, то никакого Благодатного огня вообще не существует, а есть лишь зажигаемое обычным способом пламя светильников) некорректна и неправомочна. Благодатный огонь есть **энергийное** соединение двух воль, а не «природа», или «субстанция».

Вполне понятно, почему данное явление имеет место именно в Храме Воскресения, где объединены Голгофа и Гроб Господень, **непосредственно из которого** воскрес Христос, ибо крестная жертва Его есть залог нашего спасения, так сказать, предпосылка обожения; без крестной жертвы и Воскресения Христа стяжание Святого Духа невозможно. (*Духа Утешителя пошлю вам от Отца* — Ин. 15, 26.)

Схождение Святого огня — не просто какое-то «частное» чудо, подобное мироточению икон, чудесным исцелениям и т.п. Это **феномен, относящийся к *самой сердцевине* именно духовной традиции Православия, «естественное», с точки зрения законов аскетики и вообще духовной жизни, явление, зримо знаменующее *плоды обожения,* личностного соединения во взаимном волевом (энергийном) устремлении человека и Бога.**

Здесь нас обязательно спросят: пусть так, пусть Святой огонь — особая реальность, а не символический образ, и говорится о нем во множестве аутентичных текстов Традиции, а не только лишь в свидетельствах, связанных с чудом, которое ежегодно бывает у Гроба Господня. Но ведь то, о чем говорится в приведенных Вами текстах, относится к высочайшим ступеням аскетическо-молитвенного подвига; неужели Вы готовы утверждать, что этих ступеней, которых редко достигают и незаурядные подвижники, достигла вся эта масса паломников, всех этих... *«теток»* (особенно из России)[30], которая ежегодно собирается у Святого Гроба?[31] На это легко ответить.

Первое. Кем заранее (и доказательно) определено, что наш русский православный народ непременно глуп, невежествен и суеверен? Кем решено и подписано, что те паломники, которые тратят свое время и деньги не для каких-то удовольствий и развлечений, а только лишь для того, чтобы увидеть великое чудо, суть ограниченные и суеверные, неразвитые искатели не благодати,

а непременно лишь каких-то внешних знамений? Последнее — типичный и очень распространенный либеральный миф, плод гордыни кичащейся своим высокоумием самопровозглашенной образованческой «церковной элиты»[32].

Второе и самое главное. Благодатный огонь есть **ответ Бога на молитву, во-первых, Иерусалимского Патриарха, а во-вторых, всей Церкви, со всем сонмом ее часто безвестных и не мелькающих «в телевизоре» подвижников**, которая в этот момент умом и сердцем возносится к воскресающему Христу. Почему Благодатный огонь возгорает именно на Святом Гробе — вполне понятно, и об этом говорилось у нас выше.

Что же до богословского рационализма, этого верного спутника апостасии... Я построил эту свою работу вполне «традиционно», то есть так, чтобы мой личный и, быть может, в чем-то пристрастный голос был слышен как можно тише. Пусть говорит сама Традиция — Писание и Предание, пусть говорят отцы — те, на кого уж точно все мы должны смотреть снизу вверх, даже если кто-то из нас и занимает профессорские должности, не имея, впрочем, не то что докторской, но даже и магистерской степени. И, думается, вполне уместно будет завершить ее высказыванием нашего великого духовного писателя (не бывшего, правда, никаким профессором) — **святителя Игнатия (Брянчанинова**), явно не без оснований люто ненавидимого многими из «либеральных христиан».

«Особенное внимание должно обратить на действие в нас **тщеславия**, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять. Тщеславие почти всегда действует вместе с утонченным сладострастием и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-

помалу приходит в состояние самообольщения, признавая самообольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела, постоянно принимающего вид Ангела светлого, — делается орудием, апостолом отверженных духов. **Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением.** Это мнимодуховное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченным тщеславием, высокоумием и сладострастием. **Не наслаждение — удел грешника: удел его — плач и покаяние. Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу и тело...** Потому-то святыми отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвою и желающим преуспеть в ней, святое покаяние, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную. Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается **действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти.** Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с посторонней плотью и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устроение души и тела; тщеславие ведет к **противозаконному приобщению славе человеческой** и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь, — этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелым и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия»[33].

Нам представляется, что высказывание это много дает для понимания духовных истоков того вклада в апостасию, который вносится порой популярными авторами толстых и тощих книг.

Примечания

[1] См., например: *Авраам (Рейдман)*, схиигумен. О чудесах по расписанию // Церковный вестник. 2008. №9 (382). Май (http://www.tserkov.info/numbers/shrines/?ID=2562); *Иов (Гумеров)*, иеромонах. Благодатный огонь: величие чуда и бессилие скептиков» // http://www.pravoslavie.ru/put/080617115112; *Максимов Ю.* В защиту Благодатного огня // http://www.pravoslavie.ru/put/080426153810

[2] *Потемкин А.* Конфликт интерпретаций: чудо Благодатного огня или «знамение самовозгорания» // http://alex-potemkin75.livejournal.com/

[3] Считаем своим долгом лишь заметить, что никто из православных паломников, свидетелей чуда, и богословов, его защитников, никогда не употреблял термина «знамение самовозгорания». Этот термин изобретен как раз богословствующими либералами, отрицающими чудо, которые, по своему обыкновению, успешно борются с созданным ими самими образом врага.

[4] *Флоренский Павел, священник.* Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

[5] Здесь и далее в тексте цитат знаки препинания — по оригиналу, курсив и другие выделения мои. — *В.С.*

[6] Добротолюбие. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 473.

[7] См.: http://www.pravoslavie.ru/guest/080426144024

[8] Добротолюбие. Т. 5. С. 474.

[9] Там же. С. 475.

[10] Там же. С. 476.

[11] *Св. Григорий Палама.* Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 66–67.

[12] См.: *Преподобного отца нашего Иоанна*, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 76–87 и др.

[13] *Преподобный Григорий Синаит.* Творения / Пер. en. Вениамина (Милова). М.: Новоспасский монастырь, 1999. С. 92–93.

[14] Там же. С. 128.

[15] Добротолюбие. Т. 5. С. 25.

[16] В связи с этой неразрывной связью Святого огня и плача, «влаги» покаянных слез (знанием, постигнутым отцами опытным духовным путем), небезынтересно следующее наблюдение. Некоторые свидетели, рассказывающие о схождении Благодатного огня у Гроба Господня, говорят о том, что изначально на камне Св. Гроба появляются как бы некие *капли росы.* — Еще одно крайне инте-

ресное опытное свидетельство чудесного соработничества в данном явлении двух, казалось бы, враждебных стихий.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 27.

[19] Мы полагаем, что всерьез можно говорить лишь о критиках, так сказать, «искренних», внутрицерковных. Люди, подобные С. Бычкову или А. Солдатову, нас принципиально не интересуют.

[20] *Св. Григорий Палама.* Указ. соч. С. 94.

[21] Там же. С. 99.

[22] Там же.

[23] **Усия** — богословский термин, активно используемый, в частности, В.Н. Лосским. Обозначает непознаваемую и несообщаемую человеку сокровенную природу, или «сущность» Бога (в отличие от сообщаемых человеку божественных энергий, которые, будучи также нетварными, тем не менее, по учению Православной Церкви, могут сообщаться человеку, соединяться с его тварными энергиями). Православная Церковь, таким образом, учит об обожении по благодати, по энергии, а не по природе. Именно это строго православное святоотеческое учение лежит в основе нашей концепции, в которой сделана попытка богословски объяснить природу Благодатного огня.

[24] *Лосский В.Н.* Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1995. С. 96.

[25] *Хоружий С.С.* К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. С. 106.

[26] Там же. С. 108.

[27] Ср. приведенные выше свидетельства отцов об их опыте богообщения.

[28] Там же. С.127–129.

[29] Отчасти мы заняты этим в работе: **Христианская цивилизация: новый перелом?** Ч. 3 (см.: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/923.htm)

[30] В последнее время в либерально-неообновленческих кругах наших «просвещенных христиан» для обозначения основной массы «непросвещенных» православных утвердилось странноватое для русского уха презрительное словечко «фофудья».

[31] Тот же Кураев недавно вполне подобострастно, с истинно «миссионерским» смирением, выслушивал резкие нападки двух гламурно-политизированных дам с НТВ — Т.Толстой и А.Смирновой. В программе «Школа злословия» они так прямо и пеняли ему: «Почему мы (то есть «просвещенные православные») должны терпеть **в этой Церкви** (прямо как «эта страна»!.. — *ВС.*) всех этих ваших... теток?!»

[32] Один из идеологов этого движения игумен Петр (Мещеринов), очень относительный, прямо скажем, богослов, недавно так прямо и заявил: **«Диомидовщина — мировоззрение не кучки маргиналов, а большей части наших православных»** (см.:http://www.russia.ru/geroi/peresedov/?507). Значит, вывод — **сменить народ?** Кто же тогда является выразителем церковной полноты? Ведь без того, что в богословии называется «рецепцией» (то есть одобрительного восприятия того или иного решения церковной власти всей церковной полнотой), оно, в строго православной логике, и не может считаться истинным! Наверно, церковная полнота для неообновленцев — это сам Мещеринов с кучкой своих диссидентствующих единомышленников... Плохому танцору известно что мешает, а реформаторам — всегда народ...

[33] Соч. *еп. Игнатия (Брянчанинова*). СПб., 1905. Т. 2. С. 214–216.

Тупик либерального христианства

О неообновленческой экклезиологии священника Георгия Кочеткова

Давно замечено, что, пытаясь не просто противостоять всеобщей секуляризации, дехристианизации жизни (к чему неустанно призывает нас наш Предстоятель — Патриарх Кирилл), но, по возможности, завоевывать в ней для себя новые пространства, Церковь воинствующая неизбежно сталкивается с обратным влиянием внешнего мира. «Мир» стремится проникнуть через церковную ограду, пытаясь разрушить церковный организм изнутри. Поэтому прямое или косвенное столкновение, конфронтация с «миром» для Церкви неизбежны. Парадокс нашей нынешней церковной ситуации состоит в том, что вытекающую из самой природы Церкви необходимость распространять слово Божие, христианизировать и воцерковлять все сферы жизни некоторые «ревностные не по разуму» «миссионеры» принимают за неизбежность компромисса, приспособления к «миру», к «духу века сего». Неизбежное для Церкви бытие-в-истории некоторые церковные и околоцерковные деятели лишают самого главного компонента, отличающего Церковь, как учреждение богочеловеческое, от любой чисто человеческой земной организации, — эсхатологи-

ческого измерения, стремления выйти за ее, истории, пределы.

Из среды либерально настроенных, или, как они себя сами часто именуют, «открытых» христиан все громче раздаются призывы не просто к разумно понятому экуменизму как богословскому диалогу с другими конфессиями, но к *«раздвижению чисто конфессиональных рамок соборности»,* «примирению и согласию», «открытости... ко всем людям доброй воли». Говорят не только об «общехристианской культуре... но и о соборной, планетарной, общечеловеческой культуре, объемлющей все духовные достижения рода человеческого»[1]. Предполагая, стало быть, позитивную оценку и внехристианской духовности, что для христианина равнозначно неразличению духов.

С этими тезисами вполне созвучны некоторые ключевые положения неообновленческой экклезиологии, в частности то учение о Церкви, которое давно уже развивает в своих многочисленных публикациях московский священник Георгий Кочетков. Последний прямо говорит о возможности «христианской веры вне Церкви»[2], о «внецерковной традиции истинной веры»[3], о том, что «Церковь истинная, как живое Тело живого Христа, — не имеет жестких и, тем более, жестоких (? — *В.С.*) границ»[4], и, в конечном счете, по-своему вполне четко формулирует, что «нет и никогда не будет строгих определений Православия, а значит, и инославия, православности, ереси и раскола»[5]. «Вершиной» богословской мысли отца Георгия является призыв к Церкви «стать чувствительной к Божественному Откровению»[6]. Стало быть, по отцу Г.Кочеткову, Откровение отнюдь не проявляет (или не всегда проявляет) себя в «наличной» Церкви (то есть богоустановленность Церкви отнюдь не есть принадлежность ее природы), что возможно и некое откровение вне Церкви, к которому ей еще только предстоит стать «чувствительной». Что тогда догматы и каноны, утвержденные отцами Все-

ленских Соборов, в чем критерий истины и каков путь ко Христу?

Если возможно Божественное Откровение вне Церкви, то, очевидно, вне Церкви возможна и *харизма* — ключевое понятие неообновленческого богословия. «Церковь, не имея своего голоса, *не может дать руку тому, кто имеет действительные духовные дары...* (выделено мною. — *В.С.*). Неясно, голос Церкви — где он? Соборы? Далеко не всегда и не во всем соборы. Патриарх — тоже»[7]. Ясное дело, что «харизматикам» с их автономными от учения Христова «смыслами» приходится несладко. Да и Церкви не позавидуешь: несчастная «не знает, как принять это в себя, как впитать и питаться этим»[8]. В соответствии с учением отца Г. Кочеткова о «динамизме», а то и просто отсутствии видимых границ Церкви находится активно насаждаемое его Сретенским братством представление о том, что православные христиане, по крещению и вере принадлежащие к Церкви видимой, могут быть «неполными» членами мистической Церкви и для полноты своего воцерковления нуждаться еще в дополнительной катехизации по системе, принятой в братстве, в то время как люди, очевидным образом находящиеся вне видимых границ Церкви, могут быть не только ее «полными членами», но даже и носителями «личной святости».

Надо сказать, что отец Г. Кочетков давно уже развивает положение о «размытости» границ видимой Церкви. В своей ранней программной работе «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви», опубликованной под псевдонимом Николай Герасимов[9], он также пишет, что «границы Церкви рационально четко не обозначены и не обозначимы никогда»[10]. Вместе с тем там же встречаем призыв «верою постигать границы Церкви, ибо войти в Церковь значит таинственно перейти границу, оказаться за этой границей...»[11], а также утверждение, что вне своих «границ Церкви, как и Самого Бога, просто не существует»[12]. Православное

(да и просто здравое!) сознание не в состоянии понять этого богословия, оставаясь в границах нормальной логики: Церкви, как и Самого Бога (!), не существует вне несуществующих границ Церкви, которые мы каким-то образом таинственно переходим!

Опыт Церкви (прежде всего Вселенских Соборов) учит, что догматически строгое, богословски корректное мышление, всегда основанное на духовной трезвости (когда разум лишь постигает богооткровенную Истину, а не занимается самочинным «творчеством»), непременно несет в себе некое высшее равновесие. Таков Халкидонский догмат. Напротив, рассудок самочинного «харизматика» при всей своей видимой, автономно-человеческой и потому неизбежно плоской и примитивной «рациональности», горячащийся и неизменно впадающий в гордыню от близости к «духу», обязательно содержит неразрешимые противоречия, колеблясь от одной крайности к другой, *а часто сочетая в себе все возможные крайности и противоречия,* нимало не достигая трезвости и равновесия соборного разума Церкви. Так и неообновленческая экклезиология, размывая внешние границы Церкви, границы между Церковью и внешним миром, в то же время воздвигает непреодолимые барьеры внутри самой Церкви, между ее разными аспектами, вполне в несторианском духе отделяя Церковь земную от Церкви небесной. Прямо декларируется, что, «поскольку церковь в своем объективированно-социализированном бытии не есть Сам Бог» (что справедливо), она «не божественна, а человечна»[13]. Из этой простой и ясной, предельно однозначной (в отличие от более ранних построений отца Г.Кочеткова) формулировки очевидным образом следует отрицание Богочеловеческого характера Церкви. Здесь же автор призывает «различать три смысла слова «церковь» (включая церковь-храм). Во-первых, это Церковь (с большой буквы) как мистическое Тело Христово, которое есть Богочеловечество и весь мир Божий,

живущий по благодати. В ней поэтому нет иной власти, кроме власти любви, и выше и старше в ней лишь тот, кто ближе к Богу во Христе. Во-вторых, это церковь (с малой буквы) как человеческая организация и человеческое единство во имя Христа. Она человечна, и в ней поэтому есть еще и административная власть, а выше обычно тот, кто занимает более высокую должность в церковной организации»[14]. Таким образом, церковная иерархия есть для отца Г. Кочеткова плод чисто человеческого, земного произвола, а не Богочеловеческое установление по образцу иерархии небесной.

Похожие (хотя и не абсолютно) формулировки находим в уже упоминавшейся статье «Николая Герасимова», где различаются «три реальности и, соответственно, три понятия — Церковь, церковь и храм-церковь, где первое ближе к тому, что чаще всего называют единым Богочеловеческим организмом, столпом и утверждением Истины, полнотой Наполняющего все во всем, мистическим Телом Христовым, народом святым, родом избранным, царственным священством, людьми, взятыми в удел; второе — к церковной институции со всеми ее учреждениями и организациями в их исторических духовно-культурных формах и проявлениях; третье — к тому, что обычно называют домом Божиим и обычным местом совершения богослужения»[15].

Определенного рода запутанность и неясность, некоторая «мистическая неразличенность» богословской мысли отца Г.Кочеткова, преобладание интуиции над духовной трезвостью и четким догматизмом не должны нас обманывать. Утверждение Богочеловечности «мистической» Церкви и чисто человеческого характера церкви «институционально-правовой» есть в действительности не что иное, как нарушение исходного догматического равновесия Божественного и человеческого аспектов в реально существующей Церкви. Если реально существующая, богоустановленная иерархия (или, скажем, орган церковного управления) искусственно

лишается своего Божественного, небесного аспекта, если Дух Святой не действует, к примеру, в решениях Соборов и в распоряжениях церковной власти, то понятным образом этот Божественный аспект начинает мыслиться в качестве изолированного и может быть произвольно *приписан чему угодно.* Ибо каков же объективный критерий «мистической Церкви», ее «богочеловечности», если последняя отрицается в применении к исторически сложившейся и развившейся Церкви? Правильное догматическое сознание мыслит Богочеловечность как изначальное, объективное качество Церкви, основанной Христом, против которого люди (в том числе и иерархи) могут погрешать себе в осуждение, но не могут (вопреки протестантскому взгляду) нарушить его в принципе, ибо Церковь есть установление Божие, а не плод человеческого произвола.

Все эти построения отца Г. Кочеткова заставляют вспомнить известное предостережение Владимира Лосского, писавшего о двух опасностях, наиболее характерных для современной церковной жизни, — экклезиологическом монофизитстве и экклезиологическом несторианстве. Если экклезиологические монофизиты (к которым можно было бы отнести наиболее радикальных представителей современного церковного фундаментализма), по его словам, «желают только хранить Истину и умерщвляют церковную икономию, ту многообразную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельность Церкви, посредством которой Она питает мир», то «экклезиологические несториане ради икономии готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви, и вместо того чтобы оплодотворять ею мир, начинают искать вовне, в человеческом творчестве... питания для Церкви», переставая «видеть, что источник жизни и ведения Церкви не мир, а Дух Святый». Или, добавим, пытаясь стяжать Духа не в Церкви, а в «мире», искажая само понятие Церкви, делая его более «мирским». Церковные несториане, по словам Вл. Лос-

ского, «с одной стороны, обесплочивают Тело Христово, превращая его в отвлеченное “духовное начало”, с другой — неразличимо смешивают его с миром... **Церковь начинает жить жизнью мира как одна из его стихий и уже не может дать ему того, что ждет от Нее мир, ибо Она ничем больше по существу не отличается от мира**»[16].

Осуждая несторианское рассечение единства Церкви на два аспекта, «небесный» и «земной, исторический», Вл. Лосский говорит далее о «двоякой цели», которую преследует церковная иерархия: «с одной стороны, ограждение самобытности и свободы Церкви от начал мира, с другой — икономию по отношению к миру, в котором и для спасения которого Она существует». «Частое нарушение церковного единства в наши дни... пренебрежительное отношение к канонам, в которых хотят видеть лишь внешне-административные распоряжения, а не живое выражение церковного единства, хранимого иерархией, — все эти прискорбные явления таят в своей глубине **неверное восприятие Церкви: отрицание Ее живой плоти, развоплощение или, по крайней мере, расслабление единства божественного и человеческого начал в Церкви.** Эта ложная установка есть некое порождение протестантского спиритуализма на православной почве. Она выражается **в почти полном нечувствии к конкретно-историческому характеру Тела Христова**. Остается лишь сакраментальное восприятие этого Тела, Церковь как организм, в котором осуществляются таинства. Но понятие о Церкви как Экклезии с ее канонически-иерархической структурой... исчезает из сознания многих. Если конкретно-историческая Церковь не есть само подлинное Тело Христово... то, конечно, все становится относительным и безразличным»[17]. Вспомним в этой связи учение отца Г. Кочеткова о невозможности дать «строгие определения Православия... инославия, православности, ереси и раскола».

Хорошо пишет о неприемлемости для правильной экклезиологии дуализма «небесного» и «земного» аспектов Церкви, о необходимости целостно-духовного ее восприятия, об очевидности существования видимых границ Церкви и такой оппонент Владимира Николаевича Лосского, как отец Сергий Булгаков, в своей известной книге «Православие»[18], не случайно, кстати, не указываемой отцом Г. Кочетковым (при всем его широко декларируемом почтении к отцу Сергию) ни в одном известном нам списке рекомендуемой им литературы. Подобные примеры из творчества столь почитаемых нашими либералами русских богословов XX века можно множить и множить.

Если, как следует из учения отца Г. Кочеткова, Церковь земная и Церковь небесная — две абсолютно различные реальности (по крайней мере, у него всегда подчеркивается именно их различие, своего рода параллельность существования и нигде специально не декларируется их неразрывная, мистическая связь), то не ясно ли, что понятие «Церковь земная» в этом случае лишается видимо богоустановленного критерия и может быть наполнено в принципе каким угодно содержанием? Если «сущность» — не является, то то, что ранее (при правильном понимании) мыслилось как явление этой сущности, теперь, по общеизвестной кантианской логике, оказывается не чем иным, как «вещью-в-себе». Церковь видимая у отца Г. Кочеткова есть не что иное, как кантовская вещь-в-себе, то есть она оказывается как раз невидимой, не в смысле небесного аспекта Церкви, а в смысле ее принципиальной неопределимости.

Церковь земная, таким образом, не обладает видимыми признаками, позволяющими отличить ее от всего иного, от того, что не есть сама Она, отличить ее от «мира». А это-то как раз и означает, что границы Церкви размыты и неопределенны, сколько бы ни делали здесь извиняющихся оговорок.

Но если мы признаем, что объективно границ Церкви не существует, то они могут быть проведены произвольно (вспомним знаменитый пассаж отца Г. Кочеткова о «признаваемой многими христианами настоящей личной святости... в границах Церкви мистической (от Франциска Ассизского до Д. Бонхоффера и А. Швейцера, может быть, даже Махатмы Ганди)».

Идущие по пути этой произвольности естественным (а в высшем смысле как раз именно противоестественным) образом начинают все сильнее раскачивать церковный корабль, и сектантско-раскольничья логика дает все явственнее о себе знать. Для того и необходимо неообновленцам это стихийное кантианство в богословии (или, правильнее, богословски выражаясь, экклезиологическое несторианство), чтобы, разорвав объективную, сверхъестественную, Богочеловеческую связь земного и небесного аспектов Церкви, вместо нее установить по большей части произвольную, искусственную, чисто человеческую связь, наполненную вполне субъективным содержанием, подменить плоды Богочеловеческого Промысла человеческим произволом. Другой вопрос, насколько такое стремление осознанно.

Согласно отцу Г. Кочеткову (Николаю Герасимову), «соборность Церкви на уровне всемирного Православия в настоящее время до конца не явлена и явлена быть не может»[19]. Оказывается, далее, что «в истинной Церкви вся истина не собрана и не явлена, что она же может быть дополнительно обнаружена, по меньшей мере в некоторых своих существенных частях, за видимыми организованными границами Церкви; в единой Церкви не явлено все ее единство, в святой и апостольской церкви — вся ее святость и апостоличность» и т.д.[20] С другой стороны, «Дух как объект поисков становится иногда их субъектом»[21] (С.Т. Богданов — псевдоним отца Г. Кочеткова). «История земной церкви знает... многие... споры и раздоры, возникавшие в церкви во имя полноты духовной свободы против власти иерар-

хии, против единообразия в вере и форме богослужения и т.п. Здесь отчасти и гностики, здесь и монтанисты, первые поколения монахов и ислам... здесь мистические секты, павликиане и богомильство, катары, вальденсы, протестантизм в своей лучшей части, здесь в известной мере оккультизм, теософия и т.д. Отчасти здесь даже юродивые и старцы церкви...»[22] Таким образом, мы видим, что **поиски «духа», «истинного харизматизма», свободного от «пут» видимой церковной организации, *явным образом выходят у отца Г. Кочеткова за пределы христианства и охватывают сферу духовности, которая самой Церковью в лице святых отцов однозначно определяется как ложная.***

Общеизвестен вывод отца Г. Кочеткова (С.Т. Богданова) о необходимости (или даже скрытом, потенциальном наличии в самой Церкви) «двух типов устройства христианских обществ («ветхозаветного», где в центре стоит храм, и «новозаветного», где в центре — благодать и свобода)», или, по его терминологии, «экклисического», «с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью иерархии и т.д.», и «синагогально-синаксарного», то есть «общинного», устройства. Вывод этот подверг в свое время уничтожающей критике отец Иоанн Мейендорф[23], обвинивший автора в «гностическом элитизме»[24]. Это противопоставление, выливающееся на практике в весьма агрессивное *противопоставление прихода и общины,* как и все другие умозрительные и практические выводы отца Г.Кочеткова, является прямым следствием теоретического (по отцу Иоанну Мейендорфу, «гностического») дуализма в неообновленческой экклезиологии. Парадоксальным (но лишь на первый взгляд) образом оказывается, что для отца Г.Кочеткова и его окружения «размыты и четко не определены» границы между Церковью и не-Церковью, между Церковью и внешним миром, но *воздвигнута непреодолимая стена* не только между Церковью небесной и земной, невидимой и ви-

димой, между Божественным и человеческим аспектами Церкви, но и между *их «церковью»,* этим воинствующим обновленческим «орденом меченосцев», и тем реально существующим народом Божиим, о котором более всего пекутся они на словах. (Характерно, кстати, что против неообновленчества более всего восстают именно «лаики», то есть миряне, причем богословски наиболее грамотная часть народа Божия, реально живущая церковной жизнью.)

Искусственно разорвав два аспекта Церкви и теоретически размыв границы Церкви видимой, отец Г. Кочетков и иже с ним сталкиваются с реально существующей Церковью, с ее Преданием, историей и традициями, и оказываются перед лицом дилеммы: либо признать действие в ней Духа Божия и бессмысленность искания «Духа» вне Церкви, либо, опираясь на свое по существу протестантское положение о возможности харизматизма вне «церкви» (по отцу Г. Кочеткову, с маленькой буквы), вести борьбу с ней. Таким образом, признание максимально широких границ Церкви, утверждение об их неопределенности, базирующееся, в свою очередь, на отрицании объективной, богоустановленной связи двух аспектов Церкви, приводит на практике к фактическому (пусть пока потенциальному, данному в виде тенденции) расколу, к противопоставлению своей, до поры до времени функционирующей в рамках Церкви, системы «общин» реально существующей и исторически сложившейся церковной организации.

Церковь видимая также оказывается расколотой, причем та ее часть, которая объявляет себя максимально свободной, максимально «открытой» к тому, что находится вне ее (за пределами «формальных» и «жестких» границ видимой Церкви), оказывается при этом наиболее «жесткой и даже жестокой», наиболее агрессивной по отношению к «историческому Православию».

Примечания

[1] НГ-религии. 1997. 27 февр. С. 6.

[2] Афанасьевские чтения. 1994. С. 104.

[3] Там же. С. 109.

[4] Там же. С. 108.

[5] Вестник РХД. 1994. № 169. С. 16.

[6] Там же.

[7] Новая Европа. № 1. С. 71.

[8] Там же.

[9] Вестник РХД. 1979. № 128.

[10] Там же. С. 44.

[11] Там же. С. 43.

[12] Там же. С. 45.

[13] Православная община. 1991. № 1. С. 18.

[14] Там же.

[15] Вестник РХД. 1979. № 128. С. 41.

[16] *Вл. Лосский.* Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996. С. 113–114.

[17] Там же. С. 117–118.

[18] *О. Сергий Булгаков.* Православие. Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1964. С. 35. 40–42. Репринт: М.: Терра, 1991.

[19] Вестник РХД. 1979. № 128. С. 58.

[20] Там же. С. 59.

[21] Вестник РХД. № 140. С. 56.

[22] Там же. С. 57.

[23] Там же. С. 78–82.

[24] Там же. С. 81.

Блеф «политического православия» и православная политика

Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу.
Мф. 22, 21

Дана Мне всякая власть на Небе и на земле.
Мф. 28, 18

На итоговой пресс-конференции по окончании Всемирного Русского народного собора заместитель председателя Собора, председатель ОВЦС митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне — Святейший Патриарх Московский и всея Руси), отвечая на вопрос одного из журналистов о «политическом православии», заявил, что он не понимает, что это такое, и сам никогда не использовал и не использует этого термина. В устах опытнейшего церковного дипломата, который в очередной раз проявил тонкое политическое чутье и глубокую мудрость, такое высказывание означает осторожное отстранение, отмежевание от сомнительного явления. Однако для того чтобы показать, что разница здесь не просто в порядке слов, а **в принципиальных подходах к самой сути дела,** необходимо сделать краткий экскурс в совсем недавнее прошлое.

Идея социальной и политической активности христиан осмыслялась в России, во всяком случае, с начала прошедшего, двадцатого столетия, что может послужить темой отдельного и весьма интересного исследования. Но процессы, которые могут непосредственно интересовать нас в связи с сегодняшней темой, начались в СССР где-то в 70–80-е годы XX века. Именно тогда имела место попытка поставить христианские идеалы в основу социальной и политической деятельности. Примером такой попытки может служить история ВХСОН (Всероссийского христианского союза освобождения народа) — наиболее значимое явление подобного рода, идеология журнала «Вече», а также работа христианских семинаров под руководством А.И. Огородникова. Однако в силу известных обстоятельств широкую общественную значимость все эти попытки приобрести не могли, в конечном счете не выходя за рамки диссидентской субкультуры, каковая имела стойкую тенденцию рано или поздно перемещаться либо в места не столь отдаленные (на территории СССР), либо вообще за пределы любимой Родины.

Первая настоящая христианская партия, сумевшая на какое-то, пусть и непродолжительное, время, занять достойное место в российской политике и достичь в своей деятельности определенных успехов, была создана на рубеже 80–90-х годов на учредительном съезде РХДД (Российского христианского демократического движения). **Партия, ставшая политическим ядром широкого общественного движения** (что важно), была создана группой общественных деятелей, представителей клира, творческой и научной интеллигенции, объединенных вокруг журнала русской христианской культуры **«Выбор»** во главе с главным редактором журнала и впоследствии — бессменным председателем партии и движения **В.В. Аксючицем**.

Именно тогда нами активно осмыслялась та проблематика, которая до сих пор продолжает волновать умы

как христиан, так и тех, кто не хочет распространения христианских ценностей в обществе, в различных сферах «внешней» жизни. С самого начала для нас было вполне ясно, что цель того, что называли и называют «православной политикой», двояка: это, **во-первых, привнесение христианских ценностей в политику, а во-вторых, защита интересов православного народа.** Лоббирование **институциональных интересов РПЦ как юридического лица** является всего лишь составной частью этой многоаспектной задачи. Идеологическое напряжение, сопровождавшее разработку и принятие учредительных документов РХДД, а также его практическую политическую и всякую иную деятельность в условиях горбачевской «перестройки» и раннего «ельцинизма», сводилось, в упрощенном виде, к осмыслению главной дилеммы, главного парадокса, характеризующего бытие Церкви: с одной стороны, высшая цель и главное дело Церкви (то есть спасение) — не от мира сего, с другой стороны, она живет и действует в этом, земном мире. Как разрешить это противоречие? Изначально для нас было очевидно, что все опасности и, так сказать, подводные камни, подстерегающие нас на нашем пути, сводятся к двум хорошо известным в истории крайностям и их модификациям. Это — либо полный **разрыв** собственно духовного, религиозного и политического планов (что делает христианскую политику **в принципе невозможной**), либо их непозволительное **смешение,** что приводит к страшным искушениям и соблазнам. Для всякого, кто обладает элементарной философской грамотностью, привычным трюизмом является утверждение, согласно которому *наличие* ***связи*** *двух планов само по себе уже означает их* ***различие****, ибо если различия нет, то все это суть один план,* ***один неразличимый континуум****, а тогда о какой же связи можно говорить?* То, что нечто связано само с собой, это и так ясно, категория связи здесь излишня, не работает, как отдельная специфическая категория; **связь может**

быть лишь между разными планами бытия, разными сущностями и феноменами.

В своих идеологических документах мы опирались в первую очередь на наследие русской религиозной философии, где непосредственно осмыслялась тема «Христианство и политика», прежде всего на труды И.А. Ильина, больше других занимавшегося этой темой.

В Декларации РХДД говорилось:

«Церковь есть религиозный союз. Политическая партия не есть религиозный союз. Церковь имеет догматы, таинства и каноны. Политическая партия не может и не смеет их иметь. ***Церковь исходит из веры и ею строит дух человека****. Политическая партия исходит из соображений государственной целесообразности и хозяйственной пользы и ими направляет* ***внешнее поведение человека****. Церковь по установлению своему благодатна: она есть орудие Царства Божия. Политическая партия устанавливается человеческим произволением, есть порождение земной государственности. Церковь ищет перерождения души и духа. Политическая партия ищет легального захвата государственной власти. Церковь не призвана к светской власти, к ее захвату или подчинению... Государство, пытающееся присвоить себе силу и значение Церкви, творит кощунство, грех и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себе власть и меч государства, утрачивает свое достоинство и изменяет своему назначению. Государство не может действовать благодатно: устанавливать догматы, совершать таинства, растить Царство Божие. Церковь не должна брать меча — ни для насаждения веры, ни для казни еретика или злодея, ни для войны»*[1].

С другой стороны:

«Проповедь надмирного идеала не означает уход из этого "мира", поскольку она обусловлена реальностями социально-политической жизни. Может ли Церковь проповедовать свой надмирный идеал в больнице, тюрьме, государственном учреждении, если некие социальные си-

лы физически не пускают ее туда? Отсюда следует, что для того чтобы, не нарушая принципа социальной свободы, свободно проповедовать свои идеалы, Церковь нуждается в постоянной социальной защите»[2].

Осмысление указанной у нас в начале дилеммы развивалось, в конечном счете, в русле, заданном русской философско-общественной мыслью, суть которого наиболее емко и лаконично выразил выдающийся мыслитель русского Зарубежья **А.С. Карташев** в своей ныне уже знаменитой книге «**Воссоздание Святой Руси**»: раз в условиях светского, секулярного общества нет монархической государственности, той внешней силы, которая со времен Константина Великого являлась охранительницей веры и защитницей Церкви, создавая внешние благоприятные условия для ее внутреннего, сокровенно-духовного дела — дела спасения, то роль эту в известном смысле обязана взять на себя православная общественность, поставив свой внешний, социальный и политический активизм на службу делу Церкви. Это служение может проявляться как в формах собственно политической, парламентской деятельности, так и в работе братств, движений, союзов, объединений, воплощающих христианские идеалы в самых разнообразных сферах человеческой деятельности — науке, культуре, экономике и т.д. Именно такого рода объединения призваны, по мысли Карташева, служить как бы мостом, **переходной формой** от жизни собственно церковных общин, объединяющих людей, причащающихся из одной чаши, к подлежащему христианизации и воцерковлению внешнему миру. «*Христианские политики*, — говорилось в Декларации, — *это сила, удерживающая от возможности узурпации власти для подавления свободы той или иной партией... Только народное христианское движение может стать реальной социальной силой, сохраняющей свободу человека и общества в целом, уважающей достоинство богозданной личности*». Движение мыслилось создателями РХДД как «*распростране-*

ние христианских идеалов на всю реальную жизнь общества: культурную, социально-политическую, экономическую», как *«гарант свободы личности и уважения ее достоинства»* и т.д.[3]

Однако уникальный опыт РХДД отнюдь не сводился к общего рода декларациям, проведению съездов и написанию политических программ. Проведя в Верховный Совет РСФСР (действовавший вплоть до расстрела октября 1993 года) своих депутатов (что удалось на гребне демократической волны времен раннего, «допутчевого» Ельцина и характерного тогда для нашего общества чувства вины перед Церковью), партия сумела решить несколько масштабных политических задач, благодаря чему Церковь в России ныне находится в неизмеримо более благоприятных условиях, чем в некоторых других государствах СНГ. Именно депутаты от РХДД сумели, в частности, пролоббировать принятие нового законопроекта о свободе совести, предусматривавшего ликвидацию Совета по делам религий (который был главным орудием подавления религиозной свободы в СССР), а также законопроекта о передаче Церкви в бессрочную аренду ранее отобранной собственности — храмов, монастырей, предметов церковной утвари и т.д., что заложило основу того материального возрождения Церкви, которым ныне так гордятся наши иерархи.

О последующем кризисе, расколе партии, его причинах и фактическом уходе РХДД с политической арены мы еще скажем, однако сейчас настала пора обратиться наконец к так называемому «политическому православию».

Позитивные идеологические основы православной политики (вещь, в принципе общеизвестная), думается, вполне ясны из вышеизложенного. Не уход христиан из мира, не отказ от внешнего, социального и политического служения, но и **умение различать разные планы бытия**, не смешивать собственно церковное служение

с его духовными основами, и служение внешнее, социально-политическое, — вот основа основ этой политики.

Что же мы имеем в «политическом православии»? Для этого комплекса идей, декларируемых несколькими людьми, который они пытаются достаточно сумбурно, но необычайно шумно и напористо реализовать в своей практической деятельности, характерно как раз изначальное, принципиальное **НЕРАЗЛИЧЕНИЕ СОБСТВЕННО ДУХОВНОГО, РЕЛИГИОЗНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНОВ, СМЕШЕНИЕ ИХ** (откуда и сам термин), что приводит к непониманию их устремлений как подавляющим большинством других представителей православной общественности, так и церковной иерархией. Ярким образчиком этой идеологии является, так сказать, «программная», написанная с поистине комсомольским задором статья **А. Малера «Политическое православие против "старых правых"** (http://www.katehon.ru/html/top/topics/0023.htm). Наряду с элементарным хамством по отношению к старшим коллегам в ней высказано немало разнообразных мыслей — как верных, так и ошибочных. Однако (выражаясь столь любимым «политическими православными» молодежным сленгом) главная «фишка» статьи заключается в том, что успехи (или неуспехи) **собственно церковной миссии, распространение веры** как-то неуловимо трансформируются в интерпретации автора в успехи или неуспехи **в усилении влияния РПЦ как корпоративного института**, причем **никакого различия здесь не делается,** а **последние de facto отождествляются с успехами политическими.** ***Церковь*** в России имела за последние годы беспрецедентное распространение, говорит автор, и сразу после этого утверждает: *«Все успехи* ***политического православия*** *за все эти годы были возможны не столько благодаря, сколько вопреки самому* ***православно-политическому движению****. Только личная* ***воля многих священников*** *и отдельных православных активистов, помноженная на инерциальную благосклон-*

ность некоторых государственных деятелей... позволила ***политическому православию*** *обрести тот призрачно-торжествующий характер, который мы наблюдаем сейчас, если, конечно, вообще наблюдаем»*. И т.д. И сразу же после этого речь идет уже ***о задачах Церкви в России***, а не о политической деятельности. В приведенном пассаже необычайно ярко проявляется фирменный стиль этого нового общественного течения, основу методологии которого, по известной пословице, составляет смешение Божьего дара с яичницей. Ясно, что для автора **«задачи Церкви» равнозначны задачам православно-политического движения!** В дальнейшем он постоянно перескакивает от одного к другому. «Задача реального воцерковления страны» (которая, как хорошо понятно всем вменяемым людям, не имеет никакого отношения к политике) рассматривается в непременно политическом контексте, в неразрывной связи с анализом различных идеологических течений внутри «православно-политического движения»; успех **«миссии»** ставится в зависимость от усвоения «православными политиками» «правильной» **политической** идеологии. **ЦЕРКОВНАЯ МИССИЯ** (то есть РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ **ВЕРЫ**) ПРИ ПОМОЩИ **ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ** — ЭТО НАСТОЯЩЕЕ NO HOW ЭТИХ СТРАННЫХ ЭНТУЗИАСТОВ! Увлекшись борьбой с монархизмом, «опричниками», антизападничеством и «палеоконством», противопоставляя всему этому «мракобесию» свои демократические идеалы, автор как-то забывает, что вообще-то существует еще **главный — собственно духовный и религиозный план**, который никак не может сам по себе сопоставляться или противопоставляться всем этим идеологемам, поскольку **находится принципиально выше них, пребывает, так сказать, в ином измерении**. Говоря о том, что *«вопросы геополитики, государственного строя и экономики принципиально вторичны для православного сознания и их решение зависит от задач миссионерской целесообразности»*, ав-

тор в то же время противоречит сам себе, несколькими строками выше объясняя свой выбор в пользу «неоконства» стремлением успешно противостоять появившемуся в России «национал-оранжистскому» движению (то есть, опять-таки, **чисто политическими мотивами**). При этом логика здесь поистине замечательная. Поскольку вдруг появившиеся «национал-оранжисты» стали усиленно проклинать «архаично-монархическую идеологию старых правых», обвиняя последних в «азиопстве» и склонности к тоталитаризму, то «мы», то есть «новые правые», «неоконы» решили «пойти своим путем», то есть... признать «демократические ценности»! И то правда: неуютно же цивилизованным людям быть «под огнем критики» и обвинений в «азиопстве»! Вот она, во всей красе, убойная **политическая логика «новых правых»: ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ НАШИХ ВРАГОВ, МЫ ДОЛЖНЫ В ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННЫХ ЧЕРТАХ СТАТЬ ТАКИМИ ЖЕ, КАК ОНИ.** Иначе победы не видать! Это еще одна, так сказать практическая, ипостась «политического православия». Ну как тут не вспомнить в очередной раз мое любимое изречение одного литературного персонажа: «Люблю тебя за чистоту типа!»

Ясно, что *«ценность Свободы, неотъемлемого качества сотворенной Личности»,* в вышеизложенном контексте неотделима от либерально-демократической ее трактовки: высшая свобода, свобода пребывания в Боге, во Христе, реализуемая во включенности человека в Тело Христово, Церковь, отождествляется здесь с боготворимой либералами пресловутой «свободой выбора». А последняя в состоянии падшести человеческого естества не является подлинной свободой, ибо грех, не изжитый покаянием, **с необходимостью** тяготит человека к совершению злых дел[4].

Еще одна «фишка» политического православия», представленная Малером и его немногочисленными единомышленниками, — «клерикализм», соединенный

с демократией (не «азиопство» какое-нибудь!). Появление этого «клерикализма» в принципе вполне вписывается в общую логику нового движения, ибо клерикализм, решительно отвергаемый православной Традицией[5] (и характерный в большей степени для римо-католицизма), как раз и означает присвоение себе Церковью мирской власти, политизацию Церкви, вмешательство ее в дела государственного управления не на уровне духовном, то есть наставления и поучения власти с позиций веры и христианских ценностей, «печалования» за народ (как в Православии), а с помощью вполне мирских, не собственно религиозных, а политических методов. Однако как это совместимо с «демократией», с церковной точки зрения не очень понятно: ведь римско-католическая традиция склонна не менее жестко, чем православная, выстраивать свою иерархию, придавать решающее значение именно иерархической подчиненности, а отнюдь не каким-то «горизонтальным» общественным связям.

Заканчивает Малер свой манифест весьма характерным сожалением по поводу того, что «реальное большинство русского народа еще недостаточно воцерковлено», а также того, что «политическая элита равнодушна к Церкви». Надо ли понимать так, что «неравнодушие элиты» есть самый верный путь к «воцерковлению народа»?[6]

В чем здесь дело, какая религиозно-политическая модель, по нашему представлению, пленила «новых правых», мы скажем чуть ниже, а сейчас, чтобы закончить анализ малеровской идеологической конструкции, не можем не сослаться на блестящую статью **Яны Бражниковой «Эластичное Гипер-православие»** (http://www.pravaya.ru/idea/20/12715), в которой представлен абсолютно убийственный разбор этих построений. Автор справедливо указывает на их искусственность и конъюнктурность: ***«Симфония*** [властей] ***в данном случае понимается как способ приспособить Пра-***

вославную Традицию к идеологеме “суверенной демократии” или любой другой политической доктрине — исходя из ситуации». Утверждение Малера о том, что «не существует никаких форм государственного правления, которые были бы признаны Церковью “богоданными”... распространенная в консервативной среде точка зрения, что единственно “богоданной” формой правления является монархия, не имеет никакого оправдания в христианской перспективе», является, разумеется, стопроцентно лживым, противоречащим как многочисленным высказываниям святых отцов на эту тему, так и «Основам социальной концепции РПЦ» (ссылки см., например, в указанной статье Я. Бражниковой)[7].

Подведем некоторые итоги. Смешение религиозного и политического, лежащее в духовно-мировоззренческой основе «политического православия», порождает и все производные от этого изначального смешения, духовно нетрезвые идеологемы, такие как: «демократический клерикализм»; «клерикальная республика»; «миссия», осуществляемая при помощи политтехнологий, политическими средствами и т.д. В связи с этим, если попытаться вычленить ту сторону в новом течении, которая имеет непосредственное отношение к собственно церковным проблемам, придется говорить, увы, о новой, родившейся на наших глазах, ***экклезиологической ереси.***

В свое время нам уже приходилось писать[8], опираясь на труды выдающегося русского православного богослова **В.Н. Лосского**, о двух главных на сегодняшний день экклезиологических ересях в нашей Церкви — **экклезиологическом монофизитстве и экклезиологическом несторианстве**. Первое (то есть недооценка человеческой стороны, человеческой активности в Церкви) характерна для крайних представителей **традиционалистско-фундаменталистского крыла,** для крайних церковных консерваторов. Церковь стоит до скончания века, повторяют они, путь в нее открыт для каж-

дого, а спасение — дело Божие и совершается силою Божией. Никого привлекать в Церковь не нужно, никакая внешняя миссия не нужна, ибо вера и спасение — это тайна между человеком и Богом, и никакие внешние человеческие усилия здесь помочь или помешать не могут. Сегодня мы отчетливо видим вполне реальных (хотя и немногочисленных) сторонников этого взгляда среди людей, разделяющих мотивы пензенских «сидельцев» или слишком активных борцов с ИНН. Другая экклезиологическая ересь наших дней — это **экклезиологическое несторианство**. Представители оного, правильно указывая, что Церковь мистическая, Церковь как Тело Христово, с одной стороны, и церковная институция, с другой, — это разные аспекты Церкви, склонны полностью отрывать их друг от друга. Если «Дух дышит, где хочет», говорят они, то почему бы Церкви, как мистической общности людей во Христе, не проявляться в какой-нибудь общине, не тождественной «традиционной» церковной организации? Этот путь, основанный на недооценке значения правильной, канонической иерархии, установленной Самим Христом, ведет через промежуточный этап пресвитерианской церкви прямиком в раскол и сектантство. Подобного рода воззрения, во всем многообразии их модификаций, характерны для **неообновленческого движения в РПЦ**, в частности для окружения заштатного клирика Московской епархии **священника Георгия Кочеткова**[9].

Но вот теперь, в лице адептов «политического православия», мы видим, как «работает» еще одна, доселе небывалая экклезиологическая ересь, которую можно назвать **экклезиологическим арианством**. Порожденная, как и всякая ересь, духовной нетрезвостью ее носителей, она проявляется **в излишнем уповании на чисто человеческие силы**, в забвении того, что **Церковь жива всегда только силой Божией и любой наш «успех» в Церкви (то есть, в конечном счете, успех в деле спасения) обусловлен лишь тем, насколько мы**

оказались в состоянии, оказались готовы силу эту в себя вместить. Если в политике губительность такого забвения и такой гордыни бывает видна не сразу, а то и, до определенного момента, не видна вовсе, то в делах собственно церковных (ну или церковно-политических) это сказывается немедленно.

Пример — у всех на слуху. Это клубок событий вокруг борцов с гипотетической (каковой, надеемся, она и останется) украинской автокефалией. Во всей дискуссии вокруг этого круга проблем сказывается одно существенное, фундаментальное недоразумение. ***Политическая* позиция** «братчиков» из «Союза православных граждан Украины» — **вполне правильная**, и это ясно всем, даже самым ожесточенным их критикам (если, конечно, они не принадлежат к ангажированному антироссийскому «оранжевому» лагерю). Церковно-канонически неприятие идеи автокефалии также безупречно. И тем не менее Архиерейский собор канонически законной, а потому благодатной и спасительной УПЦ МП (который ведь тоже против автокефалии) вдруг осуждает тех, кто, казалось бы, является его верными союзниками. В чем же здесь дело? Думается, основная причина кроется как раз в том, что **собор** почувствовал то, что подробно разобрано у нас выше, и чисто интуитивно, инстинктивно **восстал не против ложной политической или канонической позиции «братчиков»** (каковая, повторяем, вполне правильна), а **ПРОТИВ НЕДОЛЖНОГО, ДУХОВНО И ПОЛИТИЧЕСКИ ВРЕДНОГО И ОПАСНОГО СМЕШЕНИЯ ДВУХ ПЛАНОВ! Борясь с автокефальными тенденциями украинских политиков (и будучи в этом вполне правым), СПГУ увлекается и, так сказать, «за деревьями не видит леса», ВОСПРИНИМАЕТ ПРОБЛЕМУ КАК ЧИСТО ПОЛИТИЧЕСКУЮ, политизируя и ее церковный аспект**. И в этом наши украинские братья и их московские соратники по сути в полной мере уподобляются своим «оранжевым» оппонентам, для которых Церковь и творимое ею дело спасения не просто

вторичны, а вообще не имеют никакого значения, играя сугубо подчиненную роль. Тем — непременно нужна «незалежна церква в незалежном государстве». Этим же — необходима единая русская Церковь не потому, что раскол губителен для души и посмертной участи того, кто в нем участвует, а потому, что единая поместная Церковь — последний интеграционный фактор на постсоветском пространстве. (Что само по себе вполне верно. Хотел бы я видеть русского патриота, который не за единую Россию!) Но раз цель — политическая, то и методы соответствующие. Какая уж тут «духовность»! Такой подход порождает немало взаимных подозрений, обвинений и стремление решить церковно-каноническую проблему политтехнологически эффективно. Мы же помним про no how «политического православия»: не уподобишься врагам — непременно проиграешь. О подробностях говорить не буду, чтобы никого лишний раз не расстраивать. Но что значит для православного — уподобиться врагам Православия (пусть не во всем, а только в чем-то) и — выиграть? Не слишком ли высока, в свете главной задачи — дела нашего спасения, — цена такой победы? Да и победа ли это? Не означает ли такой подход (то есть излишняя политизация по сути своей церковной проблемы) просто неверие в Промысел?

Оппоненты же «братчиков» (которых те сразу бегут записывать во враги) **рассматривают проблему как чисто церковную, пекутся о духовной стороне дела**. Их так же, как и украинских архиереев, беспокоит неразличение двух планов, на которое мы указали выше, та сугубая **страстность**, которая вредна и для светского политика, не то что для человека Церкви.

Нам осталось ответить на тот вопрос, который мы задали несколько выше: в чем внешние истоки этого прельщения? Чей пример в современном мире не дает покоя «новым правым» (и тем, кто находится под их влиянием), с их суетливой, сумбурной и необычайно напористой активностью? Проще всего сказать, что это

римско-католическое влияние, тем более что ведущие адепты «политического православия» очень любят ссылаться на западный, католический опыт. Ведь именно для католицизма (в отличие от упомянутой у нас выше ереси экклезиологического несторианства) характерно **практически полное отождествление институционального и мистического аспектов Церкви**, придание иерархии во главе с папой почти абсолютного значения, как бы «заместительного» по отношению к Самому Христу. Однако так ли это в «политическом православии»? При всем благоговейном отношении к отдельным представителям иерархии «политические православные» позволяют себе конфликт с целым собором архиереев, подавая на него в церковный суд! Такое поведение никак нельзя признать следствием католического влияния! Думается, дело здесь в другом влиянии, скорее всего, плохо осознаваемом самими представителями данного течения. Смешение и практическое неразличение собственно религиозного и социально-политического планов, политическая власть духовенства, способного ставить и смещать светских политиков (рядом с этой властью любой европейский клерикализм просто отдыхает), — это характерные черты той религиозной традиции, которая находится вообще за рамками христианства. **Речь идет, разумеется, ОБ ИСЛАМЕ.**

Ислам, с его мощью и тотальным влиянием, не очень замысловатый (по сравнению с Православием), но зато пронизывающий все сферы общественной и частной жизни, ислам, агрессивный (любимое словечко «политических православных») и разговаривающий с миром как «власть имеющий», не особо церемонный, но зато «эффективный», подавляющий и «пассионарный», активный и действенный, изощренный и всегда готовый к жертве, — как же ***«мы»*** его ненавидим и как же хотим противостоять! И просто какой-то вопль уязвленной самости (ну почему, почему ***«мы»*** не такие, почему мы не можем, как ***«они»***, завоевать весь мир?!) вырывает-

ся не только уже у молодежной тусовки и послушных исполнителей, но, страшно сказать, и у самих **«КУРАТОРОВ»**. И облекается этот вопль в шумные манифесты и всевозможные «статьи года».

«Рядом с моим домом — мечеть и православный храм. Каждый раз, когда я прохожу мимо мечети, я вижу около нее кучу народа. Иногда я слышу мнения других людей, идущих той же дорогой, что и я. Они восхищаются религиозностью мусульман. Тому, что те совершают намаз вне зависимости от места своего нахождения. Им нравится, что мусульмане четко и систематично следуют букве и духу своих обычаев — от выбора жены до жестко регламентированного устройства всей жизни. В конце разговора, как правило, один из собеседников вздыхает и говорит, что у нас, православных, такой строгости нет, а жалко. Около православного храма стоят машины и нищие. Иногда по праздникам из динамиков слышится звук совершаемой литургии. Храм выглядит мертвым — по сравнению с мечетью. Мусульмане ведут активную работу. Они создают этнические школы, открывают мусульманские больницы и строят жилые кварталы (?). Самые активные становятся религиозными фанатиками, живя по призыву "Аллах Акбар!" и проповедуют исламский фундаментализм... Если простые люди начинают сравнивать, чья религия "круче" (всякая религия, натурально, мечтает быть "круче". — В.С.), *они понимают, что победа на стороне "изумрудных". Им кажется, что Православие проигрывает мусульманству, что мусульмане живут правильнее. Если это нормальные простые русские люди, им, как правило, становится "за державу обидно". Они начинают завидовать "крутости" мусульман, ненавидеть мусульман, множить ряды националистических движений, мечтать завязать на берцах белые шнурки».*

И т.д. Приведенный пассаж — из нашумевшей статьи **Н. Орловой**, лидера прокремлевского молодежного движения[10]. А все таковые движения, как хорошо по-

нимает читатель, в нашей стране абсолютно, ну просто стопроцентно самостоятельны. Вспомним еще раз главную «технологию» «политического православия»: чтобы победить врага, надо в чем-то очень существенном (в методах, в методах!) ему уподобиться. Так прямо и пишет наш православно-комсомольский секретарь: *«В религиозной битве... как на войне, — нет неправильных методов, есть только результат, который необходимо достичь»*. Интересно, что бы ответили на сей пассаж наши православные святые? Кому-то еще надо объяснять, что сам термин, столь режущий слух русского человека, — прямая калька с «политического ислама»? Ведь не существует ни «политического католицизма», ни «политического буддизма», ни даже «политического иудаизма», хотя во многих странах существуют и активно действуют политические партии с религиозно ориентированной программой (христианские демократы, религиозные сионисты и т.д. и т.п.) Но всем понятно: религия — одно, политика — другое, хотя и связь их несомненна. И лишь в политическом исламе, выращенном во многом в лабораториях спецслужб, чисто политическое (а то и насильственное!) действие рассматривается как одновременно и религиозное («малый джихад»)!! Sapienti sat.

Тема наша, по сути, исчерпана. Нам осталось лишь выполнить данное выше обещание и кратко рассказать о конце РХДД — единственной христианской партии в постсоветской России, сумевшей достичь значимых политических результатов, но и ушедшей с политической арены весьма поучительно. Не будем говорить, так сказать, об объективных факторах, об органичности или неорганичности для нашей страны традиции западного парламентаризма и т.д. Это все тема совершенно отдельного разговора. Эволюция РХДД от конфессионально ослабленной христианской демократии западного толка в более традиционную и естественную для России православно-державную сторону (что

сказалось даже и в замене слова «демократическое» в названии партии на «державное») привела к неизбежному — от нее откололось «либерально-христианское» крыло — процесс, ускоренный включением движения в РНС (Российское национальное собрание), где главной задачей мыслилось противостояние разрушительной и антигосударственной линии либерального ельцинского окружения. Такая эволюция привела и к тому, что европейские христианско-демократические партии и международный Союз христианских демократов отказали в поддержке. Немало ошибок было допущено тогда руководством. Но все же, при всех издержках, партия вполне еще могла оставаться на плаву. Но тут был сделан последний, роковой шаг, приведший партию к весьма скорому краху. Веду речь о включении в Политсовет небезызвестного «героя» трагических событий 1993-го **И. Константинова**. Сидели мы недавно с одним из вождей-основателей, вспоминали минувшие дни. Ну ты же видел, говорил я ему в который уже раз, что Константинов нам по духу чужой, что многие уже тогда были против того, что ты отдал в его руки реальные бразды руководства партией! Ответ прозвучал поистине замечательный! Понимаешь, ответствовал мой собеседник, для меня тогда встала дилемма: либо уходить с головой в эту политику, но это означало конец меня самого как творческой личности, либо отдать руководство в руки профессионалу. Константинов, как ни крути, — мастер ***политтехнологий***...

Могильщик уже ходил среди нас, по-хозяйски распоряжаясь, а отцы-командиры все еще строили планы на будущее. Реальное руководство партией, все властные аппаратные рычаги оказались в руках человека, для которого само христианство было, как бы это помягче сказать, вторичным, что ли... Мы еще не забыли, как этот мастер-профессионал, в числе других, таких же, вскоре повел народ на баррикады. Закончилось все мас-

совым кровопролитием октября 1993-го, разграблением страны, либеральным террором зрелого ельцинизма.

История повторяется дважды: один раз как трагедия, а второй... известно как...

Примечания

[1] Возрождение России. Христианская демократия и просвещенный патриотизм. (Сборник материалов и документов РХДД). М., 1993. С. 11.

[2] Там же. С. 10.

[3] Указ. соч. С. 10–11.

[4] Подробнее об этом см. в моих работах: Консервативная реакция или конец истории? Конец модерна и христианские ценности // Проблемы развития. 2007. №1(5); интернет-версия: http://www.rusk.ru/st.php?idar=103011, а также: Две свободы // Новый мир. 1993. №9 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/9/semenko.html).

[5] На что и было указано Малеру на одном заседании тем же митрополитом (ныне Патриархом) Кириллом.

[6] Недавний опыт показывает, что мы поняли Малера и его друзей вполне правильно: его доклад на Рождественских чтениях 2008 года назывался **«Миссия среди политической элиты»**. Оно и понятно: миссионерствовать среди сильных мира сего куда как полезнее и приятнее, чем среди социальных низов. Во всех отношениях...

[7] См. также нашу работу: Выбор сделан // Независимая газета, №015 (1831) от 29 января 1999 г. (www.uni-potsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0199wc/n015hs.htm - 28k -).

[8] См. нашу статью: Апостольство мирян и православная симфония // Община XXI век (www.21v.ru/newspaper/?issue=3 &article=03 - 30k). Об этом же мы рассуждаем в главе «Тупик либерального христианства» в настоящей книге.

[9] Подробнее см. в главе «Тупик либерального христианства».

[10] См.: *Орлова Н.* Толерантность в вопросах веры — путь к безверию (http://rus-proekt.ru/nrpc/2726.html).

Владимир Соловьев и «соблюдающий игумен»

Давно замечено (в том числе и автором этих строк), что либерализм как таковой (и даже в его крайних, либертарианских формах) сам по себе не представляет главной опасности для существования Церкви. Враг этот старый, хорошо известный, внешний, и против него у людей Церкви давно уже выработалось хорошее противоядие. Главная опасность для Церкви — **либерализм, внедренный внутрь нее самой**, проникший за церковную ограду. Ярким примером здесь, безусловно, является деятельность **ответственного редактора «Церковного вестника» С.Чапнина**, который официальные и вполне корректные материалы о жизни Церкви, публикуемые в газете, использует в качестве маскировки, прикрытия для манифестов либертарианской, воинствующе-неообновленческой пропаганды. Такого рода манифест, принадлежащий перу **игумена Петра (Мещеринова)**, и был опубликован в газете. Речь идет о статье **«Владимир Соловьев и национальный вопрос»,** вызвавшей крайне болезненную реакцию православно-патриотической общественности («ЦВ», №13–14, июль 2005 года).

Собственно, белые нитки, которыми сшит весь этот шулерско-пропагандистский опус, видны уже в первом

абзаце, где простраивается, на первый взгляд, вроде бы не лишенная оснований параллель между эпохой конца XIX — начала XX века и нашим временем. Однако в чем же автор видит здесь сходство? *«Те же поиски национальной идеи, тот же ура-патриотизм, даже почитание Ивана Грозного определенными кругами такое же (?). Та духовная атмосфера привела, как известно (??), к катастрофе 1917 года»*. И далее автор высказывает опасения: как бы *«наши сегодняшние искания, не дай Бог, не кончились похожим образом».* Здесь остается только развести руками... Всегда так хочется ошибиться, но всякий раз убеждаешься в правильности собственного давнего вывода: беспардонная наглость и смысловое передергивание — исконное, я бы сказал, родовое свойство либеральной образованщины, вне зависимости от того, носит ли представитель оной элитный костюм госчиновника, потертые джинсы журналюги-тусовщика, лапсердак с пейсами или рясу.

Во-первых, почитание Ивана Грозного в наши дни — явление сугубо маргинальное, имеющее отношение к незначительному меньшинству православной общественности (проблема старательно раздувается в основном околоцерковными либералами); во времена же Владимира Соловьева это почитание вообще не имело сколь-либо заметного общественного звучания. Но главное: к катастрофе 1917 года, согласно автору, привела, оказывается, «духовная атмосфера ура-патриотизма», а не многолетняя разрушительная деятельность революционеров и либералов, всех этих Родзянок, Керенских, Милюковых, Савинковых, Троцких и Лениных! «Союз русского народа» и иже с ним, протоиерей Иоанн Восторгов и другие представители «черносотенного духовенства» — вот кто, оказывается, подрывал государство! На какой диссидентской кухне или, может быть, в редакции НТВ времен В.А. Гусинского, на радио «Свобода» и в «Новой газете» позаимствовал наш герой эту до боли знакомую историософию? Я настолько восхищен

представленной здесь чистотой известного общественного типа, что готов наградить нашего героя персональной кличкой (хотя мне, конечно, стыдно, потому что сознаю, что кличка прилипнет навеки). Чтобы всегда отличать уважаемого оппонента от легенды либерального христианства **Иннокентия Павлова** (который, по-моему, сам уже запутался, пытаясь определить, к какой конфессии он принадлежит), традиционно именующего себя «практикующим игуменом», станем называть нашего героя игуменом «соблюдающим», имея в виду, что это, в конечном счете, почти что одно и то же.

Рассуждая об истинном и ложном патриотизме, автор активно использует публицистику **В.С. Соловьева**. О том, как он это делает, мы скажем чуть ниже, но вначале все же следует отметить, что хотя, конечно, В.С. Соловьев — выдающийся человек, великий, тончайший философ и диалектик, интереснейший, любимый многими поэт, все же он отнюдь не является абсолютным богословским авторитетом в Православной Церкви и уж, во всяком случае, не абсолютно авторитетна для Церкви его публицистика. Используя наследие Соловьева, тем более в полемике, корректный и объективный исследователь должен был бы здесь ввести исторический контекст, в частности упомянуть о тех аргументах, которые использовали в полемике с самим Соловьевым такие авторы, как его, пожалуй, главный оппонент **Константин Леонтьев**, тем более что ниже речь идет о византизме, бывшем, пожалуй, главной темой К. Леонтьева. Однако для «соблюдающего игумена», увлеченного борьбой с проклятыми черносотенцами, ни о какой научной этике и корректности речь, конечно же, не идет.

В начале он приводит, на первый взгляд, вполне бесспорные положения Соловьева: *«Народность — не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила, природная и историческая, которая сама должна служить высшей идее... для того чтобы народ*

был достойным предметом веры и служения, он сам должен верить и служить чему-то высшему и безусловному... достойным предметом нашей веры и служения может быть только то, что причастно бесконечному совершенству... ***Божество*** *как действительность дано нам в Христианстве, и это* ***выше народности****. Получив это высшее, мы можем преклоняться перед своим народом только в том случае, если сам этот народ является служителем религиозной истины... Настоящий патриотизм не может остановиться на голом факте просто существования; он ищет существования достойного... цель исторической жизни состоит не только в том, чтобы общество человеческое существовало, но чтобы оно существовало достойным или идеальным образом, на основах внутренней нравственной солидарности»*. И т.д.

Под всеми этими положениями Вл. Соловьева с радостью подписался бы любой серьезный патриотический автор. Здесь не с чем спорить, но как же использует эти трюизмы Соловьева наш герой? Он монтирует их, перемежает со своими интерпретациями «национального вопроса». Несведущий читатель воспринимает сплошной текст, с отсылками к авторитетному философу со звучным, известным именем, а маленьких кавычек внутри может и не заметить. Интерпретации эти, например, такие. Многие патриоты склонны полагать, считает «соблюдающий игумен», что «русская нация, народность *сама по себе* есть самодостаточное благо в силу, во-первых, некоей избранности и метафизической особенности ее, а во-вторых, славного исторического прошлого в области государственного строительства. На практике (?) этот взгляд приводит к языческому культу народа и преклонению перед государством как таковым». «Ложному патриотизму свойственно утверждать, что у нас все хорошо и так, и, следовательно, всякое национальное строительство должно сводиться к охранению и обороне, ибо кругом враги». И т.д.

Читатель, загипнотизированный шулерскими приемами самозваного наследника Соловьева, не сразу догадывается спросить: а с кем, собственно, спорит наш ревностный обличитель черной сотни? Ведь все формулировки, призванные продемонстрировать убожество русской патриотической мысли на фоне блестящих текстов Соловьева, придуманы им самим! Где хотя бы одна ссылка на какого-нибудь конкретного оппонента? Ее, увы, нет! Ловкий манипулятор таким образом убивает сразу двух зайцев: во-первых, избавляет себя от необходимости разбирать *конкретные положения конкретного автора* (который при случае ведь и ответить может), а во-вторых, потрясая Соловьевым, как полемической дубиной, получает прекрасную возможность измазать черной краской вообще всех патриотов. Вполне шулерский прием, столь типичный для либеральной образованщины: придумать себе мифического и уязвимого оппонента с удобными для себя слабостями, «убедительно» разоблачить его, пришив свои полемические аргументы к какому-нибудь авторитету, и заодно измазать грязью тех реально существующих патриотических авторов, которые, ни в малейшей степени не будучи ответственными за придуманные не ими мифологемы, подспудно ассоциируются в сознании читателя с используемыми нашим полемистом клише. А в случае чего «соблюдающий игумен» с кривой либеральной ухмылкой скажет: «Помилуйте, да я же не вас имел в виду!..» Последнее время я, кажется, начинаю повторяться, но если это не шулерство, то что тогда шулерство?

Продолжая приводить бесспорные и хрестоматийные цитаты из Вл. Соловьева, наш герой вновь приходит к, казалось бы, вполне верному выводу: истинное благо и истинная национальная идея для русского народа есть Православие, жизнь во имя служения Христовой Церкви. Однако, как только от Соловьева он вновь переходит к собственным интерпретациям, ослиные уши модерниста, либерала-неообновленца сразу становятся

видны из-под колпака «истинно-церковной» и интеллигентской респектабельности. *«Как православие в контексте национальной идеи понимается сегодня государством и значительной частью церковной общественности?»* — задается вопросом автор. И сам же отвечает, что *«это какое-то странное православие, православие без Христа, нецерковное православие»*. А поскольку, как мы указали выше, полемика ведется автором без указания конкретных оппонентов, то выходит, что **огульные и бездоказательные обвинения** (поскольку цитаты не приведены) **в безбожии и нецерковности брошены в лицо всей православной общественности, всему русскому народу**. *«В церковной среде*, — распаляется наш либерал, — *очень распространенным является уже знакомое нам (?) мнение, что все русские в силу своей национальной принадлежности являются на некоей "метафизической глубине" православными, несмотря ни на что. В основе такого подхода и такого образа мыслей лежит ошибочная идеология — отождествление пространства Церкви с пространством всего русского народа»*.

Выше мы уже указали на шулерский характер основного полемического приема автора — всех этих «в церковной среде», «является распространенным», «знакомое нам» и т.д., без конкретных ссылок. Заметим, что, во-первых, ни один вменяемый человек не считает православными, скажем, воинствующих язычников-националистов, занимающих враждебную позицию по отношению к христианству и к Самому Христу, или тех русских по крови большевиков и комсомольцев, которые в 20–30-е годы XX века служили подручными у банды Политбюро. Во-вторых, опять-таки, серьезные православно-патриотические авторы (к каковым автор этих строк причисляет и себя) никогда не отождествляли культурный менталитет нации (который в случае с русским народом обусловлен, как ни крути, Православием и сформирован Православной Церковью) с глу-

бокой и сознательной церковностью. **Это разные вещи, нетождественные, но и не абсолютно различные!** Есть принципиальное расхождение двух противостоящих концепций миссии: сторонники одной считают, что душа народа — это tabula rasa, на которой всевозможные реформаторы, считающие подлинными, «полными» христианами только себя, могут писать все что им вздумается; приверженцы же другой полагают, что историческая, культурная память народа отнюдь не пуста, она жива, что бы ни делали с русским народом безумные экспериментаторы в XX веке (если историческая память умирает, умирает и сам народ), и задача миссионера — лишь пробудить дремлющую православную душу русского человека, побудить его вспомнить о своих корнях и, *сознательно, совершив духовное усилие*, вновь обратиться к вере своих отцов[1]. «Побудить», разумеется, не означает «заставить». Если человек пожелает, он может принять другую религию или не принимать никакой. Речь идет лишь о том, что в деле осуществления столь важной ныне внутренней миссии ключевой фактор исторической памяти недопустимо сбрасывать со счетов.

Именно надругательство над исторической памятью народа, оболгание и оплевывание великой русской православной имперской традиции — скрытый нерв, тщательно лелеемый и пестуемый мотив активнейшей деятельности всех обновленцев прошлого и настоящего, всегда бесстыдно манипулирующих именем Христа.

Итак, примитивная подтасовка в ничем не подкрепленном, огульном обвинении православно-патриотических авторов в том, что они якобы отождествляют религиозное и национальное, на наш взгляд, вполне очевидна. В действительности подобного рода ошибочное отождествление имеет место, но отнюдь не в православно-патриотической среде. И поскольку, в отличие от «соблюдающего игумена», я никогда не занимаюсь полемикой вообще, приведу конкретный пример. Вот, скажем, **Глава Федерации еврейских общин России**

г-н Берл Лазар, в интервью «НГ-религиям» (см. №12 (165) за 10 августа 2005 года), отвечая на достаточно странный вопрос журналистки **Юлии Глезаровой** — «Что вы делаете, чтобы вернуть евреев к иудаизму?» (выходит, что все евреи вроде бы обязаны быть иудаистами, если их надо непременно туда «возвращать»), заявил: *«Если человек родился евреем, он может найти ответ* (имеется в виду религиозный) *только в иудаизме. Никакие другие религии и культы не смогут дать ему душевного покоя и комфорта»*. Здесь решительно непонятно, во-первых, как быть тем евреям, чьи предки уже давно, например еще в XIX веке, приняли святое крещение. Но главное даже не в этом! Мы знаем немалое число людей еврейского происхождения, которые, в зрелом возрасте совершив **сознательный выбор** в пользу нашей святой и спасительной православной веры, являются ныне самыми ревностными пастырями и самыми добрыми прихожанами. Выходит, что уважаемый раввин считает этих достойнейших людей в определенном смысле религиозно неполноценными, тем самым унижая их религиозное и человеческое достоинство, реализуемое в их неотъемлемом праве на свободу совести, и таким образом косвенно посягает на соответствующие положения российского законодательства!

Между тем ни один из наших «либеральных христиан» и не думает противостоять этому откровенному и абсолютно некорректному отождествлению религиозного и национального! Пока смиренно молчит и «соблюдающий игумен»... Видимо, с точки зрения наших либералов, если человек раввин, да еще и главный, это означает своего рода индульгенцию, делает его неприкасаемым, не подлежащим никакой критике... Другое дело — проклятые патриоты!

Попеняв русскому народу за нецерковность (к чему мы еще вернемся), магизм и подозрительное отношение к православным кавказцам и в особенности к евреям и не приводя, разумеется, никаких конкретных

примеров (хотя я только что показал, что, напротив, как раз главный раввин Берл Лазар в определенном смысле склонен попирать человеческое и религиозное достоинство последних), заодно с помощью Вл. Соловьева обвинив Православную Церковь в нежелании заниматься благотворительностью и социальным служением (что являет собой слишком уж наглую ложь — сразу видно, что «соблюдающий игумен» с реальной церковной жизнью практически незнаком), наш борец за чистоту Церкви переходит к излюбленной теме борцов с империей и «византизмом» — имеющему место, по их мнению, излишнему сближению Церкви и государства в современной России.

Когда-нибудь свою самую последнюю статью на эту столь волнительную для либералов тему мне придется озаглавить, видимо, по-простому: «Я устал». Решительно невозможно понять, в чем реально усматривается такое сближение, если не быть в плену либеральных мифов. Современное Российское государство устами своих ответственных чиновников не устает подчеркивать свой принципиально *светский характер*. При этом Российская Федерация в реальности идет гораздо дальше по пути либерализма (как в законодательстве, так и в правоприменительной практике), чем подавляющее большинство государств современной Европы, где **светскость отнюдь не мешает привилегиям, законодательно закрепленным и практически предоставляемым *исторически преобладающим в этих странах (культурообразующим) традиционным религиям и конфессиям*[2].** Церкви в России с трудом удается отстоять (да и то не всегда) хоть какие-то налоговые льготы; множество проблем в вопросе о земле; Православие с огромным трудом пробивает себе дорогу на телевидение; наконец, просто вопиющей является ситуация в сфере образования. Так, только в Москве, столице бывшей православной империи, — четыре исламских университета, православный же — только один. Широко известна (надеемся,

что информирован и игумен Петр) история с «Основами православной культуры», с трудом пробивающими себе дорогу в сферу светского государственного образования. (Ситуация начала несколько меняться к лучшему только **в самое последнее время** благодаря **прямым усилиям первых лиц Российского государства**.) В то время как в подавляющем большинстве европейских стран культурообразующие религии пользуются несоизмеримо большими, чем в России, привилегиями именно в *государственной системе образования,* всякая попытка нашей Церкви добиться для себя бо̀льших возможностей в образовании и СМИ вызывает дружную истерику либерального антицерковного лобби. Между тем «Основы ислама» повсеместно преподаются в государственных школах Татарстана, Башкирии и ряда республик Северного Кавказа. Россия (пока в статусе наблюдателя) является членом ОИК (Организации «Исламская конференция»), не входя при этом ни в одну аналогичную православную организацию международного уровня. (Все это, кстати, — к вопросу о двух концепциях миссии и о близости национально-культурного и религиозного.) И где же тут сближение Церкви и государства, «Церковь как идеологический придаток государства» и государственная помощь Церкви?? — Только в головах наших либералов (в том числе и либеральных христиан), в том кубле инфернальных фобий и комплексов, которое и составляет основу их сознания! «Соблюдающий игумен» настолько увлечен борьбой с призраком православной империи (что в контексте вышеописанной реальности просто смешно) и обличениями этого грязного и свинского русского народа (о чем речь у нас еще впереди), что как-то забывает определиться по животрепещущим вопросам нынешних церковно-государственных отношений: так нужно вводить ОПК в государственное образование **по образцу Европы** или нет? Должна ли Православная Церковь, представляющая 85% русских и православных (то есть государство-

образующий народ нашей страны), занимать свое достойное место в СМИ? (Без чего практически невозможна в серьезном масштабе никакая внутренняя миссия.) Имеет ли право Церковь, занимаясь социальным служением, пользоваться налоговыми льготами? Наконец, должна ли безвозмездно возвращаться Церкви ранее отобранная собственность?

Поскольку главный враг, которого панически боится либеральная (в том числе и околоцерковная) образованщина, — «византизм» и призрак «империи», никакой речи о **реальной защите** интересов Церкви в нашем *воинствующе секулярном и либеральном государстве* для «соблюдающего игумена», как ее типичного представителя, быть не может. Куда как ближе сердцу «либеральных христиан» такое излюбленное занятие образованщины, как нескончаемые, яростные обличения безнравственного, безбожного и недостойного таких замечательных духовных вождей русского народа.

Современная российская реальность, конечно, как все мы хорошо знаем, предоставляет для этого более чем достаточный простор. Автор, наполняясь гневом праведным, пишет и о необыкновенном распространении супружеских измен, о деградации института семьи, и об отсутствии солидарности между людьми, и о невостребованности культурных ценностей (!), и (конечно же!) о традиционном (надо полагать, вообще для России?) «пренебрежении к человеческой личности». Не забывает он и об «абортах, разгуле преступности, криминализации общества сверху донизу». Ясное дело, что никак не мог наш либеральный обличитель упустить возможность лишний раз попенять русскому народу за *«невосприимчивость к грязи, как в прямом, так и в переносном смысле»*.

Всякий раз, читая подобного рода тексты, я думаю о том, что никакое, даже самое справедливое по факту, обличение не является в высшем смысле *правым*, если в нем нет того главного, без чего вообще невозможно

считать себя учеником Христа, — ***любви к грешникам, неотделимой от ненависти ко греху***, и самое главное — смиренного ощущения **самого себя** наихудшим из всех. Эти сладострастные обличения русского народа во всех мыслимых и немыслимых грехах — как часто они не бывают основаны на ощущении своей ***неразрывной связи*** с этим многогрешным и падшим, но все-таки великим и богоносным народом — и тем самым теряют всякую силу, несмотря на всю свою формальную справедливость!

Но любителю либеральных подделок под христианство мало формально справедливых (во многом) обличений, лишенных любви и сострадания, мало растравить душевные раны русского человека, лишний раз упрекнув нас в исконной «имперской» гордыне и нераскаянности. Пламенный обличитель, достойный наследник революционного духа «ордена русской (впрочем, почему «русской», а не, скажем, «российской»?) интеллигенции», ничтоже сумняшеся идет до конца, раскрывая перед читателем самые сокровенные глубины своей мутной либеральной души, манипулируя уже самым святым — словом Писания. *«Запад растлил нас, — кричат ура-патриоты* (пишет автор). — *Церковная точка зрения совершенно иная. Не с Запада, а "из сердца человеческого исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека"*, — говорит Господь (Мф. 15, 19–20). А из сердца современной русской нации исходит сейчас такое, что начинаешь с тревогой думать о ее возможной деградации и даже исчезновении в будущем с исторической арены... И вполне можно усмотреть руку Божию (!) в том, что вместе с нравственным происходит и количественное вырождение русского народа по миллиону человек в год». После чего с помощью Вл. Соловьева призывает нас к покаянию.

Здесь либеральные манипуляции самым святым для русского православного человека достигают такой бес-

пардонной и, я бы сказал, злобно-гениальной наглости, что не хочется даже ерничать. Скажем просто: да, мы виновны, мы грешники. Мы должны каяться. Ибо в самой глубокой мерзости, до которой, увы, способен дойти русский человек, в глубине его сердца живет любовь ко Христу, придушенная и ненавидимая самозваными спасителями России из числа неистребимой русскоязычной образованщины, живет та безумная надежда на свое духовное возрождение, на милосердие и всепрощение человеколюбца Христа, вне которой христианство заканчивается и начинаются пустые слова, злобное и беспомощное подражательство, манипуляции и подделки. В самой глубокой мерзости своей (и здесь, обличая нас, прав, увы, прав «соблюдающий игумен») мы никогда не доходили до изощренных кощунств Гельмана, Швыдкого, Сорокина и К^{о}, которых что-то он не рвется обличать. И в этом все дело!

Из сердца современного русского человека исходит много мерзости — согласен! Но гнусной ложью является утверждение, что **вся или главная мерзость** нашей сегодняшней жизни исходит именно оттуда. Сколь бы ни был виновен и достоин порицания русский народ, клеветы не возведем на него. Такие очаровательные явления, как телепрограмма «Дом-2», шоу «За стеклом», опера «Дети Розенталя» на либретто Сорокина, кощунство в Сахаровском центре, выставка «Россия-2», *большая* часть современного российского телевидения — исходит **отнюдь не из «сердца современной русской нации», а от ненавистников и растлителей этой нации, которые по своему духовному происхождению не имеют к ней никакого отношения**. *Кем бы ни были по крови* такие люди, как Гельман, Швыдкой, Познер, Сванидзе, Сорокин, Киселев и иже с ними — **духовно они никогда не были частью русского народа**, И «соблюдающий игумен» это прекрасно знает! Но именно потому, что он это знает, он всеми силами, любой ценой стремится «замылить» и заболтать этот главный вопрос!

Стоит ли после этого разбирать другие шулерские манипуляции автора? Но пройдем этот путь до конца, сколь бы ни было трудно, ибо нужно знать их в деталях, хорошо изучить все их подлые приемы. Ссылки игумена на таких авторитетов прошлого и настоящего, как святитель Игнатий (Брянчанинов), протопресвитер Иоанн Мейендорф, протоиерей Владимир Воробьев, а в значительной степени — и сам Вл. Соловьев, носят маскировочный характер. Ответственность за плохо скрываемую ненависть к «византизму» лежит на самом авторе. *«Закончилась эпоха "симфонии"*, — вещает он. — *общество расцерковилось. Церковь неизбежно возвращается к образу существования, похожему на период до 313 года»*... Здесь не может понять наивный читатель, хорошо это или плохо, радуется автор или огорчается, видит в этом *возвращение к норме* или грозный признак конца времен. *«Мы ностальгически вцепляемся в церковно-имперскую идеологию*, — продолжает он, — *подменяя ею собственно церковное самосознание»*. Чем же одно отличается от другого, почему «византизм» заведомо выводится автором за пределы этого самого «церковного самосознания»? — недоумевает здесь читатель. И невдомек ему, что единственная причина — в произволе самого автора. Произвол этот и весь штампованный набор неообновленческих идей до боли знаком мне еще со времен полуподпольных христианских семинаров 1980-х годов в исполнении всевозможных Кочетковых и Якуниных. «Церковь вечно обновляется, — устами «соблюдающего игумена» говорят неообновленцы. — Но со временем процесс этот затормаживается, и на первое место в Церкви выходит "имперско-охранительная идеология"». Византизм есть внешняя для церкви, «цементирующая» идеология. Именно «византизм», по мнению нашего либерала, а отнюдь не «реформы», «демократия» в Церкви (интересно, чем, по мнению автора, последняя отличается от соборности?) или модернизм есть приспособленчество к *миру сему, лежащему*

во зле (см. Ин. 5, 19). При этом автор отделяет великие достижения византизма, которые невозможно отрицать («богатство богословия, каноны, богослужебные чины, обрядовое и прочее (?) прекрасное и вечное достояние Церкви») от византизма как такового, окончательно разоблачая себя как протестантствующий приверженец худшего вида модернизма и неообновленческой ереси. Все эти великие достижения церковного гения ведь не с неба упали, не из воздуха материализовались, а были созданы с помощью Божией **конкретными людьми в конкретную историческую эпоху**. Отделять достижения эпохи от самой эпохи и, главное, от великой имперской идеологии, эту эпоху породившей, отделять Вселенские Соборы, патристику и богослужение от православной империи, в лоне которой они возникли и приняли законченные, совершенные формы, — есть жалкое и беспомощное шулерство мелких либеральных душонок, извечная война с великой христианской историей, не дающей покоя этим горе-реформаторам и лжемиссионерам. И нечего козырять здесь Соловьевым (который, повторяю, никогда не был для Православной Церкви абсолютным авторитетом) с его поверхностным «красным словцом»: «Византизм погубил греческую империю»! У Вас — отдельные высказывания Вл. Соловьева, а также его самозваных наследников, этих жалких выродженцев — Кочеткова, Борисова, О.Клемана и К°, а у нас — **СВЯТЫЕ ОТЦЫ, НИ ОДИН ИЗ КОТОРЫХ НЕ БЫЛ ВРАГОМ ИМПЕРИИ,** а многие — так и прямо говорили о **БОГОУСТАНОВЛЕННОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ!**

«Соблюдающий игумен» с присущей этой публике беспардонной наглостью и безапелляционностью фактически прямо заявляет, что причина упадка современной России — в имперскости и византийском наследстве (благодаря которому, вообще-то, великая Россия стояла и динамично развивалась не одну сотню лет), а не в наследии коммунистического безбожия и не в разруши-

тельной деятельности либеральных экстремистов, либерал-большевиков, сознательно разрушающих традиционные ценности России и ее традиционный уклад. Тем самым он вполне четко и недвусмысленно определяет свое место в ведущейся сейчас смертельной войне за душу и будущее России на стороне ее заклятых врагов. Замаскировать этот факт не в силах никакое лицемерие и никакая демагогия.

Приплетая не к месту высказывание Патриарха Алексия II, «соблюдающий игумен» все же ухитряется поставить своеобразный рекорд в проявлении вышеозначенных качеств. По его мнению, имеющая место кое-где коммерциализация Церкви — продукт имперской идеологии, якобы рождающей безответственность (??), а не следствие привнесения в церковную ограду «новорусских» «рыночных» нравов, порожденных во многом сломом в нашей стране традиционных нравственных устоев в эпоху «демократической революции» «лихих 90-х». Спрашивается, ведь Империя стояла многие сотни лет, и всегда в ней была развита как организованная, так и частная благотворительность, всегда духовное было для русских людей превыше материального, — почему же все негативные явления наших дней не проявлялись в Церкви и в обществе раньше, почему мы говорим о них только теперь?

Итак, каковы же выводы автора? Они известны и вполне предсказуемы. *«Мы способны предложить людям по большей части лишь византийскую оболочку Церкви и всякие схемы, а не живого Христа*, — вполне по-кочетковски заключает он. — *Если наша русская поместная Церковь не освободится от имперской охранительной идеологии, то будущее ее тревожно: она совсем перестанет восприниматься нашими соотечественниками в качестве полного выражения Христовой Истины»*. Иными словами: если Православная Церковь не освободится от того, что составляет основу ее исторического наследия, основу самоидентичности русского

православного народа, не перестанет отстаивать свою православную специфику, провал внутренней миссии обеспечен. Не надо защищать историческую память народа, его культурный менталитет — тогда на пустом месте, лишенные этого обременительного груза «имперскости» и «мессианства», все точно уверуют. Вопрос только в том, что это будет за вера... К счастью, народ наш отнюдь не так плох и не так глуп, как склонен представлять «соблюдающий игумен». Я не знаю, *какими и чьими соотечественниками* наша Церковь *«не воспринимается в качестве выражения Христовой Истины»*, как о том пишет автор. С подавляющим большинством *наших* соотечественников здесь как раз все в полном порядке. Исключение составляет лишь небольшая кучка либералов-неообновленцев (и людей, сбитых ими с истинного пути), «малый народ» вечных диссидентов (имеющихся, к сожалению, и внутри Церкви), для которого яростная вражда по отношению к традиции «большого народа» и самой страны составляет главный смысл жизни, основной стимул собственной, весьма громкой и суетливой, деятельности.

В заключение хочу сказать лишь одно, на мой взгляд, самое главное. Невозможно отрицать, что положение России сейчас настолько трагично и безрадостно, страшная деградация всех сфер жизни действительно такова, что реалистичный взгляд на вещи вряд ли способен располагать к какому-либо триумфализму. Но тот же реалистичный взгляд невозможен и без другого: понимания того, что подлинное возрождение никогда не бывает основано на войне с традицией, а, напротив, всегда становится возможным лишь в случае **пробуждения исторической памяти народа**, ***сознательного*** возвращения его к своим духовным корням. Вне этого Россию и русский народ ожидает скорая и, увы, заслуженная гибель. Не очередные реформаторы-экспериментаторы, пусть и рядящиеся в церковные одежды, могут стать духовными вождями русского возрождения, но вели-

кий сонм наших святых, какого нет ни в одной другой поместной Церкви. И какова бы ни была порой наша духовная деградация, как бы низко мы ни пали, сколь бы ни был силен кризис во всех сферах нашей жизни, сам факт того, что мы все еще существуем, непреложно свидетельствует: память народа не погибла, а значит, все еще жива, прикровенно существует и великая Империя. Сила Божия, что в немощи совершается, удерживающая мир от совершения «тайны беззакония», еще не отнята от нас, — значит, не умерла наша надежда. Эта надежда сирых и убогих, сознающих свою немощь и пытающихся возродить в себе духовную решимость своих подвижников-предков, — есть великая и непостижимая для «внешних» тайна русской души, и сколь ничтожна рядом с этой тайной тараканья суета ненавидящих Россию «реформаторов»-либералов — таких, как «соблюдающий игумен»!

Примечания

[1] Подробнее об этом см. в главах: «Наши новые миссионеры» и «Модернистский соблазн».

[2] Подробно см. об этом, напр., в кн.: *Понкин И.В.* Светскость государства. М., 2004; Его же: Теологическое образование в государственном университете. Зарубежный опыт правового регулирования. М., 2004.

Кто разбрасывает камни?

Ответ иеромонаху Макарию (Маркишу)[1]

Ваше преподобие, уважаемый отец Макарий!

В *№ 1–2 «Церковного вестника» за 2008 год* (http://www.tserkov.info/numbers/reading/?ID=2412) опубликована Ваша статья **«Безответственность»**, посвященная, так сказать, актуальным вопросам современной цер-

ковной жизни, а конкретно — той критике, которой в журнале *«Благодатный огонь», № 17,* подвергается деятельность и воззрения игумена Петра (Мещеринова). Не обходите Вы своим вниманием и меня, грешного. (Хотя моя статья **«Призрак Второго Ватикана»**[2], опубликованная в том же выпуске журнала, касается более общих вопросов, и об игумене Петре там лишь упоминается.) Поскольку в последнее время некоторые люди, сами в своих «полемических» приемах находящиеся за гранью добра и зла, склонны постоянно упрекать меня за «некорректный тон» (!) полемики, позволю себе на этот раз ограничиться лишь развернутыми вопросами к уважаемому оппоненту, то есть к Вам.

1. В начале статьи Вы утверждаете, что известный богослов **Юрий Максимов** вышел из редколлегии «Благодатного огня». Между тем **в личных беседах с главным редактором журнала С.И. Носенко Юрий Максимов не раз уже опровергал это утверждение**[3]. Вы — опытный церковный публицист и должны пользоваться проверенной информацией, тем более в столь щепетильных вопросах. **Готовы ли вы в данном случае признать, что проявили низкий уровень профессионализма?** Имея в виду, что беседую с известным священником, позволю себе еще один вопрос. **Не кажется ли Вам, что Ваши информаторы, позиционирующие себя как православные, как члены Церкви, и позволяющие себе столь откровенную и наглую ложь, не соответствуют не только христианским нравственным требованиям, но даже и ветхозаветным, поскольку, как известно, десять заповедей, в число которых входит запрет на ложное свидетельство, дарованы Богом еще Моисею на Синае?**

2. Переходя далее к критике в адрес игумена Петра, Вы не утруждаете себя конкретными аргументами и полемикой по существу претензий, предъявляемых авторами этому клирику, предпочитая ограничиваться тем самым **навешиванием ярлыков**, в котором обвиня-

ете своих оппонентов: *«Отцу Петру инкриминируется (насколько применимо такое понятие из сферы закона к беззаконному делу) широкий спектр прегрешений в его миссионерской и пастырской работе, сведенный воедино финальным крещендо статьи Т. Петровой»*; *«Налицо средства низкопробной полемики: окончательный вывод сделан о неугодной личности, на которую походя налепляются* ***бессодержательные, но звонкие эпитеты в традиционном стиле политических доносов советского времени»*** (это касательно утверждения автора о том, что игумен Петр боится укрепления Церкви); *«Самая существенная черта всего мероприятия — эффект избиения камнями, расправы над жертвой».* И т.д. Поскольку Вы проигнорировали весь длинный список претензий к игумену Петру, представленный авторами, успокоив себя и своих потенциальных единомышленников замечательным постулатом: *«Не надо, надеюсь, тратить место и время на опровержение этих фантазий»*, позволю себе для начала воспроизвести некоторые из них.

В статьях «Благодатного огня» приведены высказывания игумена Петра, в которых тот **отрицает некоторые события Священной Истории, являющиеся общепризнанной принадлежностью церковного Предания**, в частности:

- посещение Пресвятой Богородицей Святой Горы Афонской;
- посещение апостолом Андреем Первозванным Русской земли;
- предание о том, что ряд святых Богородичных икон был написан святым евангелистом Лукой;
- житийный рассказ о троекратном глашении преподобного Сергия Радонежского во чреве матери;
- предание о присутствии святителя и чудотворца Николая на I Вселенском Соборе;
- принятую на Руси версию жития преподобного Алексия, человека Божия.

3. В статье **Алексея Горожанина «В защиту Священного Предания от нападок протестантствующих»**, о которой в данном случае идет речь, представлена серьезная система аргументов, со ссылками на исторические источники, творения святых отцов, житийную литературу и исследования современных богословов (всего 15 ссылок, и среди них ни одной интернетной, так что в данном случае этот аргумент не проходит. Согласитесь, что для небольшой статьи это немало). Автор вполне аргументировано показывает, что игумен Петр находится в плену протестантских стереотипов (протестанты, как известно, **в принципе** подвергают сомнению авторитетность Предания, предпочитая опираться лишь в основном на Писание, каковое также становится у них объектом критического анализа) и в этом расходится с православным богословием, для которого богооткровенный характер Священного Предания столь же несомненен, как и богооткровенный характер Священного Писания. В своей обличительной статье в защиту игумена Петра Вы, уважаемый отец Макарий, **вообще игнорируете статью Алексея Горожанина со всеми ее богословскими и историческими аргументами.** В связи с этим к Вам возникает очень простой вопрос: **На каком основании Вы это делаете? Какой критерий позволяет Вам один богословский текст относить к богословию, а другой — к жанру «побивания» камнями»? Не кажется ли Вам, что у читателя вполне законно может родиться мысль об отсутствии у Вас конкретных научных аргументов в этом принципиальном споре?**

4. В другой, упоминаемой Вами, статье «Благодатного огня», написанной **Николаем Кавериным**, приводятся высказывания игумена Петра следующего рода (ссылки см. по оригиналу http://www.moral.ru/blagodat/petr01.html#10):

- утверждение вторичности русской культуры по отношению к западной (к этому положению мы еще обратимся);

• оценка великого русского философа Ивана Ильина: «Глубоко не евангельский философ»;

• аналогичная оценка выдающегося православного писателя Сергея Александровича Нилуса, введшего в оборот множество ныне хрестоматийных страниц нашей церковной истории (чье творчество далеко не исчерпывается пресловутыми «протоколами»): «Кликуша, параноик, духовно крайне нетрезвый человек, фальсификатор»;

• утверждение о том, что инок Филофей (автор идеи «Москва — Третий Рим») пребывал в прелести;

• **прямой призыв к расколу**: *«Вообще-то **я тоже в некотором смысле экстремист.** Я понимаю, что раскол — это ужасно. Но иногда мне (я высказываю сугубо личное мнение) думается, что **неплохо, чтобы было что-нибудь типа раскольчика**. Пусть в него уйдут все зилоты, ревнители, ИНН-исты, геронтофилы (?), национал-патриоты и прочая публика. Пусть в своей церкви делают что хотят».* Здесь игумен Петр выступает как прямой провокатор, прямо подтверждая мой диагноз, высказанный в **«Призраке Второго Ватикана»**;

• совет редакции журнала «Русский дом» *«поработать с хорошим психотерапевтом, а может, даже и с психиатром»*;

• неоднократное осуждение патриотических чувств русского народа, утверждение **несовместимости патриотизма и Православия**, «веры евангельской», и при этом — **однозначная поддержка Израиля в ближневосточном конфликте** (что, по мнению игумена Петра, видимо, отлично совместимо с Евангелием);

• постоянное противопоставление отцом Петром Церкви Христовой и Христа, ценностей церковных и евангельских — снова типично протестантский подход;

• откровенное признание в нелюбви к следующим церковным службам: 1) вмч. Федору Тирону в субботу 1-й седмицы Великого поста: *«Ни одному двунадесятому празднику нет стольких песнопений; вдобавок, все они весьма византийские (т.е. многословные и витиеватые»*); 2) Патриарху Московскому Гермогену: *«Основное ее содержание — ура-патриотическое экзальтированное восхваление Святой Руси»*; 3) всем святым, в земле Российской просиявшим; 4) Казанской иконе Божией Матери — *«поскольку в икосе канона службы написано, что Божия Матерь* ***погубляет*** *не чтущих образ Её»*;

• прямое признание в своей приверженности григорианскому календарю по сравнению с юлианским, а также признание в том, что службы в его приходе совершаются именно по новому стилю.

Почему Вы, дорогой батюшка, стремясь защитить его высокопреподобие, избегаете вообще какого-либо упоминания об этих высказываниях игумена Петра, а также того, чтобы выразить свою собственную позицию по этим и многим другим, не упомянутым мною сейчас вопросам, упирая лишь на нелепый и несостоятельный в свете вышеизложенного тезис о «побивании камнями»? Не затруднит ли Вас сделать это теперь? Если в ссылках, по Вашему мнению, присутствуют неточности и искажения мысли игумена Петра, не могли бы вы указать на это конкретно?

5. В упомянутой Вами статье **Татьяны Петровой «Игумен Петр (Мещеринов) и предмет ОПК»** приведен целый ряд конкретных высказываний Его высокопреподобия по вопросу о введении в государственной школе России предмета «Основы православной культуры» и также представлены возражения автора. **Почему Вы в данном случае избегаете какой-либо конкретной дискуссии по этому вопросу и вообще всякого упоминания о знаменитом (не побоимся этого**

слова) докладе игумена Петра «Размышления о преподавании ОПК» (Церковный вестник. 2007. № 1–2); http://tserkov.info/numbers/formation/?ID=2036)?

6. Поскольку тема культуры особенно близка мне, приведу поразившее меня высказывание игумена Петра из этой статьи: *«Вне храмовой сферы жизни серьезно говорить о культуре* (в России, — *В.С.*) *можно лишь с периода правления Петра I... Все то, что ассоциируется у людей с собственно культурой, имеет на Руси западное происхождение, проникая до Петра I через высшие слои общества эпизодически...»* Научная несостоятельность такого подхода слишком очевидна. Все собственно научные аргументы подробно изложены мною в статье **«Христианская цивилизация — новый перелом»** (см.: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/071002131252). **Как бы Вы могли оценить автора данного высказывания в качестве культуртрегера, просветителя, катехизатора и миссионера? Соответствует ли он своему назначению с таким уровнем и такой направленностью понимания русской культуры? Или, быть может, Вы разделяете его позицию? Тогда хотелось бы услышать Ваши аргументы (в ответ на упомянутую выше мою работу).**

7. Но все вышеизложенное меркнет по сравнению с тем, что Вы позволяете себе в отношении меня, теряя всякое представление о приличиях. Вначале Вы иронизируете по поводу следующего моего положения, взятого, кстати, из совсем другой статьи — **«Наши новые миссионеры»**[4]: *«Задача проповедника, миссионера... в том, чтобы пробудить, вызвать к жизни дремлющие социокультурные и духовные коды»*. Во-первых, при чем тут «Благодатный огонь» и игумен Петр, о котором в этой статье вообще не упоминается? Во-вторых, замечу, что в данном случае фраза сильно сокращена, вырвана из контекста, а мысль автора вообще непонятна. Налицо обычный грубый прием, который, мягко выражаясь, называется передергиванием. В оригинале это звучит

следующим образом: *«Из... краеугольного положения о реальном существовании исторической памяти в сознании народа следует и основной принцип миссии, как она должна пониматься в собственно православном контексте, с позиций именно Православной Церкви.* ***Задача проповедника, миссионера — не в том, чтобы написать на религиозно девственном сознании современного человека свои произвольные письмена, а в том, чтобы пробудить, вызвать к жизни дремлющие социокультурные и духовные коды, помочь людям осознать свое Православие не просто как культурную традицию, составляющую основу самоидентификации человека в истории и в окружающей реальности, но как именно веру, как двустороннюю связь со Христом, побудить его к началу активной церковной жизни»*** (см.: http://www.rusk.ru/st.php?idar=112074). Таким образом, вопрос здесь ставится принципиально: реальна ли историческая память народа, и тогда в принципе понятно, как действует Традиция в сознании людей, или же никакой исторической памяти не существует? **Если Вы разделяете именно последний взгляд, то, во-первых, как это соотносится с Православием и, во-вторых, как, по-Вашему, следует в таком случае строить миссионерскую работу? Почему Вы, приводя мое высказывание, намеренно (что очевидно) делаете неясным для читателя вашей статьи весь принципиальный контекст спора, грубо оглупляя мою мысль? И каким образом эта мысль о реальности исторической памяти в сознании народа (конкретно — русского народа) может привести к «распространению слуха между верующими, что-де миссионеры в опале... церковная миссия сворачивается»? Кто конкретно доносит до вас эти слухи?**

8. Разрешив себе не утруждаться аргументами, Вы пытаетесь дискредитировать оппонента (то есть меня) при помощи приемов, которые никак не назовешь приличными. Сначала Вы сравниваете меня с «бабушкой», которая упрямо, несмотря на увещевания священника,

«ставит на гроб стакан с водкой» (?!). Кстати, поздравляю с сильным образом. Не желая уподобляться Вам в передержках, приведу этот очаровательный пассаж: *«Так скажешь, бывает: "Бабушка, не надо ставить на гроб стакан с водкой, это суеверие..." — и можешь быть уверен заранее, что бабушка сделает по-своему: она лучше знает, хоть ты ей кол на голове теши. В точности так же отреагировал и сочинитель. Да и в самом деле, о чем ему беспокоиться? За что и перед кем (в этой жизни) он отвечает? Свобода слова при нем, а уровень его самомнения и упрямства не ниже бабушкиного. Разница лишь в том, что бабушка вредит себе самой да соседям, а он разрушает всю Церковь».* Дальше Вы сравниваете меня с теми, кто противился воссоединению РПЦ и РПЦЗ: *«Сам по себе сюжет не нов. В частности, он уже был отработан во время нашего воссоединения с Зарубежной Церковью. Хотя в целом усилия разрушителей потрачены впустую, тем не менее некоторые миряне и малоопытные клирики, особенно нерусские* (??), *оказались в результате оторваны от церковного общения, а кое-кто угодил прямо к сектантам-самосвятам. И вот, та же технология* (?!) *сейчас идет в ход в еще более широких масштабах».* Окончательно «убойным» Вам, видимо, представляется, заключительный пассаж из тех, что посвящены мне персонально: *«Агрессия и безответственность — гремучая смесь. Ничто не мешает коллективу сочинителей, "осудив" Церковь за те же или иные "провинности", клеймить и осуждать ее по радио, по телевизору, в печати и в Интернете вместе с каким-нибудь самозваным "суздальским митрополитом", "иеромонахом Григорием" и другими проходимцами. Спрос на такой товар в наше время гарантирован».*

На профессиональном языке журналистики такой прием называется *«склейка»*. Вместо того чтобы обсуждать (соглашаясь или оспаривая по существу) ***идеи***, изложенные в статьях «Призрак Второго Ватикана» и

«Наши новые миссионеры» (какие могут быть принципиальные подходы к миссии; насколько обоснованна мысль о том, что синодальные структуры довольно сильно засорены людьми с либерально-революционным сознанием; правильно ли, что «фундаменталистское» «Обращение» епископа Диомида на руку лишь «церковным» и околоцерковным либералам, то есть прямым врагам Церкви, и т.д. и т.п.), Вы последовательно «слепляете» создаваемый Вами мой виртуальный образ: с суеверной бабушкой, с малоопытными нерусскими (!) клириками, угодившими к сектантам-самосвятам, и, наконец, с суздальскими раскольниками. Применение данного приема должно, по идее, привести к **подсознательному отождествлению** читателем подлежащего развенчанию и дискредитации персонажа с теми нехорошими явлениями жизни (назовем это так), с которыми его «склеивают». Все это подробно описано в учебниках по информационным технологиям.

Я, разумеется, не обязан доказывать, что я не верблюд и не имею с Суздалем, самосвятами и мифической бабушкой (где только нашли такую! Может, выдумали?) ничего общего, а вместо этого спрошу: **Скажите, дорогой батюшка, Вы что же, всерьез убеждены, что можно одержать верх в полемике, подменяя принципиальный разговор грубой «склейкой»?** Люди-то читать умеют, и Вы, конечно же, хорошо осведомлены о том, какое впечатление произвели среди православной общественности, да и в экспертно-аналитических и политических кругах вышеупомянутые статьи. Иначе чем объяснить вызванную ими истерику среди ряда представителей оных кругов? Второй вопрос, примыкающий к предыдущему: **Судя по владению второй древнейшей профессией, Вы ей где-то хорошо обучились. Вы какое образование-то получили, живя в США, когда еще не были православным иеромонахом?** И еще об одном не могу не спросить. ***На всякую технологию есть, как известно, экспертиза.*** **Готовы ли Вы за свои грязные**

намеки в мой адрес (касательно моей причастности к раскольникам и сектантам) отвечать перед церковным судом, которым так любит грозить своим обливаемым грязью оппонентам столь любимый вами «публицист» Фролов?

9. Вы приводите следующую цитату из статьи «Призрак Второго Ватикана»: *«Есть вещи, которые, безусловно, следует понять нашим владыкам, представителям высшего клира, носителям церковной власти»* — и комментируете ее так: *«Полагаю, даже г-н Семенко с соавторами не питает иллюзий о своих способностях инструктировать в таких тонах русских архиереев. Следовательно, пишется это совсем с другой целью: добавить энергии процессу разбрасывания камней, процессу деконструкции (?!) Церкви, подмены ее иерархии какимнибудь «большинством» или другим соблазнительным словечком. Недуг этот нам хорошо знаком из истории Церкви; о нем упоминал Святейший Патриарх в связи с недавним юбилеем восстановления Патриаршества на Руси. Опознают его многие серьезные авторы — протоиерей Всеволод Чаплин, публицист К. Фролов и другие. Но это отнюдь не повод к равнодушию».*

Здесь позволю себе заметить для начала, что вряд ли Святейший Патриарх Алексий[5] и протоиерей Всеволод сильно порадуются тому, что Вы поставили их в один ряд с лишенным всяких представлений о морали безграмотным графоманом и карьеристом Фроловым. Но здесь пусть они разбираются с Вами сами, своей, так сказать, иерархической властью (если захотят). Я, со своей стороны, лишь продолжу цитату, которую Вы так ловко оборвали. В работе «Призрак Второго Ватикана» на самом деле говорилось: *«Есть вещи, которые, безусловно, следует понять нашим владыкам, представителям высшего клира, носителям церковной власти.* ***Тактика “замыливания”, столь типичная для членов Синода, оказалась идеальной в ситуации уже разгоревшегося скандала*** (имеется в виду, вокруг «Обращения»

владыки Диомида)***, но она не может до бесконечности применяться в решении реально стоящих перед нашей Церковью проблем...*** *игнорировать проблемы, делать вид, что их нет, ничего не делать, надеясь, что все как-то рассосется само собой, — плохой способ решения этих самых проблем, плохая политика».* Итак, суть того, что я хочу здесь сказать, заключается в очень простой мысли: **рано или поздно реальные проблемы, стоящие перед Церковью, придется решать, до бесконечности оттягивать это решение — контрпродуктивно**. Но ведь игумен Петр, которого Вы так рьяно защищаете, фактически говорит то же самое, только видит он эти проблемы совсем иначе, да и ставит их по-другому! **Почему, с Вашей точки зрения, одним членам Церкви говорить о ее проблемах можно, а другим нельзя? Кроме того, на каком основании Вы полагаете, что когда я говорю об «умеренно-консервативном большинстве» в Церкви, то заведомо исключаю из него архиереев?** У меня такой мысли не было! Ибо подавляющее большинство наших владык вполне подпадают под определение «умеренный консерватор».

10. Но наименее достойно Вы, на мой взгляд, выглядите, когда пытаетесь приписать мне и авторам «Благодатного огня» стремление «осуждать Церковь». Осуждать Церковь, то есть церковную полноту, для православного человека невозможно, ибо она непогрешима! **С каких пор отдельные клирики и приближенные к ним миряне (а в ЦДРМ большинство сотрудников именно миряне), да еще и с очень сомнительными взглядами, вызывающими большое смущение в церковном народе, стали отождествляться с церковной полнотой? Это какое-то новое слово в экклезиологии!** Напротив, это именно игумен Петр и его, пока еще, слава Богу, немногочисленные сторонники стремятся навязать свои крайне сомнительные взгляды и практики церковной полноте! Применяя такой, с позволения сказать, «подход», Вы в полной мере уподобляетесь упомя-

нутому Вами «публицисту» Фролову, для которого Церковь тождественна не просто даже церковной иерархии, а тем чисто бюрократическим (ну или «менеджерским») синодальным структурам, которые обеспечивают повседневную деятельность некоторых представителей иерархии. В связи с тем, что особое напряжение в определенных узких кругах вызвали мои слова о некоторых «менеджерах среднего звена», пребывающих в оных структурах и готовящих либеральный переворот в РПЦ, очень хочется Вас спросить: **Скажите, честный отче, Вас совсем не интересует, *кто конкретно имелся в виду?* И не кажется ли Вам, что столь странное отсутствие столь естественного интереса к такой животрепещущей теме может побудить кого-то из читателей предположить, что у Вас имеется на сей счет все же некое знание?**

11. Чуть ниже выясняется, что Вашу позицию, если сказать мягко, никак не назовешь объективной и беспристрастной. Ибо, требуя от нас ответственности (и обвиняя в безответственности), **Вы выдаете индульгенцию, разрешение на безответственность самому игумену Петру и его соратникам,** мотивируя это тем, что *«так называемые "живые журналы" — это, по существу, чьи-то личные дневники, но открытые для всеобщего обозрения и комментариев. К ним тесно примыкают всевозможные форумы, дискуссионные группы, обсуждения книг и статей и т.п. Их скорее следует назвать частным разговором, нежели публикацией. Но разговор этот фиксируется, запоминается и воспроизводится по первому требованию всех желающих!»* Ну, это уже просто из области «следите за рукой»[6]. Даже очень недалеким людям понятно, что ***личный*** дневник не выставляется в ***публичном*** пространстве, а, напротив, скрывается от посторонних глаз и в виде исключения может быть показан только **очень близким** людям. Я всегда говорил, что либеральная совесть — большая загадка для обычных людей, обладающих элементарным

здравым смыслом. Итак: когда игумен Петр на страницах своего ЖЖ призывает вытолкнуть в раскол тех православных людей, которые ему не нравятся (а таких, кстати, большинство), он за это отвечать не должен. Это же «личный дневник»! (Прочитать его, правда, может кто угодно). Когда Курова на своем ЖЖ говорит, что «Семенко зовет народ в ИПЦ» (то есть, опять же, в раскол), она за эту **прямую клевету** отвечать не должна. Когда лишенный всяких остатков совести Фролов в своем ЖЖ (это опубликовано и на сайте ЦДРМ) утверждает, что я обвинил (!) Малера в его полуеврейском происхождении (в действительности сам Малер цинично торговал своим происхождением, пытаясь сформировать произраильское лобби в РПЦ и выдавая себя за очень влиятельную фигуру, что очень смешно)[7], а Курову — в противоестественных пороках (в действительности речь шла о том, что она размещает в своем ЖЖ порнографические рисунки, и после публикации ссылки были тут же закрыты), то он за это отвечать не должен. А когда я на одном из ведущих православных сайтов пишу, например, что «Вы, батюшка, что-то зарапортовались», то я за это, естественно, отвечать должен! Браво! Тут даже и не знаешь, что спросить. Разве что сакраментальное: **НЕ СТЫДНО?**

12. *«Свобода слова всегда при нем».* **Можно ли это понимать так, что г-н Чапнин, предоставивший Вам страницы «ЦВ», который за последние годы превратил официальную общецерковную газету почти что в орган ЦДРМ, с радостью опубликует мой ответ Вам? Кстати, раз Вы у него теперь постоянный автор, не поспособствуете?**

13. В заключение Вы ссылаетесь на Святейшего Патриарха Алексия и на некоторые синодальные документы. Спасибо, что напомнили, что у нашей Церкви есть, оказывается, Предстоятель и богоустановленное священноначалие. А то я, как стихийный и безответственный анархист, разбрасывающий камни, как-то за-

памятовал. (Не то что такой ответственный и серьезный автор, как уважаемый Вами г-н Фролов, вот уже немалое время мужественно воюющий с Архиерейским собором УПЦ МП, называя оный «случайным собранием архиереев».) Особенно меня вдохновила Ваша ссылка на высказывания Святейшего Патриарха Алексия на епархиальных собраниях. Здесь хотел бы напомнить две вещи. Первое. Никакого отношения ни ко мне, окаянному, ни к редколлегии и авторам «Благодатного огня» сии критические высказывания не имеют! Принципиальное одобрение Патриархом деятельности журнала выражено, например, вручением главному редактору С.И. Носенко церковного ордена по указу Святейшего. Сами же Вы и начали статью с совсем недавнего высказывания Патриарха, одобряющего издательскую политику редколлегии. **Следует ли воспринимать Вашу статью как попытку сформировать иное мнение и таким образом «управить» нашим предстоятелем (то есть сделать как раз то, что вы приписываете мне)?** Второе. Вообще-то учения о чьей-либо непогрешимости, за исключением всей церковной полноты, в нашей Церкви нет, и это должно быть Вам хорошо известно. Но если уж говорить о людях, самочинно **противопоставляющих свои частные богословские мнения официальной позиции Церкви,** выражаемой Святейшим Патриархом, то вот Вам совсем свежий пример. На епархиальном собрании Москвы 24 декабря 2007 года Предстоятелю был задан вопрос, касающийся предлагаемой некоторыми богослужебной реформы. Он ответил буквально следующее: *«Мы получили много письменных вопросов. На один из них отвечу сразу — относительно "подготовки литургической реформы в Церкви", которой нет и быть не может. Те, кто порой высказывает частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чем в свое время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, ее уставы и правила выраба-*

тывались тысячелетиями и они должны свято соблюдаться. Никакого пересмотра текста Великого канона преподобного Андрея Критского не будет. Церковь наша в трудные времена гонений и испытаний выстояла, сохраняя незыблемой свою традицию. Эту традицию должны свято беречь и мы. Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться ***частными высказываниями людей, пытающихся возвратить нас во времена обновленчества****»* (см.: http://www.patriarchia.ru/db/text/356093.html).

Готовы ли вы, дорогой отец Макарий, в этом вопросе полностью и безоговорочно присоединиться к позиции Его Святейшества и отмежеваться от осуждаемых им неообновленцев, которые порой склонны выдавать свои частные богословские мнения чуть ли не за официальную позицию Церкви? Или солидарность с Патриархом у вас избирательная?

P.S. В общем, думается, читателю уже вполне ясно, что Ваши туманные претензии на то, что Вы или та квазицерковная группировка, которую Вы, по всей видимости, представляете, готовы взять на себя роль добровольных цензоров нашей православной литературы, включая периодику, мягко говоря, не совсем обоснованны. **ИЛИ ВЫ ОТВЕТСТВЕННО НЕ СОГЛАСНЫ?**

Засим остаюсь, всегда Ваш соработник во Христе,
недостойный р.Б. Владимир Семенко

Примечания

[1] Ответ на выступление иеромонаха Макария (Маркиша), так и не опубликованный «Церковным вестником». Представление о свободе слова у церковных либералов довольно одностороннее...

[2] См. главу первую книги.

[3] На момент написания статьи. Впоследствии Ю. Максимов все же вышел из редколлегии, хотя и сохранил с редакцией вполне дружеские отношения.

[4] См. главу вторую книги.

[5] Писалось в феврале 2008 года.

[6] Деятельность многих православных блоггеров была вскоре подвергнута весьма жесткой критике руководителем пресс-службы Московской Патриархии отцом Владимиром Вигилянским.

[7] Об этом см. следующую главу — «**Квартеронское счастье “православных неоконов”**».

Квартеронское счастье «православных неоконов»

Обитатели двойного дна рвутся на поверхность

События, в которые мне поневоле пришлось быть вовлеченным в связи с выходом серии моих статей о проблемах нашей церковной жизни, достаточно поучительны. Поучительность их состоит прежде всего в том, что те, кого я с намеренной смысловой натяжкой называю «либеральные христиане», когда речь заходит о них, естественно, не могут не реагировать. Но реакция эта, чем она интенсивнее, тем все в большей степени избавляет меня и моих единомышленников от необходимости дальнейшей самостоятельной работы в данном направлении, поскольку являет собой ярчайшую картину тотального, абсолютно бесстыдного и абсолютно проигрышного саморазоблачения. Исследователю, возложившему на себя неблагодарную, но общественно полезную роль «чистильщика», остается просто собирать урожай — занятие, в коем чувство удовлетворения от точности собственного диагноза заметно портится от ощущения всевозможных неаппетитных запахов. И чем точнее попадание, чем адекватнее реальности сам диагноз, тем сильнее источает свои ни с чем не сравнимые запахи соответствующая субстанция.

Главное свойство данной субстанции, так любящей именоваться «новой» («новые правые», «новые консерваторы» — «неоконы», да и на здоровье — «новые миссионеры»), — «фирменная» двусмысленность, «двойное дно» сознания (что неразрывно связано с размыванием четких мировоззренческих и нравственных критериев), эта непременная принадлежность той постмодернистской скверны, которая ныне проникает и в земную Церковь, заливая с ног до головы тех, кто не умеет данную субстанцию распознавать либо просто недостаточно разборчив.

Но даже на фоне этой привычной для них среды г-н Малер являет собой какой-то гипертрофированно неприличный уникум. Прежде чем перейти к наиболее пикантным чертам в портрете данного господина, укажем на одну, вполне парадоксальную и вполне постмодернистскую черту, весьма странную для человека, позиционирующего себя как исследователь. Эту черту один мой друг как-то сформулировал исчерпывающе просто: «Малер слишком самовлюблен, чтобы читать чужие тексты». Повод, по которому сей горе-мыслитель вдруг вознамерился со мной бороться, со свойственной для него самонадеянностью решив, что у него это хорошо получится, для читателей, следящих за событиями, достаточно общеизвестен. В данном случае дело не в нем. Казалось бы, если ты с человеком борешься (причина в данном случае не важна, это же твое желание, а не чье-то. Или все-таки чье-то?), то потрудись собрать о нем информацию, изучить его тексты (на одной «Русской линии» несколько десятков ссылок), сколь бы они ни казались тебе ничтожными. И если они и в самом деле столь ничтожны, как ты полагаешь, тебе же проще будет. Я, например, скрипя зубами, именно так и поступил с текстами самого Малера, как и с их абсолютно убийственной критикой, принадлежащей ряду авторов, о чем придется еще сказать. Но нет, Малер, как капризный избалованный младенец, даже не может

скрыть своих нарциссических комплексов, своего просто в гены внедренного презрения к «внешним», наивно выбалтывая их, полагая, что тем сможет лишь больше унизить оппонента.

«Я никогда не обращал внимания на критику в адрес Семенко просто потому, что никакими своими проявлениями этот человек меня не заинтересовывал — не черненький, не беленький, просто есть, и всё, но вот прошел уже не один год и ***господин Семенко заставил меня посмотреть в свою сторону****, когда я узнал, что на сайте "Русская линия" вышла его статья "Атипичное православие, или 'Матронушки' со 'Свободушки'. Подлинное лицо 'церковных' либералов", написанная против известной мне православной публицистки Ольги Куровой, в замужестве Гумановой. Поскольку****, по моему мнению****, Ольга Курова — достаточно интересный современный церковный публицист, пишущий на весьма актуальные, а не вымышленные темы, то я крайне удивился и* ***решил, что называется, впервые в жизни прочесть статью Владимира Семенко».***

Я всегда знал, что у этих «новых» нагло и беспардонно передергивать, да еще и перекладывать с больной головы на здоровую считается вполне допустимым, поскольку представление о нравственных критериях довольно своеобразно, если не сказать прямо — размыто. Но перед тем, что позволяют себе в последнее время Фролов и Малер, меркнут любые грязные приемы моих, так сказать, «традиционных» либеральных оппонентов. Г-н Чапнин рядом с Малером — это просто рафинированная интеллигенция. Дальше Малер так объясняет повод для своего выступления:

«47-летний общественный деятель (?) пишет огромную (?) статью против молодой (?) журналистки[1]*, из которой следует ее обвинение в подрывной, раскольнической деятельности в Церкви, связи с компрадорским бизнесом, ЦРУ и КГБ одновременно, а также оккультизме, алкоголизме, порнографии, разврате и зоофилии.*

Как писал Бродский, "меня обвиняли во всем, окромя погоды". При этом единственным источником для своих наблюдений Семенко выбирает... ее ЖЖ, то есть "Живой Журнал" в Интернете, который Курова ведет под ником samurfila. Стоит продолжать?»

Любой, кто читал статью «Атипичное православие», прекрасно видит, что все вышеизложенное — как раз фантазия самого Малера, который, грубо передергивая, делает вид, что владеет приемами полемики. Эта работа, для которой я никак не мог выкроить время еще с весны, имеет одну-единственную цель — показать на примере Куровой феномен двойного сознания, проникающий внутрь земной Церкви, объяснить на этом примере недопустимость восприятия веры в качестве роли, в качестве верхней одежды, которую при случае вполне можно снять и пуститься во все тяжкие, демонстративно бравируя «широтой» своей натуры, попытаться взглянуть на привычную для этих «новых» постмодернистскую двусмысленность глазами классической христианской морали. У всех нормальных (по Малеру, «фатально несовременных») людей знакомство с работой, построенной почти исключительно на цитатах из самой Куровой, вызывает одинаковое чувство гадливости, которое лишь усиливается оттого, что сия дама позиционирует себя в качестве именно **православного** деятеля, просветителя и миссионера. Какой смысл обвинять того, кто сам себя великолепно разоблачает? Заслуга в собирании всего этого паноптикума, который я именую «бобком», используя великолепный образ Достоевского, принадлежит В.Г. Манягину, что общеизвестно. Действительно лень было приводить еще другие примеры этого агрессивного «бобка», полного нравственного разложения, попирающего самые элементарные нормы, да при этом еще претендующего на «место под солнцем». Например, конкурс на лучшее юмористическое (!) стихотворение, объявленный Куровой в связи с тем, что несколько отморозков открыли стрельбу по детям (дока-

тился и до нас этот американский обычай): «Продавец, студент и школьник обстреляли детский сад»... Такая, понимаешь, христианская реакция венчанной жены и будущей православной матери... Как смешно: детей чуть не убили, тяжело ранив при этом... Однако для малеров апелляция к базовым нормам классической морали, напоминание о том, что существуют в культуре элементарные табу, запреты **и без них классическая культура немыслима**, есть клевета и доносительство. Распоясавшийся в постсоветские годы «бобок» вседозволенности, не мыслящий жизни без специфического остренького удовольствия от собственного и своей «новой» тусовки нравственного гниения, вдыхающий смрадные запахи этого гниения, как услаждающий аромат постхристианской посткультуры, всякое напоминание о запретах и нормах с визгом оскорбленной невинности тут же спешит заклеймить как донос, «совок» и тоталитаризм, посягательство на свободу. Все это мы проходили на примере «героев» выставок «Осторожно, религия», «Россия-2» и прочих кощунств постмодернистов. Разница лишь в том, что те не именовали себя христианами и не выступали от имени Церкви. Не желая заниматься самоцитированием, приведу слова выдающегося пастыря и проповедника наших дней протоиерея Александра Шаргунова:

«Можно видеть, что человеческая нравственность и культура проходят через три... этапа. Во-первых, могут сохраняться листья, цветы и даже плоды традиционной христианской нравственности и культуры, но связь с корнями — с верой в Живого Бога — все более ослабевает и совсем утрачивается. ***Постепенно Бог становится просто ненужным, превращаясь в абстрактную “надстройку”****, которую можно упразднить: достаточно для достойной жизни следовать требованиям естественного разума и совести.*

На втором этапе человек, будучи не в состоянии обеспечить порядок жизни, восстает против есте-

ственных норм нравственности и их Творца: революция 1917 года в России и продолжение ее сегодня в новой революции — ***перевороте Божественного и нравственного порядка, утверждающего грех как норму.***

На последнем, третьем этапе требуется как бы ***освящение греха*** *— то* ***смешение святыни с грязью****, о котором как о "тайне беззакония" внутри Церкви пишет апостол Павел во Втором послании к Солунянам».*

В свое время я чисто аналитически разобрал этот феномен в работе **«Трансформация нормы как информационная технология»** (http://www.rusk.ru/st.php?idar=110767) на примере «идеальной грешницы» **Луизы Вероники Чикконе** ("Мадонны") и **романа Дэна Брауна «Код да Винчи»**: зло не просто выступает в качестве нормы, оно желает «освятиться», апеллируя к той самой христианской нравственности, которую попирает.

Однако, поскольку, по Малеру, я Курову «оклеветал», а апелляция к первоисточнику (авторство которого отрицать невозможно) здесь — вполне естественная реакция, ему нужно так изощриться, такой финт ушами изобразить, чтобы, при всей достоверности источника, сам аргумент, саму ссылку выставить как несостоятельную. Делает он это в своем фирменном, очаровательном стиле, который я не могу назвать иначе как наивной наглостью, что, впрочем, не делает его аргументацию убедительной.

«Для тех, кто еще не в курсе: ЖЖ — это абсолютно анархический интернет-ресурс, который совершенно бесплатно может завести себе кто угодно и в любом количестве. Это ***"забор", на котором кто угодно пишет что угодно и не несет никакой ответственности просто потому, что нет никаких документальных способов установить его авторство.*** (Что, конечно, наглая ложь, расчет на некомпетентность читателя. См. об этом ниже в связи с ЖЖ самого Малера.) *Например, вы можете завести себе ЖЖ с именем и фотографией любого другого человека, того же Семенко, и писать там*

что вздумается. (Это что, подсказка кому-то? Пользуясь случаем, ответственно заявляю: никакого ЖЖ у меня нет и никогда не будет. У меня есть достаточно способов самореализации и без виртуальных помоек.) *Именно поэтому* ***отношение к информации из ЖЖ — заведомо несерьезное. Кто хочет — верит ей, кто не хочет — не верит****.* (Вот так вот! Есть-де у нас такое пространство, где мы можем творить все что вздумается, и принципиально настаиваем на своей безнаказанности. Главное — не относиться серьезно к «информации».) *Конечно, если человек желает, чтобы его в обществе воспринимали серьезно, то он и соответствующе ведет себя в своем ЖЖ и признает его авторство.* (Ага, все-таки!) ***Поэтому*** *(?!)* ***в обществе массовой и неконтролируемой информации, в котором мы все сейчас живем****, ценна не сама информация, а ее качество — достоверность, компетентность и авторитетность ее источника. И ссылаться в официальных СМИ на ЖЖ — это просто смешно.* ***Тем более смешно ссылаться на те тексты в ЖЖ, которые очевидно являются откровенным стебом и "шумом", легко различимыми любым современным человеком».***

Я не очень понимаю, что такое «компетентность информации», но общий посыл вполне понятен. Мы, конечно, авторство признаем, только это, так сказать, несерьезное авторство, потому что пишем со стебом и на заборе. Если такая двусмысленность и легковесное отношение к слову не постмодернизм, то что тогда постмодернизм? (Здесь, кстати, вопрос, как к «христианам»: а Христос, Божия Матерь, апостолы и святые — писали когда-нибудь «на заборах»? И как у Них со стебом? Ах, да, чуть не забыл: отсутствие «стеба» и двусмысленности, неумение различать словесный «шум» — это же «фатальная несовременность»... Бедные подвижники, так и умерли, не просвещенные Малером...) Только как же при этом понимать другой посыл, устойчиво исходящий сейчас **из той же среды**, который, в частно-

сти, беспрецедентно долго транслировало **в новостном формате** «Эхо Москвы»: «ЖЖ — это миссионерское пространство, которое вполне может конкурировать с традиционными СМИ»?[2] Идея, активно продвигаемая, в частности, приятелем Малера К.Фроловым. (Да еще и пытаются вовлечь в это «писание на заборах» архиереев и священников.)

Тщательное «замыливание» Малером проблемы церковного либерализма, могущее выглядеть убедительно лишь для совсем некомпетентных читателей, вряд ли нуждается в особых комментариях. Это давняя «мулька» этих «новых» о том, что никакой либеральной экспансии в нашей Церкви нет и все разговоры об этом — плод больного воображения. *(«Это всего лишь ветряная мельница, причем нарисованная».)* Здесь они транслируют «мнение сверху». Только как же быть, например, с письмом, приводимым нами в Приложении? Это письмо — свидетельство того, что ситуация, связанная **с планомерной экспансией разлагающих либеральных влияний в РПЦ, осуществляемых руками сектантов и под предлогом «миссии»**, начинает прорываться сама, без всякого моего скромного участия. «Миссия»-то в данном примере касается не инославных, не иноверцев и не атеистов, а вполне укорененных православных, более того — активно трудящихся в своем приходе! Это письмо простых православных людей, не пожелавших молчать, — лишь первый прорыв в ряду множества свидетельств, которые также могли бы состояться, если бы люди просто **элементарно не боялись**.

Или как прикажете комментировать, например, недавнее сообщение, прошедшее по ряду информационных агентств и зачитанное, в частности, по «Радонежу», из которого очевидно, что ***впервые с начала 90-х отец Георгий Кочетков и его сторонники заседают за одним столом с представителями высшего клира РПЦ,*** *и говорят они о:* ***сокращении постов и молитвенного правила перед Причастием, сокращении утренних***

и вечерних молитв, русификации богослужения *(!!!),* ***совместных молитвах с инославными*** *и прочих элементах из «джентельменского набора» неообновленцев*[3]*. «Второй Ватикан» на марше? На фоне всего этого приведенный Малером (в общем, довольно слабо знающим внутрицерковную реальность) «мракобесный» пример с закрытием («по доносу фундаменталистов») коммерческого магазина игумена Мельхиседека, открытого им на территории Оптинского подворья без ведома священноначалия, выглядит просто анекдотом.*

Но главная песня Малера как вполне типического персонажа — это, натурально, национализм, тема русского национализма в Церкви. Конечно, поначалу нельзя не заступиться за признанного лидера либерального лобби, за того, с кем они, как известные два рыбака, видят (а может, по запаху узнают) друг друга издалека, — за его высокопреподобие игумена Петра (Мещеринова).

«Из новых имен Семенко поднимает и больше всех возмущается деятельностью отца Петра (Мещеринова)[4]*, игумена Свято-Данилова монастыря. Поскольку шум вокруг отца Петра был довольно большой* (во-первых, не был, а есть, а во-вторых, субъект этого «шума» довольно многочислен и не сводится к отдельно взятым персонам. — *В.С.*), *я решил пойти на специально организованную с ним встречу в моем родном (?) Институте философии РАН, где он прочел лекцию на тему "Евангельские ценности в современном мире" и выслушал* ***очень много серьезных вопросов и претензий*** (ага, все-таки?) ***от профессиональных православных богословов, философов и публицистов****. В результате мне стало ясно, что, конечно, отец Петр (Мещеринов) —* ***нормальный христианский священник, излишне напуганный националистическими и "опричными" тенденциями в околоцерковной среде и желающий напоминать нашей публике такую простую истину, что Церковь — универсальна и надмирна, что ее миссия выходит за пределы государственных интересов и нацио-***

нального возрождения России. А что в этом нового? Так оно и есть. Интересы Церкви выше интересов любого государства и любой нации. Любой этатизм и любой патриотизм могут быть оправданы только в библейско-христианской перспективе, иначе это просто проявление гордыни и язычества, и не более того. Если это либерализм, то я — либерал*, но зачем подменять понятия?* ***Русский церковный консерватизм состоит не в том, чтобы максимально "национализировать" Церковь, а в том, чтобы воцерковлять Россию и русский народ****, использовать государственные и национальные ресурсы в интересах Церкви. При этом необходимо трезво осознавать все историческое и геополитическое значение России и русских для самой Церкви* ***и быть благодарными "этой стране" и "этому народу", ценить и уважать его особую идентичность, тем более что вне христианской основы она просто исчезает.*** (С последним не могу не согласиться. — *В.С.*) *И этого вполне достаточно. Но какие могут быть требования к нашим "церковным либералам" сверх этой нормы?* ***НЕВОЗМОЖНО ЗАСТАВИТЬ ЛЮБИТЬ РОССИЮ — ЭТО ЧУВСТВО ЛИБО ЕСТЬ, ЛИБО НЕТ (***что верно, то верно. — *В.С.*)***, а тем более ее историческую государственность****».*

Итак, русский православный игумен настолько напуган русским национализмом (который ему, как православному игумену, конечно же, смертельно угрожает), что никак не может молчать, не может примириться с таким безобразием и упорно напоминает нам о евангельских, новозаветных нормах («несть эллина и иудея» и т.д.) Любой национализм, вторит ему Малер, может быть оправдан исключительно в «библейско-христианской» перспективе (почему, кстати, не сказать просто «в христианской», разве христианство может противоречить Библии?); иначе это гордыня и язычество. «Этой стране» и «этому народу» надо, конечно, быть благодарными, тем более что вне христианства они теряют идентичность, но при этом их надо воцерковлять. В этом

и заключается «консерватизм». Кто же будет воцерковлять, кто, так сказать, субъект «миссии», ибо с объектом все понятно? Из других текстов Малера понятно, кто этот самый субъект:

«Существенным know how ***русских неоконов*** *остается ясное* ***понимание того, что в постмодернистском XXI веке сила масс ничтожна по сравнению с возможностями элит (!)****. Лучше правильно бить в одну правильную точку, чем вхолостую стрелять во все стороны (?).*

Поэтому ***русские неоконы — безусловные элитаристы, у них нет иллюзии всеобщего равенства и надежд на скорую и обязательную справедливость, и эту элитаристскую позицию русские неоконы проецируют на положение самой России в окружающем мире.*** *Да, Россия должна спасти весь мир, и в этом смысле Россия действительно "всем должна", но именно поэтому все должны самой России... Что должны?* ***Это вам подскажут русские неоконы: новые реакционеры справа, фанатичные исполнители Русского Смысла Истории».***

Когда читаешь подобного рода напыщенно-пустые тексты в стиле Дугина, Джемаля и К°, где автор, которого вдруг «прорвало», выбалтывает самое сокровенное («это я, я — элита, я и мои «соратники», и мы вашу «массу» будем «воцерковлять»»), поневоле закрадывается сомнение: это что же за неведомый нам (читавшим все же еще двадцать лет назад и Ильина, и Леонтьева, и Тихомирова, и Солоневича, и многих других) «Русский Смысл Истории» вдруг открылся этим самым «неоконам», как черт из табакерки, выпорхнувшим вдруг из рук Стаса Белковского? Не окажется ли этот вожделенный смысл намалеванным на постмодернистском «заборе», к которому нас только что призвали не относиться всерьез?

«Неоконовское» понимание Православия и неотделимой от него церковности устойчиво напоминает либеральное (в чем почти признается и сам Малер):

«Товарищ Семенко, хотите вы того или нет, но "душа веры" (допустим такое понятие) может существовать в самых разных состояниях — и внутри конкретной "социокультурной традиции", и вне нее, и внутри какого-то "культурного тела", и вне него. ***Не надо говорить за всех. В СОВРЕМЕННОМ, ГОРОДСКОМ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ есть очень много людей, которых отпугивает в Церкви ее этнографическое и архаическое оформление****, которое бывает необходимо и неизбежно, а бывает излишне и ненужно. И* ***такие люди не обязаны вместе со Священным Писанием и Священным Преданием открывать для себя русские летописи и росписи...***

...Да, смешно приходить к русским людям с проповедью христианства так, как будто здесь никакого христианства никогда не было, но ***мы действительно сейчас именно возрождаем православную традицию, а не продолжаем ее во всей полноте...*** (То есть конструируем заново?)

...У нас нет стопроцентной уверенности в том, что русский народ навсегда останется православным...

...Мои ***предки по материнской линии, моя русская бабушка и ее сестра****, всю жизнь прожившие при советской власти, сознательно не принимали Православие и только от меня узнали, как назывался храм на улице, где они жили много лет, —* ***о какой же «исторической памяти» можно говорить? Это вопрос воспитания и образования, и больше ничего****. Поэтому* ***перманентное миссионерство и катехизация в самой России среди русских людей — наипервейшая задача Русской Церкви. И не все эти русские люди готовы с порога полюбить вместе с Евангелием русскую культуру и, тем более, русскую природу,*** *— готовы ли мы после этого лишить их самого Евангелия?..»*

Итак, как «катехизатор» и «евангелизатор» Малер выступает от имени «современного, городского, космополитического общества», общества безродных «кочев-

ников», начисто лишенного, по его мнению, исторической и культурной памяти. Он, кроме того, фактически прямо признается в том, что ни о каком естественном, органическом продолжении православной традиции в «неоконовском» исполнении речи быть не может. Это общая и типично постмодернистская песня всех птенцов гнезда Белковского *(«Надо создать традицию»* — М. Ремизов). Быть русским и быть православным — абсолютно различные вещи, ибо есть такие «русские», которые не готовы «с порога» любить свою, русскую природу и культуру, и нуждаются они, натурально, в «перманентном миссионерстве и катехизации». Вопрос, рождаемый этим пассажем: это что за русские такие, нельзя ли поподробнее?

Дальше возникает закономерный вопрос касательно самих «неоконов». (В понимании Малера, естественно, у кого-то другого понимание может быть отличным.) Но прежде чем окончательно отыскать этот «Русский Смысл Истории», как он видится этим «новым правым», обратимся наконец к весьма колоритным страницам собственной биографии нашего элитария. Все-таки это наше будущее... Тем более что сам Малер, будучи не в силах совладать со своей надутой самовлюбленностью, со своим нарциссическим комплексом, ничтоже сумняшеся именно с этого и начинает:

«После того как я сознательно принял крещение в 1996 году, [я] не сразу пришел в православно-политическое движение, а долгое время пребывал в весьма молодежных[5] *по своему основному составу, так называемых "консервативно-революционных" проектах, где приверженность православному христианству была вовсе не обязательна. При этом* ***для меня самого любые повороты моей политической эволюции, в конечном счете, объяснялись только и только историческими задачами Православия,*** *и только через него можно оправдать интерес к какому-либо консерватизму, имперству, национализму и т.д».*

Только что не сказал, что осознал «исторические задачи православия» сразу после рождения. Обратимся к официальной биографии Малера, выловленной нами из необъятного моря Рунета (с сайта «Антикомпромат.ру»).

«МАЛЕР Аркадий Маркович

Глава философско-политического центра "Северный Катехон" и Византистского клуба, редактор альманаха "Северный Катехон"

Родился 14 апреля 1979; еврей (по отцовской линии).

В 2004 году получил красный диплом философского факультета Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН) при РАН. Аспирант кафедры метафизики и сравнительной теологии ГУГН при ИФ РАН, готовит диссертацию по русской православной метафизике.

В армии не служил.

В ранней молодости — демократ, до 1996 года сочувствовал Демократическому союзу (ДС) Валерии Новодворской.

В 1997–1998 годах — активист Национально-большевистской партии (НБП) Эдуарда Лимонова; в НБП принадлежал к крылу "новых правых" (последователей Александра Дугина).

На всех мероприятиях НБП вел видеосъемку.

В 1996 году поступил во ВГИК по специальности "режиссер документального кинематографа", в качестве курсовой работы снял фильм об НБП и был из института отчислен.

В 1997 году поступил в Литинститут на отделение публицистики.

Печатался в "Лимонке". **Интервью Малера "Я — красно-коричневый сионист" (Лимонка. № 59. Февраль 1997)** пропагандировалось руководством НБП как доказательство, что партия не является антисемитской.

Выступал от имени НБП на мероприятиях Фронта трудового народа (ФТН): на семинаре "Как нам взять

власть в России", на несанкционированном митинге-шествии 23 февраля 1998 года.

Высказывание тех лет: "Сейчас каждый молодой человек должен быть или в армии, или в рядах радикальной партии".

Вслед за А. Дугиным испытал кратковременное увлечение **оккультистом Алистером Кроули (статья "Революция и инициация" в журнале "Бронзовый век", № 22)**. («Для тех, кто еще не в курсе»: А. Кроули — не просто оккультист, а самый знаменитый сатанист XX века.)

В конце апреля 1998 года вместе с А.Дугиным ушел из НБП.

Печатался в "**Арктогее**", а также в редактировавшейся А.Дугиным полосе газеты "Завтра" под названием "ВТОРЖЕНИЕ. Территория национал-большевиков" (затем — "Евразийское вторжение", под редакцией Владимира Голышева)».

Итак, наш герой, самопровозглашенный катехизатор русского народа, руководствуясь исключительно «историческими задачами Православия»:

- вместе с «неистовой Валерией» до помутнения рассудка ненавидел Россию и русский народ (иначе что он делал в ее организации? Там других нет);
- входил в Национал-большевистскую партию Э. Лимонова, где готовил революцию;
- на всех мероприятиях НБП вел видеосьемку (какой способный мальчик...);
- дал программное интервью под названием «Я — красно-коричневый сионист»;
- и наконец, вместе со своим учителем отдал дань увлечению прямым сатанизмом А. Кроули.

Вот ведь что значит настоящий харизматик и элитарий: чем бы ни занимался и кем бы ни был (радикальным «демократом», национал-большевиком, «красно-коричневым сионистом», учеником А. Дугина, упоенно

впитывающим витающий над всеми «поисками» учителя дух «Ваффен-СС», и даже сатанистом, да пусть даже и простым оккультистом, как говорится, «почувствуйте разницу»), везде, в каждом вздохе и жесте имплицитно содержатся эти самые «исторические задачи Православия», всякую минуту своей жизни думает человек об опасности русского (именно русского) национализма и евангельском просвещении такого темного и потерявшего историческую память, ничего не ведающего о «Русском Смысле Истории» русского же народа.

Пришла, однако, пора поведать читателю о том, в чем конкретно видит наш элитарий этот самый «русский смысл», неведомый не только русским националистам, но даже и тем «русским», которые, понимаешь, «не готовы с порога полюбить русскую культуру», а также, видимо, лишенным национальности жителям «городского космополитического общества». Впрочем, смысл этот, как мы и предполагали, изображен на виртуальном заборе постмодернистского мира (то есть в ЖЖ Малера), а к надписям на заборах нас уже просили не относиться всерьез. Мы, однако, пренебрежем рекомендацией. Ведь когда человек пишет на заборе, уверенный в своей полной безнаказанности, он как-то, бывает, больше раскрепощен и выбалтывает самое сокровенное. Разве нет?

Аркадий Малер и Авром Шмулевич о РПЦ и Израиле

31 Марта 2007, 19:10:23

http://grenzlos.livejournal.com/101826.html

http://pavel-ak.livejournal.com/32467.html

Позже Малер испугался собственных откровений и удалил их, но лучшее сохранилось.

Аркадий Малер:

«Я уверен, что рано или поздно политика РПЦ МП станет однозначно произраильской в этом конфликте (тогда шла война между Израилем и Ливаном. — *В.С.*)**: 1) если РПЦ реально захочет этот регион, 2) если угроза ислама будет расти, а она будет расти. В конце концов,**

не мне и не Вам это говорить, но новые пассионарные элементы в сегодняшней нашей Церкви имеют, как правило, еврейское происхождение (полукровки и квартеронцы), так что все нормально с этим».

«Я сейчас вхожу в эти круги и анализирую расстановку сил. Понятно, что подобная информация уже не для ЖЖ. Но могу с уверенностью сказать, что такие люди, как митрополит Кирилл (будущий наш Патриарх, как мы надеемся), или протоиерей Всеволод Чаплин, или тот же нелюбимый многими иудеями Кураев, вовсе не юдофобы и вовсе не на стороне "палестинцев". Из светских лиц, активно лоббирующих интересы РПЦ МП, однозначно произраильскую позицию занимают Кирилл Фролов, профессор Дворкин и мой профессор Шохин. Ну и я, конечно».

Последнее редактирование: 01 Апреля 2007, 22:31:51 от Pavel

Вот взял человек и выставил на форум диакона Андрея Кураева, а потом и на собственный ЖЖ повесил, до которого руки малеров, так любящих вдруг спохватываться и удалять компрометирующие ссылки (ср. историю с Куровой), не дотянутся. Если «проявить техническую продвинутость» (по Малеру) и посмотреть приведенные в процитированном пассаже ссылки, можно и еще кое-что интересное прочитать (касательно «неоконовского» «русского смысла истории», по Малеру).

«Малер — Шмулевичу: *«В ПРИНЦИПЕ* ***В РАМКАХ ПРАВОСЛАВНО-ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА ВОЗМОЖНО ГИПЕРСИОНИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИ****Е, где Израилю будет отдана вся упомянутая Вами территория* (то есть практически — весь Ближний Восток. — *В.С.*), *но при условии, что* ***ПРАВА ПРАВОСЛАВИЯ ТАМ БУДУТ ПРИРАВНЕНЫ К ПРАВАМ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА****. В ЭТОМ СМЫСЛЕ* ***Я, КОНЕЧНО, СТОРОННИК СВЕТСКОГО ИЗРАИЛЯ****, для которого все хорошо, что не ислам. При адекватном переделе мы сможем договориться обо всем. На данный момент мы — союзники».*

Малер — Шмулевичу: «*Безусловно, перспективы, обсуждаемые мною, носят утопический характер. Но* ***ОНИ НЕ БОЛЕЕ УТОПИЧНЫ, ЧЕМ ИДЕИ ГЕРЦЕЛЯ И ЖАБОТИНСКОГО В ТЕ ВРЕМЕНА, КОГДА ОНИ ИХ ПРОПАГАНДИРОВАЛИ. КТО-ТО ЖЕ ДОЛЖЕН ОДНАЖДЫ СКАЗАТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ — ДОКОЛЕ БУДЕМ МАЯТЬСЯ, А НУ ДАВАЙ ИМПЕРИЮ СТРОИТЬ!*** *Почему Константинополь — Стамбул?* ***ПОЧЕМУ НАД ИЕРУСАЛИМОМ ВЫСИТСЯ МЕЧЕТЬ?*** *ТАК ЧТО МОЕ ДЕЛО "БРАХМАНА" — НАЧАТЬ. А ДАЛЬШЕ САМО СОБОЙ ВСЕ ПОЙДЕТ. Каким-то русским пассионариям надоест жевать жвачку про Распутина и воевать с соседями по площадке, а захочется большего —* ***ВОТ ОНО, ЭТО БОЛЬШЕЕ!***»

Такая вот «православная политика»... Итак, Малер, еще совсем недавно с упоением впитывавший дух «Ваффен-СС» в дугинской «консервативно-революционной» тусовке, отнюдь не будучи по крови стопроцентным евреем, а по религии позиционирующий себя как православный, да еще и «консерватор», да еще и просветитель-катехизатор, оказывается, очень боится не только «русского национализма». Ему еще не дает спокойно спать ислам, распространившийся не только по всему Ближнему Востоку, но и даже (что уж совсем нестерпимо) по Святой Земле. Поэтому миссионерский пафос, который этот «империалист» жаждет вдохнуть в ленивых русских, должен быть направлен, натурально, на войну с исламом, на обращение в православие арабов, угрожающих существованию еврейского государства. При этом Малер отнюдь не говорит, как в свое время митрополит Антоний (Храповицкий), продолжавший мысль Константина Леонтьева: «Не только Константинополь, но и Иерусалим должен быть наш» (при нынешнем положении России это звучало бы странно, но в высшем, историософском смысле с православной точки зрения оправданно). Он согласен с тем, что весь Ближний Восток и, надо полагать, сама Святая Земля окажутся владением «светского» еврейского государства, и даже согласен с тем, что Православие будет занимать там такое же подчиненное и угнетенное по-

ложение, как сейчас ислам. (То есть, к примеру, православных арабов будут подвергать такому же унизительному «шмону» на границе с автономией, как сейчас арабов-мусульман.) Интересно, оставляет ли Малер православным арабам право на интифаду? «Православного неокона», пекущегося о деле православной миссии с позиций «библейско-христианских», возмущает, что «Константинополь — Стамбул, а над Иерусалимом высится мечеть». Не очень понятно, каким именно образом непобедимая израильская армия поможет (и поможет ли вообще) православной «империи» — России (как понимает Малер эту самую «имперскость», мы увидим чуть ниже) завоевать Константинополь, но «в обмен» на это наш «русский империалист» жаждет покончить с главным безобразием — с мечетью, которая «высится» над Иерусалимом. Поскольку в Иерусалиме много мечетей и вряд ли даже Малер хотел бы закрыть их все, а «высится над» городом здесь только одна — та, которая с золотым куполом, — Мечеть Горы, то из приведенного текста абсолютно ясно, что ***Малер жаждет помочь своим еврейским друзьям очистить от мусульманского присутствия Храмовую гору, а это автоматически будет означать начало теперь уже официального строительства на ней пресловутого «Третьего храма», то есть осуществления главной цели современного иудаизма***. И какое же значение при этом будет иметь, светское государство по конституции Израиль или религиозное? По конституции оно и сейчас светское... И чего же стоят после этого все вполне справедливые по сути возражения Малера Шмулевичу по поводу Мошиаха, что мы, дескать, не можем уступить принципиальное положение христианской историософии о том, что истинный Мошиах (то есть Помазанник) есть Господь Иисус Христос, а тот, которого продолжают ожидать иудеи, — антихрист??! Так частенько бывает с этими малерами: соскреби «третьеримскую» позолоту — и откроется... Третий храм?..

Но вся эта утопическая историософия — дело отдаленного будущего, а сейчас пока Малер намерен лоббировать интересы евреев и государства Израиль в РПЦ, причем среди наиболее вероятных лоббистов, подлежащих вербовке, им называются: митрополит Кирилл (ныне — Патриарх Московский и всея Руси), протоиерей Всеволод Чаплин, диакон Андрей Кураев (автор книги «Как делают антисемитом»), профессора Дворкин, Шохин, собственный закадычный приятель Фролов и он сам. Бедный Патриарх Кирилл! Вот так посадишь рядом с собой в президиум какого-нибудь очередного «евангелизатора», а они возьмут и эдакую подлянку подкинут... Потом доказывай, что ты не верблюд... Ясно же, что если говорить серьезно, то никакими лоббистами Израиля и еврейских интересов в Церкви вышеозначенные уважаемые представители иерархии и мирян не являются (уж не знаю, как насчет г-на Фролова, им самим виднее), а просто (открою читателю страшную тайну) Малер называет тех представителей Церкви, кого он более-менее хорошо знает (или считает, что хорошо знает).

Для нас сейчас важно другое — «чисто евангельская», «лишенная национализма» позиция этого элитарного просветителя русского народа: русский национализм — страшное зло, особенно в Церкви, угрожающее ее существованию и евангельскому духу, но при этом у евреев в православной же Церкви есть, оказывается, свои отдельные интересы! Как говорится, щоб я так жил... Или еще, из одесских крылатых словечек: «Сарра, он-таки пришел...»

Однако малость промахнулся наш катехизатор: для Шмулевича и его единомышленников он такой же еврей, как я — папа Римский. И, понимая это, забрасывает свой главный козырь насчет непревзойденной ценности для ихнего еврейского дела полукровок и этих, как их... квартеронцев. Конечно, родителей не выбирают, но здесь-то важно не происхождение, а сама личность Ма-

лера, желающего быть самым православным среди евреев и самым еврейским среди православных. И везде-то у него все схвачено, и такой он может диалог наладить!.. В качестве посредника... (Для тех, кто хорошо знает Малера, это очень смешно.) Какое... ну, скажем так, несоответствие на фоне честного сиониста Шмулевича, прямо и открыто лоббирующего свои еврейские интересы в «гойском» государстве! (Что вполне нормально и законно в условиях светского правового государства и гражданского общества.) Вопрос для раввинов: нуждаются ли евреи в услугах гоев (ведь сам Малер так не хочет называться «выкрестом»), чтобы лоббировать еврейские интересы?

Конечно, Малер, как подлинный «пассионарий», сразу попытался «отмазаться»:

«Бедные вы (ну, это они всегда так нас жалеют... — *В.С.*), ***я даже не помню, чтобы я вообще что-то подобное говорил*** (что значит «не помню»? Вроде склероза еще быть не должно? Так говорил или нет?) — *где-то два года назад мой ЖЖ был взломан и кто-то очень милый писал от меня какой-то бред, но потом я написал в абьюз и мой ЖЖ перевели на мой пароль. Кстати****, то же самое было год назад,*** *тогда же был создан ложный ЖЖ, но по моей просьбе абьюз его уничтожил* (а этот-то почему не уничтожил? — *В.С.*).

Но даже если бы этот диалог состоялся, я бы ответил Шмулевичу, что "антисемитизм" (при чем тут вообще «антисемитизм»? — *В.С.*) *в нашей Церкви — явление абсолютно маргинальное, но раздуваемое либералами, чтобы отпугнуть от Церкви* ***нормальных людей, а также и людей с еврейской кровью (!)*** *Я понятия не имею, как перечисленные тем лже-юзером люди относятся к Израилю, но сейчас могу сказать, что если вы думаете, что «произраильская» позиция — это позиция одного Аркадия Малера, то вы трагически заблуждаетесь. Произраильскую позицию занимают очень много людей в нашей элите, но они* ***просто боятся об этом го-***

ворить (?), *чтобы не прослыть "иудофилами"*[6]*. Кстати, очень многие православные и неправославные русские патриоты в ливано-израильской войне летом 2006 года были именно на стороне Израиля, тот же Александр Елисеев. Так это сейчас уже никого не удивляет.*

Я же лично никогда не скрывал своей произральской позиции в израильско-мусульманском конфликте только и только потому, что ***секулярный сионизм на Святой Земле выгоднее России, чем исламский фундаментализм. Первый лишь расчищает нам площадку*** (??)***, а со вторым у нас будут большие проблемы».***

То есть: сионисты, пусть даже и светские, вот так возьмут, да и отдадут православной Церкви Храмовую гору?

«Юзеры» не замедлили с ответом:

«Т.е. Вы вторым и третьим абзацем полностью подписались под тем, что написал якобы "лже-юзер". Зачем же было сочинять эту легенду?»

Отметился и собеседник Малера — Авром Шмулевич:

«Аркадий, я уж не знаю, может быть, Ваш ЖЖ взломан сейчас, но эти реплики писали именно Вы, и диалог у нас тогда состоялся именно с Вами, т.е. с Аркадием Малером».

Довершил дело некий Ваня. Вот так всегда: считаешь самым «технически продвинутым» себя (кого же еще?), и непременно найдется кто-нибудь побойчее (виноват, вынужден сохранять специфическую стилистику, типичную для ЖЖ, и правлю только ошибки):

«Даже если предположить, что ЖЖ был и вправду взломан, а представленный диалог писал "другой человек>", то очень многое не сходится, например:

1. Почему Малер сразу не заявил, что ЖЖ был взломан?

2. Стилистика, в которой ведется диалог, абсолютно совпадает со стилистикой самого Малера. (Думаю, человек, "взломавший" его ЖЖ, не стал бы занимать-

ся подобным онанизмом, раз в последующем Малер мог одним постом опровергнуть авторство этого трейда.)

3. Зачем "взломщику" давать переносить диалог в канву e-mail'а katehon@mail.ru, или он тоже был взломан? Не верю.

4. Почему, наконец, взломщики не стерли все предыдущие записи или не засупсендили ЖЖ Малера, раз им удалось "взломать" (в чем я очень сомневаюсь) ЖЖ Малера, и вполне понятно, что он с легкостью может вернуть себе пароль через администрацию?

5. Почему сейчас Малер пытается оправдывать кое-какие высказывания "взломщика"?

6. ***Почему рав. Шмулевич уверен, что вел диалог именно с Малером, и почему Малер не пытался дать понять, что эти комментарии пишет "не он"?***

7. Почему действия Малера абсолютно совпадают и ни в чем не противоречат тому, о чем писал "взломщик"?

8. Если внимательно прочитать этот трейд и последовавший на него ответ, думаю, таких "не сходящихся" фактов окажется еще много, эти только самые заметные и сразу бросающиеся в глаза».

Ваня не упомянул еще самое главное: а кто такой, собственно, этот Малер, чтобы кому-то взбрело в голову **так** его дискредитировать? Легенда о «взломщике» психологически типична для «нарцисса», замкнутого на себе любимом и на идее о своей великой значимости.

Думаю, с этим все ясно. Нам осталось ответить лишь еще на несколько последних пассажей Малера, из которых один подлее и смешнее другого.

«Я теперь с нетерпением буду ждать следующие разоблачения товарища Семенко, — резвится Малер, — *те самые "вершки", где будут обозначены все необходимые "адреса, явки, пароли", переправляющие эти "притоки финансовых средств", — может, что перепадет? Вообще, тема какого-то особо секретного, потустороннего финансирования — излюбленная часть об-*

щего конспирологического бреда наших эскапистов, видящих в любом более-менее прилично изданном журнале или книге крупную финансовую поддержку, достойную как минимум какого-нибудь олигарха или самой Администрации Президента».

Ну, дружок, до Администрации ты еще не дорос, в первом «Катехоне» у тебя редактура отсутствует вовсе, количество фантастических ошибок и просмотров просто зашкаливает, а макет, мягко говоря, оставляет желать много лучшего, так что сделан он отнюдь не «прилично». Деньги же дал Стас Белковский, что, по-моему, знают все, кто не слишком ленив. Как говорится в одном известном романе, «тоже мне, бином Ньютона...». (Отсюда, кстати, и оранжевый цвет обложки: проект-то был задуман как «национал-оранжистский»! Просто Малер в привычном для него стиле «деньги взял, а дела не сделал» — произвольно изменил идеологическую направленность издания.) Сам он понимает это так:

«Есть люди, делающие свое дело (неважно, какое в данном случае — хорошее или плохое(!)) не "на заказ", не за какие-то "финансовые притоки" и т. д., а просто по собственному желанию, мотивированному чистым, бескорыстным интересом».

«Позиция "собаки на сене" дает сильный сбой во всей церковно-политической жизни — эти люди боятся "выйти на свежий воздух", а тех, кто приходит с него, воспринимают как потенциальных врагов и провокаторов. Все почтение священноначалия к этим людям зиждется на их прошлых заслугах, о которых сейчас уже никто не помнит, зато эти заслуги дают им индульгенцию в отношении всех их действий и бездействий сегодня. ***Если Иван Иванович когда-то "держал танцпол" два часа на митинге РХДД или "Памяти", то сегодня он может вообще ничего не делать и не давать делать другим.*** *Отсюда — их антимиссионерский, антимолодежный и фактически асоциальный настрой, которым они пытаются заразить "вновь прибывших".*

Между тем жизнь продолжается, и в православную политику приходит новое поколение людей, те самые "тридцатилетние", которые уже не знают, что такое РХДД, "Память" и даже СПГ, которые не понимают, зачем нужно ненавидеть власть и охранку, и наоборот, зачем нужно раболепствовать перед ними; зачем одеваться плохо, если можно одеваться хорошо; ***зачем строить из себя мученика, если никаких мучений нет****; зачем нужна организация, если она не работает; зачем нужно издание, если его не читают, и т.д. Безусловно, это конфликт мироощущений, сказывающийся на конфликте мировоззрений — отступающего, изоляционистского, ностальгического православия и наступающего, открытого, проективного православия».*

Что касается «проективности» того «православия», которое представлено Малером, об этом см. выше, но вот хамство, основанное на нежелании знать совсем недавние знаковые события нашей истории, должно быть наказуемо. Не знаю, что сейчас делает Малер в христианской политике и каковы его реальные достижения. Мне о них ничего не известно. К «Памяти» я и мои друзья отношения не имели, но что касается РХДД, малерам полезно было бы знать, что это единственная христианская партия в позднесоветской и постсоветской России, имеющая реальные (и немалые!) политические достижения. Среди последних — ликвидация Совета по делам религий еще Верховным Советом РФ, продавленная именно депутатами от РХДД, объявление Рождества государственным праздником (по их же инициативе) и законодательно закрепленное возвращение Церкви большей части ранее отобранных архитектурных памятников, пусть даже и на правах бессрочной аренды. Ни одна из последующих христианских партий в России ничего сопоставимого предъявить не в состоянии. А что может предъявить Малер? Ах да, забыл: лоббирование интересов «светского сионизма» в Церкви, да и то лишь виртуальное. Или Малер считает большим

политическим достижением те видеосъемки, которые он вел на «акциях» НБП? Кстати, насчет «мучений». Насколько мне известно, многие члены НБП в настоящий момент сидят, причем в не очень комфортных условиях. Может, Малер поделится опытом: как ему, несмотря на молодость и перманентный экстремизм, все время удается выходить сухим из воды? Вдруг пригодится...

Что же до «танцпола»... Этот хам, по-видимому, не в курсе, что депутаты Верховного Совета от РХДД, в числе других, «держали» не танцпол, а осажденный и обреченный «Белый дом», и сидели они там не два часа, а две недели, с отключенной канализацией и электричеством, под прицелом ельцинских танкистов. Депутатов спасли бойцы «Альфы» и «Вымпела», а вот полторы тысячи ни в чем не повинных (и, как, потом выяснилось, безоружных) русских людей, пришедших защищать законность и Конституцию, сгорели заживо и умерли от пыток. Их пепел стучит в наше сердце. Мы не забыли ***ваших*** боевиков, г-да малеры! Советуем и вам не забывать об этом.

И в заключение — о Малере-философе, достаточно плодовитом. По мнению Малера,

«Из всех слабых мест этого типа (то есть моего) *самое слабое — абсолютное отсутствие личного, личностного творческого проявления».*

Должен сказать, что как философ Малер перестал существовать для меня с того момента, как я прочитал в одной из его статей, что Ренессанс есть не что иное, как возрождение античного антропоцентризма[7]. Столько лет изображать из себя заочного ученика и почитателя Лосева, и в итоге залепить столь глубокомысленную «философему»! Почему же Малер не взял себе за труд изучить те сотни страниц Лосева, где тот упорно доказывает, что никакого учения о личности, сопоставимого с новоевропейским, воспитанным христианской культурой, в античности не было, что лейтмотивом всей античности был как раз ***космологизм,*** а

отнюдь никакой не антропоцентризм, и на месте новоевропейского индивида находилась «persona», происходящая от названия **маски** в древнегреческом театре? Вся философия и все богословие личности есть достижение святоотеческой христианской мысли, основанной на опыте православного богообщения с личным же Богом. Какой же антропоцентризм может быть там, где нет учения о личности? Поэтому весь смысл Ренессанса — как раз не в «возрождении» того, чего в античности не было и быть не могло, а в автономизации человека, «эмансипации» его от Бога и Церкви, разрыве Богочеловеческой вертикали, но уже после того, как личностная культура была сформирована и воспитана христианством.

«Творческие» же построения Малера касательно «Третьего Рима» — его главное достижение — подверглись уничтожающей и неопровержимой критике в рецензиях **Яны Бражниковой**[8] и православного священника, отца **Димитрия Познанского**[9], что со стороны самого Малера вызвало лишь грубую ругань и заявление в милицию, в котором наш элитарий жаловался так:

«*Прошу принять меры моему знакомому Бражникову Илью Леонидовичу* (главный редактор сайта «Правая.ру», где были опубликованы вышеупомянутые рецензии. — *В.С.*), *который угрожал мне физической расправой по интернету, в связи с тем, что я подверг его критике и прекратил с ним сотрудничество»* (авторская орфография сохранена).

В ходе беседы с г-ном Бражниковым милицию интересовали только две вещи: что такое «физическая расправа по интернету» и почему «ваш знакомый» (с «абсолютным присутствием личностного творческого проявления») не владеет русским языком?

Вариация на тему известного пассажа **И.А. Бунина**: «— Скоро вся ваша церковь станет нашей. — Ни, сего не буде. — Это почему? — Жидів не хвате. — Ничего, — подумалось, — хватит малеров». Не смешно...[10]

Примечания

[1] Все эти абсолютно неприличные натяжки с возрастом, которые есть не что иное, как примитивное хамство, требуют ответа на том же уровне. С какой стати от имени молодежи выступает, например, Курова, которой, если выразиться обтекаемо, «слегка за тридцать», мне, честно говоря, неясно. Кроме того, молодой по возрасту Малер, полуграмотный неуч, как философ (о чем мы еще скажем ниже), никогда не напишет ничего, сравнимого с тем, что выдавал 90-летний Лосев. Так что апелляция к физическому возрасту человека вкупе с типично интеллигентским «культом детей» (то есть восприятием «молодежи» как высшего морального авторитета), о чем писал, к примеру, еще в «Вехах» отец Сергий Булгаков, есть вещь столь же несостоятельная, сколь и уязвимая с точки зрения классической христианской морали. Между мной и Куровой разница в возрасте 13 лет — какое это имеет значение для сути дискуссии?

[2] Не желая сейчас подробно вдаваться в эту специфическую тему, вкратце скажем: ЖЖ возникает как виртуально-сетевой феномен примерно в то время, когда российское государство начинает «закручивать гайки» в отношении либеральных СМИ. Не понимать, что ЖЖ для кого-то — «забор», а для кого-то — орудие сетевой войны, могут только люди, настолько поглощенные и перемолотые этим самым «современным миром», что лишены всякой способности понимать, как он реально устроен. Пусть Малер почитает хотя бы очень толковую статью своего учителя А. Дугина «Россия на пороге сетевой войны», опубликованную, кажется, в «Известиях». В утешение можем лишь сказать, что на самом деле не все так уж страшно, ибо, как известно, свобода — обоюдоострая вещь! И среди православных блоггеров ныне немало таких, чья позиция решительно не устраивает Малера и его друзей. Так и тянутся руки прикрыть, но раз выпущенного джина уже не загонишь обратно в бутылку!

[3] См., напр.: http://missioner.kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=36

http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=17118

http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=17125

Хотя писалось это всего два года назад, с тех пор ситуация многократно ухудшилась: эти самые кочетковцы заседают уже в **Богословской синодальной комиссии** (!) и готовятся к работе **над новым катехизисом**, и сам Патриарх поздравляет их с разными праздниками.

[4] «Поднимает деятельностью» — еще один маленький стилистический шедевр Малера.

[5] Как редактор по профессии, не могу специально не восхититься стилистическим мастерством молодого дарования: «весьма моло-

дежных»... Даже «юзеры» ЖЖ ему как-то написали: «Малер, учи русский язык»!

[6] Здесь Малер в обычном для этой публики стиле нагло передергивает. Почему отсутствие «антисемитизма» обязательно должно означать произраильскую позицию? Я, например, отнюдь не «антисемит» в том смысле, что я отнюдь не призываю законодательно запретить все еврейские организации, закрыть все синагоги (хотя иудаизм и ложная религия, но права на свободу совести никто не отменял) и всех евреев (или хотя бы часть) загнать в гетто. В этом смысле я как раз за «светскость». Однако моя позиция от этого отнюдь не становится «произраильской», и я никогда не соглашусь с тем, что русский национализм есть страшное зло, а у евреев в Православной Церкви есть свои отдельные интересы. А также с тем, что люди еврейского или полуеврейского происхождения имеют моральное право безнаказанно глумиться над религиозными и национальными святынями русского народа. Не является она произральской и в ближневосточном конфликте. Настоящий «русский смысл истории» заключается в том, что позиция России может быть только и исключительно пророссийской. Как говорил великий русский государь Александр III, «у России есть только два союзника — ее армия и ее флот». С поправкой на время есть еще два — ее ВВС и ее ракетно-ядерные силы.

[7] Северный Катехон. № 2. С. 130.

[8] См.: *Бражникова Яна.* Эластичное гипер-православие (http://www.pravaya.ru/idea/20/12715)

[9] См.: *Познанский Дмитрий, священник.* Ложь «русских неоконов» (http://www.pravaya.ru/look/13501)

[10] Конечно же, сразу напомнят нам православные люди: «Церковь Христова стоит до скончания века, и врата адовы ее не одолеют». Все так, только это Церковь мистическая, Церковь как Тело Христово стоит до скончания века. А поместная Церковь, как община верных, вполне может и прекратиться. Сколько поместных церквей упомянуто в Откровении, а ведь ныне от них не осталось и следа!

В поисках Святой Руси

РПЦ и русская идентичность

Сообщения о событиях религиозной и церковной жизни на Украине с начала 90-х порой напоминают сводки военных действий — то затихающего, то вспыхивающего вновь конфликта. Особенно ярко после официозной безмятежности советского времени это проявилось в начале тех самых «лихих девяностых». Нападения, захваты храмов (в том числе и с использованием частных и государственных вооруженных формирований), вопиющие случаи насилия, порой и со смертельным исходом, голодовки протеста, жизнь целого ряда православных общин в режиме непрестанной обороны своих храмов, постоянного ожидания возможного нападения. Не правы будут те, кто попытается свести все содержание этого конфликта к противостоянию законной, канонической Православной Церкви и раскольников, присутствующих здесь в лице целого ряда «юрисдикций», либо к противостоянию Церкви и ряда украинских политиков, разыгрывающих карту «незалежной церквы», либо, наконец, к борьбе различных конфессий, прежде всего православных и униатов. То есть все перечисленное, конечно же, является составляющей частью вышеозначенного конфликта, но тем не менее не выражает его целиком. Ибо главное, глубинное содержание его — это **выбор пути**, пути духовного, культур-

ного, цивилизационного развития, того, что на языке современной политологии обозначается как **«проект»**, — для значительной части территории и народа, которые исторически издавна входили в состав «большой (или «исторической») России», но стали ныне независимым государством.

В контексте этого конфликта, этой беспощадной, ибо основанной на глубинных, стержневых ценностях **духовной войны** — визит Патриарха Кирилла на Украину с точки зрения как заявленных целей, так и достигнутого результата — выглядит если не как «десять сталинских ударов», то, во всяком случае, как свой Сталинград. Говорить об «успехе» визита совершенно неправильно (успех может быть и мелким, частным). Это не «успех», а решающий перелом в войне. Что в конечном счете понятно даже бескорыстным, как сама нищета, публицистам с «Кредо. ру». Между тем такой результат был отнюдь не прогнозируемым, и даже обычно падкая на опережающие похвалы придворная пресса вела себя перед началом визита необычно тихо.

Накануне визита

Крайне осторожным прогнозам одних и ожиданию провала другими перед началом визита способствовало несколько факторов. **Во-первых**, это необычайно «упертая» позиция зависимых от внешней поддержки «оранжевых» политиков, становящихся особенно несговорчивыми во всем, что касается, с их точки зрения, «влияния Москвы», накануне своих, украинских, выборов. Вот уже немало лет президент Ющенко и подконтрольные ему люди из СБУ и украинского Совета по делам религий с упорством, достойным лучшего применения, всеми силами поддерживают раскольников из неканоничной УПЦ КП, возглавляемой лишенным сана и отлученным от Церкви М.А. Денисенко, самочинно провозгласившим себя «патриархом», и притесняют законную, каноническую УПЦ МП, руководствуясь

чисто политическими соображениями. Если бы лейтенанты советского КГБ, в одночасье сделавшие феерическую карьеру в новом независимом государстве, хотя бы в небольшой степени соответствовали своим должностям, обладая необходимым минимумом профессиональной компетенции (то есть просто разбирались бы хотя бы во внешних, формальных сторонах церковной жизни), они бы давно поняли бесперспективность такой неумной тактики. Однако ненависть к мифической «москальской экспансии» и любимая мечта касательно «незалежной церквы» регулярно оказываются сильнее разумных соображений. Это ставит каноническую украинскую Церковь порой в невыносимое положение. Накануне визита вполне можно было ожидать широкомасштабных провокаций со стороны украинских спецслужб и связанных с ними националистических группировок.

Во-вторых, конечной неудаче миссии Патриарха Кирилла давно и упорно способствовала необычайно бурная активность на Украине так называемых «политправославных», своими неумными, агрессивными и порой просто провокационными действиями дискредитирующих промосковскую позицию[1]. Эта деятельность, воспринимаемая как однозначно одиозная и священноначалием, и простыми украинскими верующими (о чем имеется достаточно свидетельств **вполне конкретных православных граждан Украины** — наших корреспондентов), сравнительно недавно была **осуждена Архиерейским собором Украинской Церкви.** Напомним, что это был тот самый собор, который одновременно с этим осудил и муссируемую некоторыми идею так называемой **«украинской автокефалии»**. Вряд ли можно считать серьезным фактором наличие среди духовенства канонической УПЦ МП крайне немногочисленной группы, всерьез мечтающей об автокефалии. Реальная позиция Украинской Церкви выражена в известных **словах Блаженнейшего Владимира: «*Никакая автокефалия нам не нужна. В плане***

самостоятельности мы и так имеем все, что возможно».

Однако **третьим** и крайне тревожным негативным фактором накануне патриаршего визита на Украину была недавняя (приуроченная практически к началу визита) абсолютно провальная «миссионерская акция», связанная с пресловутым байк-шоу в Севастополе, которая вкратце проанализирована нами в заключительной части главы **«Модернистский соблазн»**. К этому анализу мы здесь можем добавить лишь то, что, извинившись перед байкерами (!) за распространение скандальных снимков, ни Холмогоров, ни Кураев, ни другие организаторы и участники «акции» и не подумали извиниться перед православным народом России и Украины, чьи святыни подверглись поруганию.

На эту тему в сети на данный момент достаточно материалов[2]. Сейчас для нас крайне важно лишь отметить, что все события, связанные с «миссией через скандал» (а по данным наших украинских источников, «миссионерская акция» закончилась, говоря мягко, не вполне воздержанным поведением участников-байкеров после завершения ее, так сказать, официальной части, что еще подлило масла в огонь), происходили как раз накануне патриаршего визита! Понятно, что украинская националистическая пресса не могла не воспользоваться столь неожиданным подарком московских пиарщиков. Националистические газеты, с удовольствием смаковавшие скандал, запестрели заголовками типа «Москальские свиньи — вот как они понимают православие» и т.п. При этом то подавляющее большинство УПЦ, которое традиционно настроено пророссийски, в пользу единства с Матерью-Церковью, воспринимало произошедшее крайне болезненно. Ведь получалось, что пресловутые «миссионэры» фактически уравняли святое дело православной миссии с ритуальными кощунствами какого-нибудь Гельмана, Кулика или Самодурова! Словом, как говорится, «напряжение нарастало».

Концепции. Народ и Патриарх

Предчувствия некоторых информированных людей, бывших, что называется, «в теме», были далеки от безмятежности. Однако они не оправдались. Здесь думается, сыграли роль два главных фактора. И оба не могут не радовать. Во-первых, теперь понятно, что оперативная разведка у РПЦ все-таки есть (насчет стратегической не скажу, не знаю), и Патриарх был вовремя проинформирован о настроениях среди украинских православных. После этого стало понятно, что, как ни делай хорошую мину при плохой игре, речь идет ни много ни мало как о **переламывании ситуации**, а отнюдь не о легкой прогулке. Во-вторых, следует, конечно, говорить о **личной роли самого Предстоятеля**, и именно это в значительной степени есть главная тема настоящей работы. Обладая достаточной полнотой информации и понимая не просто важность, но судьбоносность визита, Патриарх смог переломить ситуацию, по сути, тремя ударами, тремя программными заявлениями.

Во-первых, это не раз повторенные слова о **недопустимости заигрывания с субкультурами**. *(«Церковь не должна замыкаться от светской культуры... но это не значит, что она должна принимать все, что присутствует в этой культуре»*. Священник вполне может прийти туда, где собралась молодежь, подчеркнул Патриарх. (А разве кто-то когда-то утверждал обратное? — *В.С.*). — Но: *«Не надо мимикрировать под молодежную субкультуру»*. И т.д. Слова о «священнике в шортах», который проповедует на дискотеке, были услышаны и поняты благодарной аудиторией православной Украины, с радостью воспринявшей скрытый подспудный смысл мягкого, но недвусмысленного отмежевывания Предстоятеля от «субкультурщиков»[3], которое очень напоминало аналогичное отстранение тогда еще митрополита Кирилла от «политического православия» два года назад.

Во-вторых, нашумевшее **обличение либерализма на встрече с преподавателями и учащимися Киевских духовных школ в Киево-Печерской Лавре**. Правда, Патриарх развивает подобные идеи уже давно, но в данном выступлении, являющемся, по сути, центральным среди всех проповедей и выступлений во время украинского визита, следует признать крайне важными некоторые новые акценты. Многие комментаторы (как светские, так и церковные) по горячим следам кинулись обсуждать, насколько правильно или насколько глубоко, насколько резко Патриарх обличил либерализм. Однако мало кто обратил внимание на то, что суть данного выступления отнюдь не в этом (негативное отношение Патриарха Кирилла к самому феномену либерализма, повторяем, отнюдь не новость). Главный смысл здесь в другом. Острие критики Патриарха оказалось направлено ***не столько против либерализма как такового, сколько против присутствия и влияния его в христианском богословии, то есть, по сути, — против того самого «либерального христианства», с которым православные консерваторы (в терминологии некоторых — проклятые «миссиофобы») борются по меньшей мере с начала 90-х годов XX века!***[4]

«Реально существует колоссальная опасность: христианское богословие попадает в плен светской мысли, причем этот процесс пленения христианского богословия на Западе оказался далеко не безобидным. Это не было просто философским заимствованием какой-то светской идеи и перенесением ее на христианскую почву... Здесь совсем не так. Здесь происходила ***диффузия, проникновение светских идей в ткань богословской мысли*** *настолько глубокое, что на выходе появлялся очень недоброкачественный продукт. Я имею в виду огромное влияние на западное христианское богословие идей эпохи Просвещения и философских идей либерализма...»* И т.д.

«Диффузному» взаимодействию собственно богословской и светской мысли Патриарх противопоставил святоотеческий подход.

«Какой первый урок нам дают святые отцы как ученые богословы? Они дают замечательный ***урок того, как богословие может и должно использовать достижения светского разума****. Если вы читаете отцов-каппадокийцев, вам может казаться, что идеи платонизма и неоплатонизма вошли в сознание каппадокийцев. Некоторые говорят — нет ничего нового у каппадокийцев, это просто заимствование платонистических идей, перенесение языческой философии на христианскую почву. Но* ***так говорят только люди близорукие, не видящие смысла того, что происходило в ту эпоху****.* ***Святые отцы сумели использовать светскую ученость, светскую методологию, даже светские языческие категории философского мышления для того, чтобы выразить христианские идеи****. И то, что сказано ими о Святой Троице, то, что живет уже на протяжении двух тысяч лет и привлекает своей силой, было сформулировано именно таким образом.* ***Не заимствовались и не пересаживались на христианскую почву идеи. Заимствовался инструментарий, посредством которого выражались глубочайшие истины христианства****».*

Стоит ли напоминать, что эти вполне безупречные формулировки Предстоятеля Церкви, по сути, в главном, в методологии подхода решительно противостоят кураевским умствованиям насчет «впечатывания» своего, христианского смысла в чужой, например языческий, текст![5]

Далее, опять-таки мало кто обратил внимание на то, что **начало апостасийных процессов** в так называемом современном мире Патриарх видит отнюдь не в эпохе Просвещения, окончательно сформировавшей идеологию и систему «ценностей» секулярного модерна, а, по меньшей мере, **в Ренессансе**.

«Эта эпоха (Просвещение. — *В.С.*) *окончательно поставила человека в центр мира, хотя все началось на-*

много раньше, ***в эпоху так называемого Ренессанса****, когда человек был поставлен в центр — не Бог, а человек»*[6].

И наконец, еще одно важнейшее идеологическое положение Святейшего Патриарха, сформулированное в этом выступлении, заключает в себе вполне недвусмысленную **критику постмодернизма**, в полном созвучии с некоторыми недавними публикациями все тех же «миссиофобов», не получившими ни малейшего ответа по существу от Кураева и К°!

Но все-таки решающую роль в переломе ситуации в сторону безоговорочного успеха визита сыграли даже не эти крайне важные заявления, а решительный **традиционалистский пафос и традиционалистская идеология ключевых выступлений Патриарха**, необычайно выгодно контрастировавшая как с суетливой агрессивностью «политправославных», так и с позорно-провальными «заходами» «миссионэров». Практически впервые в постсоветский период ***идеологема «Святой Руси»*** стала смысловым центром проповеди Предстоятеля Церкви, и это не могло быть не замечено той массой православных людей Украины, которые пришли приветствовать своего Патриарха либо внимательно следили за происходящим по телевидению и другим СМИ.

«Ни одна страна не называлась святой страной, а Русь называлась Святой Русью. Возникает вопрос: откуда это словосочетание — Святая Русь?.. ***Русь стала Святой Русью потому, что святость была доминантой жизни нашего народа****.*

Святой человек был положительным героем нашего эпоса, житийной литературы, а затем ***художественный образ святого человека вошел в классическую литературу****. Он потерял многие житийные черты святости, но образ положительного героя классической литературы — нашей общей литературы — дает замечательное понимание того, как святость, христианский образ жизни, высокая нравственность могут проявлять себя в конкретных жизненных обстоятельствах...*

Люди не устремлялись к богатству, хотя и не чурались этого; ***люди не устремлялись к тому, что сделало бы их успешными в этой жизни****, хотя и не чурались успеха. А* ***к чему устремлялся народ? К тому, чтобы достичь идеала святости****. Ясно, что в истории никогда не бывает, чтобы идеалы достигались в полной мере, и только, может быть, отдельным героям духа удавалось это сделать, но то, что святость была национальным идеалом, очень сильно отразилось на всей нашей истории; возможно, именно это обстоятельство спасло нас от страшного атеистического разгрома».*

Святая Русь, как духовная сущность, духовная субстанция, объединяющая народы «большой» России поверх национально-государственных границ, которая не отрицает национально-государственный, так сказать, частный и светский патриотизм, но возвышается над ним как качество принципиально более высокого уровня, — стала не только идеологической, но и прямо метафизической доминантой «явления» Патриарха своему народу во время украинского визита. В конечном счете, если не брать жившую в условиях относительной свободы белоэмиграцию и Зарубежную Церковь, здесь, в самой большой России (или, политкорректно выражаясь, «на постсоветском пространстве»), впервые после 1917 года именно этот глубинный архетип народного сознания, именно эта глубочайшая символическая мифологема была положена в основу ни много ни мало — **проектного вызова**, который Патриарх бросил Европе и вообще Западу.

«Я думаю, что наше единство — ***единство духовного пространства Святой Руси****, исторической Руси, — это огромной силы цивилизационный проект, и* ***ОН НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ВЕДОМЫМ****.* ***Он предназначен для того, чтобы генерировать идеи****, и это сейчас происходит;* ***он предназначен для того, чтобы бросать мировоззренческие вызовы****, на которые* ***другим потребуется ответить****. У нас есть* ***потенциал для развития подлинного диалога Востока и***

Запада — не диалога всадника с лошадью... *Единая Европа не может быть построена* ***по лекалам, которые не создавались нашей с вами великой цивилизацией, самостоятельной и самобытной****. Если мы хотим строить эту Европу, мы должны договориться о том, чтобы* ***СОЗДАТЬ НОВЫЕ ЛЕКАЛА****. Может быть, Господь приведет нас к этому, и мы сможем внести свой цивилизационный вклад в построение в мире тех справедливых отношений, о которых многие мечтают».*

Не политиканство в Церкви («политическое православие»), но **привнесение духовного измерения в саму политику, напоминание о Боге, о силе Божией, как не только высшем Судии, но непосредственном участнике самого исторического процесса** — стало доминантой выступлений Патриарха на Украине.

«В какой-то момент мы все нуждаемся в том, чтобы отдать свой разум благодати Божией. Человек часто противится действию благодати, стремится идти наперекор этому Божественному потоку. Но ***когда-то нужно отдаваться ему, особенно в критические моменты... в сложных вопросах истории****, в сложных и запутанных политических схемах современности мы, верующие люди... должны сопрягать проникновение в суть проблем с призыванием помощи Божией».*

Не «технологии» и приемы «миссии», не кураевско-мещериновская «просвещенность», но живая связь верующих и жаждущих веры сердец — стояли в центре его проповеди. Патриарх не раз говорил о вере встречавших его людей, о живо ощущаемой им силе духовной убежденности народа в истинности своей веры и своей Церкви как о самом сильном впечатлении за все время визита.

«Самое яркое впечатление — от встречи с верующими людьми... То, что я очень глубоко пережил — это горячую молитву людей в Киево-Печерской Лавре. Живая вера, которая настолько сильна, что способна переставлять горы (Мф. 17, 20)*... Я чувствую, насколько сильна и горяча вера православных украинцев. Благодаря*

этому и в советское время гонения не достигали цели; благодаря этому сегодня, несмотря на многие проблемы в общественной жизни Украины, у людей сохраняется... надежда и, я бы сказал, оптимистический взгляд в будущее».

Именно вера, по мысли Патриарха, является *«закваской солидарности всего общества»*, «*той силой, которая только и способна изменить жизнь к лучшему в этой стране, а все остальное вторично. Первична же сила народной веры и благочестия,* ***сила призывания имени Божия****, и будем молиться, чтобы эту простую мысль поняли все: и политики, и люди бизнеса, культуры, науки, и землепашцы, и рабочие; чтобы еще раз это поняли люди Церкви — священники и архиереи. Тогда, объятые общей силой веры и великим вдохновением, мы сможем сделать все, что благословит нам Господь, сможем преодолеть любые трудности»*.

Ключевые выступления Патриарха, его обращения к народу шли, мягко говоря, вразрез с рационалистическим посылом «нового», либерального богословия, представители коего не раз кощунственно посмеивались над тем, что они считают проявлением «народной веры», а не собственно православного Предания, например над величайшей святыней Православной Церкви — «Стопой Богородицы», хранящейся в Успенском соборе Почаевской Лавры. Как отличается **по духу и по стилю** от теплохладных построений протестантствующих, погрязших в богословском рационализме «миссионэров», например, вот это:

«Сегодня великий праздник: мы празднуем 450-ю годовщину со дня принесения на сию святую землю чудотворного образа, который стал щитом и великим символом надежды для тысяч и миллионов людей; мы прославляем силу Царицы Небесной, явленную всем нам, всему роду человеческому, через этот чудотворный образ. Потому и притекаем мы сюда в таком множестве, что ***знаем историю этих чудес, знаем не понаслышке****, потому что и сегодня многие люди, делясь друг с дру-*

гом, говорят о том, что совершила Божия Матерь в их жизни после молитвы ***на этом святом месте у чудотворного образа, у отпечатка стопы Царицы Небесной****. Мы прославляем Божию Матерь, Которая слышит наши молитвы и отвечает на них; именно в этом ответе и содержится основание нашей веры в то, что Она, Матерь наша, предстательствует за нас пред Престолом Сына Своего и молится за род человеческий».*

В главе **«Наши новые миссионеры» мы говорим, что**:

«***Задача проповедника, миссионера не в том, чтобы написать на религиозно девственном сознании современного человека свои произвольные письмена, а в том, чтобы ПРОБУДИТЬ, ВЫЗВАТЬ К ЖИЗНИ ДРЕМЛЮЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ КОДЫ, помочь людям осознать свое Православие не просто как культурную традицию, составляющую основу самоидентификации человека в истории и в окружающей реальности, но как именно веру, как двустороннюю связь со Христом, побудить его к началу активной церковной жизни».***

По существу, Патриарх во время украинского визита сделал именно это. Он «вызвал к жизни дремлющие социокультурные и духовные коды» православного сознания, сказал именно те ключевые слова, которыми обозначил свою глубинную духовную связь с народной общностью. И благодарно раскрывшаяся в ответ душа народа ответила ему самой искренней и горячей любовью. Тайна **духовной власти**, грубо попираемая в наши дни «технологами и пиарщиками», усиленно подменяемая суррогатами, рождаемыми в прокуренных «ситуационных комнатах» постмодернистских манипуляторов и регулярно ускользающая от них, превращающих все в «симулякр», вдруг «далась» — и перед лицом этой тонкой и грозной, опасной для безрелигиозного сознания реальности все «здешнее» (политические расклады, интриги политиканов, суета дворни и экспансия внешних сил) оказалось вдруг неважным. Электрическая дуга народной любви к своему отцу вдруг установилась

как ответ на обращение Патриарха к реалиям, рожденным в соработничестве Отца Небесного и народного гения. Украинские националисты и их помощники в РФ, заангажированные журналисты и раскольники, могут теперь сколько угодно рассуждать о «неудаче визита» — это шипение раздавленных. Однако раздавлены они оказались отнюдь не чисто человеческой силой, ловкостью и умением тех или иных церковно-политических персон, а силой Божией, **силой патриаршей харизмы**, даруемой при хиротонии, которая вдруг «сработала» именно тогда, когда тот, кому она дарована, отдался естественному чувству истории и неотвратимо действующих в ней духовных, неотмирных сил. На языке православного богословия это называется, если не ошибаюсь, «трансцендирование», преодоление человеком своей ограниченной и грешной натуры, прорыв в иное, к божественному замыслу о себе, когда Сам Бог начинает победоносно и неотвратимо действовать в человеке.

В 30-е годы XX века можно было сколько угодно заниматься партийными разборками, репрессиями в армии и чистками аппарата. Но в грозный для Родины час, в час, когда «враг у ворот», стало с неотвратимой ясностью ощутимо, что ничто не спасет. Кроме одного. И тогда прозвучало знаменитое: «Братья и сестры». И народ — измордованный, измученный (но, к счастью, недобитый), со своими не раз оплеванными святынями, неисправимо склонный вопреки всему — верить «царю», встал на защиту Отечества, про которое во время войны многие как-то стали забывать, что оно «социалистическое». И дошел до Берлина, свято поверив (иначе воевать невозможно), что «братья и сестры» — это всерьез. И не его, не народа, вина за последовавший после войны новый откат к государственному террору.

После последнего Собора можно было сколько угодно заниматься «реформой» всего, что попадет под руку, тасовать кадры, расставлять в нужных местах нужных людей, поощрять начатую уже в некоторых местах лом-

ку богослужения и продвигать вперед реформаторов в рясах. Однако в час «Х», когда горела земля и пришлось самолично спасать ситуацию после кучи дров, наломанных «новыми, молодыми и успешными», пришло безобманное чувство, что апеллировать нужно к тому, кто спасал Русь всегда, в самых страшных невзгодах и испытаниях, — **к православному народу**. И это чувство, не каждому даруемое, неотрывное от ***харизмы,*** — как обычно, не подвело. На площади Почаевской Лавры *своего Патриарха* встречали и называли «родненьким» отнюдь не десоциализированные отморозки, перед которыми, чувствуя их темную энергию и притягивающую «пассионарность», так заискивают в своей теплохладности «новые миссионеры», и не жалкие кучки «просвещенных христиан», вылезших на свет Божий со своих прокуренных либерально-образованческих кухонь. Но — Православный Народ, созидатель великой державы, держатель тех вечных **имперских смыслов**, которые неразрывно связаны с духовной реальностью Святой Руси. Все эти монахи, сельские священники, паломницы, без гроша преодолевающие огромные расстояния, чтобы приложиться к какой-нибудь святыне, православные педагоги, безвестные подвижники, всю жизнь тянущие приходскую лямку в безнадежной, ибо слишком уж далекой, глубинке... Народ, столько раз ошельмованный либерально-христианскими публицистами за его «темноту», «невежество», «склонность к суевериям и «диомидовщине»» и прямо «магическое сознание». И перед лицом **этого народа** — что могла сделать нанятая массовка «незалежных»?!

Патриарх на Украине открыл новую страницу в истории большой России. Ибо вызвал к жизни тот ***Большой Смысл***, который казался многим утерянным, но — таился в сокровенных глубинах истории. Теперь Рубикон перейден, и назад дороги уже нет. Ибо Церковь держится на духовных реалиях, и любовь народа — слишком серьезная вещь, чтобы относиться к ней без пиетета и без должного ответного чувства. Сказав «Свя-

тая Русь», придется соответствовать харизме, и держать в своем окружении безграмотно-местечковых «малерóв»[7] (выражение покойного В.Л. Махнача, Царствие ему Небесное) и кощунствующих «миссионэров», а также неудержимо тянущихся ко всякого рода моральной грязи, доносам и т.п. «фролеров» — совсем уже неприлично. И вряд ли совместима с этой апелляцией к Традиции и Большому Смыслу «реформаторская» ломка этой самой традиции, начиная с ее духовной, сакральной сердцевины — богослужебного строя Церкви[8]. Шутить с любовью народа, с духовным эросом Святой Матери Руси — плохая идея.

Итак, что же сказать нам в заключение? Только одно: мы, Церковь, русский православный народ, должны усиленно молиться за нашего Патриарха, вознося его святое имя за литургией. И не из «чисто человеческого», придворного угодничества. Но потому, что он — наш Патриарх, носитель дарованной от Бога харизмы, той Божией силы, которая преобразует человеческое и без которой все наши земные усилия тщетны. Патриарх Святой Руси, которая по нашим и его молитвам, вопреки нашему недостоинству, по всесильному произволению Божию может и должна воскресить — великую Россию.

Примечания

[1] Более подробный концептуальный анализ этой темы см. в главе «**Блеф "политического православия" и православная политика**». Нам **совершенно точно известно**, что **в свое время** эта наша работа послужила хорошим подспорьем для ответственных лиц УПЦ МП в ходе небезуспешных попыток развернуть деятельность так называемого Союза православных граждан Украины в более конструктивное русло. См. также: http://www.rusk.ru/st.php?idar=114099

[2] См., например, статью **А. Рогозянского «РПЦ в мире пиара»** (http://www.rusk.ru/st.php?idar=156081#form)

[3] Вместе с тем, однако, справедливости ради не можем не заметить, что в другом, так сказать, «спокойном» контексте Патриарх продолжает употреблять термин «субкультура» в необычайно ши-

роком значении. По-видимому, здесь не обходится без каких-то **внешних влияний**.

[4] Правда, несколько омрачает нашу неподдельную радость от чтения нижеследующих текстов включение нескольких кочетковцев (то есть как раз либеральных реформаторов именно в богословии) в состав Богословской синодальной комиссии и Межсоборного присутствия. Следует ли нам воспринимать сей прискорбный факт как простую недоработку, накладку или все же как некоторое расхождение слов с делами?

[5] Об этом см. в главе **«Модернистский соблазн», в части третьей — «Христианство в нагрузку»**. В **первой части этой главы** мы высказываем осторожную надежду на усиление взаимного понимания с Предстоятелем в недалеком будущем **(прим. 3)**. Радостно сознавать, что эта надежда в итоге оказалась не беспочвенной!

[6] Опять-таки не можем с искренней радостью не констатировать, по сути, полное созвучие наших давних идей и позиции Предстоятеля. На все эти темы см. нашу фундаментальную работу **«Христианская цивилизация: новый перелом?»** (http://www.pravoslavie.ru/jurnal/923.htm).

[7] Полная профнепригодность и несостоятельность как философа нового члена Богословской синодальной комиссии (!) и Межсоборного присутствия **А. Малера** убедительно показана в блестящей рецензии **Яны Бражниковой «Эластичное гипер-православие»** (http://www.pravaya.ru/idea/20/12715). О Малере см. также в главе **«Квартеронское счастье “православных неоконов"».**

[8] Главной задачей нового состава Богословской синодальной комиссии объявлено ни много ни мало, как... **написание нового катехизиса**! Значит, кого-то уже и катехизис не устраивает?! А ведь это уже сфера вероучения! И еще будут говорить, что «Второй Ватикан в РПЦ» — сказки... Если даже и катехизис будет «новым» (надо полагать, более «прогрессивным»), то что же тогда останется, так сказать... старого?

Приложения

Помолимся «папочке»

Письмо прихожан
Покровского храма
села Рузино Московской епархии

Дорогие братья и сестры!

8–10 октября 2007 года по благословению и при непосредственном участии настоятеля Церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Рузино Солнечногорского района Московской области **отца Максима Гудкова** часть прихода указанной церкви лукавым образом была вовлечена в участие в сектантском движении **«Альфа-курс»**.

Отец Максим предложил прихожанам паломническую поездку к мощам прп. Серафима Саровского в Дивеево, сказав, что организаторами паломнической поездки являются представители миссионерского отдела МП. Обрадованные возможностью поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского вместе со своим приходом во главе со своим настоятелем, прихожане отправились в паломничество на автобусе в 21 час 8 октября 2007 года. Представителями миссионерского отдела МП назвались иеромонах Павел, Вадим Вершинин и две женщины, имена которых мы не запомнили. Традиционно женщины приходят в храм и

отправляются к святыням в юбках и платках, а эти представительницы миссионерского отдела были одеты в брюки.

8 октября, как известно, Православная Церковь празднует память преподобного Сергия Радонежского. В этом году этот праздник попал на понедельник — рабочий день. Многие прихожане отработали целый день, кто-то ходил в церковь (в нашем храме литургии в этот день не было), естественно, хотелось отдохнуть, тем более что время было уже позднее. Мы думали, что можно соборно помолиться на ночь и устроиться поспать и отдохнуть перед напряженным днем в Дивеево. Однако представители миссионерского отдела предполагали иначе.

К нам обратился Вадим Вершинин и стал учить нас. В общем, смысл его речи был в том, что он решил (неизвестно, на каком основании), что мы неправильно веруем, и он будет нас учить, как правильно верить. Когда он начал нас учить, мы поняли, что он учит не как православный, а как протестант. Кто-то из прихожан даже сказал, что не радио ли «Теос» звучит. Вадим продолжал учить нас любви к Иисусу, так он называл Господа Нашего Иисуса Христа. Много он говорил и о Святом Духе, что не соответствовало учению Православной Церкви, а скорее представлениям о Святом Духе неопятидесятников... Многое он читал с какого-то листа, и мы подумали, что он еще учится в каком-нибудь учебном заведении и многого не понимает.

Наш отец Максим Гудков его не перебивал, не поправлял в соответствии с каноническим учением Православной Церкви. Многие уснули, кто-то не хотел слушать явную ересь, были и такие, кто выступил против насильственного обучения азам протестантизма. Поскольку было уже очень поздно, Вадим все-таки закончил свое выступление. Отец Максим прочитал правило преподобного Серафима Саровского и благословил на сон.

На следующее утро, 9 октября, когда Православная Церковь празднует память апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, представители миссионерского отдела решили, что паломникам необязательно идти в монастырь на Божественную литургию, хотя, когда отец Максим объявлял о поездке, он говорил, что именно в этот праздник мы будем в Троицком соборе на Божественной литургии. Автобус направлялся не в монастырь, а на святой источник преподобного Серафима Саровского в Цыгановке.

И с самого утра нас опять стали учить верить по-протестантски, теперь уже иеромонах Павел. Наши прихожане Игорь Дрождин и Светлана Карповская решительно выступили против навязывания нам протестантских, сектантских представлений о вере. Отец Максим резко осудил эти выступления, предложив покинуть автобус Игорю, который был с ребенком, и Светлане, которая была со своей пожилой мамой. Очевидно, что Игорь и Светлана мешали организаторам поездки проводить намеченные планы обучения наших прихожан новой вере. Отец Максим много говорил в поездке, что «все у нас теперь будет по-новому, что мы должны ему во всем доверять, безропотно слушаться его во всем».

До этой поездки мы и так доверяли отцу Максиму, любили его как своего верного православного пастыря. Но почему-то на фоне проповеди протестантизма и неопятидесятничества со стороны миссионеров пламенные призывы отца Максима безоговорочно доверять ему, устранение инакомыслящих в лице Игоря и Светланы воспринимались как авторитарные, присущие скорее лидеру секты, а не православному пастырю. Почему-то любовь, о которой так много говорили миссионеры и отец Максим, не распространялась на Игоря и Светлану и их родственников. Расценивалось это как неуважительное отношение к священникам.

Надо отметить, что против навязывания нашим прихожанам обучения неопятидесятничеству были не толь-

ко Игорь и Светлана, но и многие другие прихожане. На источнике преподобного Серафима Саровского миссионеры сказали, что необязательно посещать все четыре источника, связанные с батюшкой Серафимом, а достаточно одного. Тем самым они выигрывали свободное время для вечернего общения. После посещения святого источника нас повезли в гостиницу, где мы разместились и после этого пошли в монастырь. В монастыре свою экскурсию начал Вадим Вершинин, который решил, что необязательно сначала идти в храм поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского, а стал опять говорить о любви к Иисусу на площади перед храмом.

Те прихожане, которые уже поняли суть миссионерской проповеди иеромонаха Павла и Вадима, пошли поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского самостоятельно, прошлись по святой Канавке, а остальные всё это время на холоде слушали Вадима. Потом мы пошли на всенощную, приложились к св. иконам. Оказалось, что миссионеры не пошли на всенощную, а отправились в гостиницу. Видимо, иеромонаху Павлу и остальным миссионерам поклонение святым мощам преподобного Серафима Саровского и посещение всенощного бдения в монастыре необязательно и не являлось их духовной потребностью; не ходили они и на Божественную литургию, что вызвало недоумение и недоверие к этим миссионерам со стороны прихожан. Как может православный иеромонах приехать в святое место и не посетить всенощную и Божественную литургию?!

Самое главное меню всей поездки миссионеры подготовили на вечер 9 октября. Всем объявили, что после всенощной в гостинице состоится общий молебен. Часть прихожан решила помолиться перед святым Причащением келейно и, к своему счастью, не пошла на так называемый общий молебен. То, что происходило в гостинице вечером 9 октября под руководством иеромо-

наха Павла и отца Максима, трудно назвать молебном. Те, кто пошел на него, думали, что соборно помолятся батюшке Серафиму, а оказалось все иначе.

Все сели в крут, свет выключили, зажгли свечу и поставили в центр круга на пол. После замечания одного прихожанина свечу поставили в стакан на табурете. Некоторые думали, что вот-вот поставят икону перед свечой, но этого не случилось. Отец Максим обратился к прихожанам, что давайте познакомимся поближе, пусть каждый расскажет о себе, как он пришел к Богу, что у него болит, давайте все помолимся за него, давайте помолимся за каждого своими словами. В качестве примера начал свою исповедь перед всеми иеромонах Павел, потом остальные миссионеры, потом матушка Екатерина. Помолиться своими словами предложили под гитару. Когда зазвучала гитара, некоторые прихожане покинули этот странный молебен, не находя в нем ничего общего с православным молебном, тем более что нужно было рано вставать на литургию, помолиться на ночь, прочитать правило перед святым Причащением. Некоторые из тех, кто остались, как бы оцепенели и не смогли уйти, воспринимали это как шок. Были и те, кому все это понравилось, было интересно, их это взбудоражило.

В заключение этого странного молебна иеромонах Павел кинулся на колени, стал молиться своими словами за всех, обращаясь к Богу очень просто: «Папочка». Во время этого странного молебна родители, приехавшие со своими детьми, оставили их без присмотра.

В то время когда родители учились у иеромонаха Павла любить по-новому Иисуса, себя и своих близких, их дети баловались, прыгали, скакали и вопили до такой степени, что обслуживающий персонал гостиницы был шокирован, на их замечания дети не реагировали. Дети мешали отдыхать и молиться келейно тем прихожанам, которые не пошли на «молебен», а среди них были и

пожилые люди, очень уставшие за ночь в автобусе и за целый день.

На следующий день, 10 октября, мы пошли на Божественную литургию. Многие прихожане исповедовались и причастились. Все почувствовали Благодать Божию. На обратном пути, в автобусе, певчие нашего хора стали петь от всей души русские народные песни. Иван и Валентина Деревянко являются профессиональными певцами, создали фольклорный коллектив, который успешно выступает на самых разных сценах. Многие прихожане никогда не бывали на их концертных выступлениях и были очень обрадованы экспромтному пению наших певчих. Многие подпевали.

Однако миссионерам и отцу Максиму не понравилось, что прихожане пели русские народные песни, а вчерашним вечером под гитару своими словами молиться не стали. Грубо прервав и обидев певчих, отец Максим предложил просмотр видеофильма с выступлением владыки Антония Сурожского. Многие стали протестовать против просмотра фильма, но, видимо, программу миссионеров надо было выполнять.

Потом мы заехали в старинный город Арзамас в кафедральный собор, в котором поклонились многим святым иконам. На обратном пути миссионеры опять стали учить любви к Иисусу, но прихожане уже стали совместно противостоять насильственному, навязчивому проповедничеству ереси. Начали играть в города, чем вызвали крайнее недовольство со стороны отца Максима.

Паломническая поездка показала, что за 6 лет пастырского служения на нашем приходе отец Максим воспитал своих прихожан истинными православными христианами, которые на попытки миссионеров во главе с иеромонахом Павлом сделать приходу сектантскую прививку отреагировали по-православному.

Остается загадкой: что случилось с нашим отцом Максимом? Почему он решил учить наш приход верить

по-новому? Почему обманным образом втянул прихожан в круговое моление под гитару? Почему позволил иеромонаху Павлу вести свою паству? Почему держится в секрете фамилия иеромонаха Павла? В каком монастыре подвизается иеромонах Павел? Кто благословил иеромонаха Павла на подобные психологические практики? Почему, приглашая на дальнейшие встречи тех, кому понравилась эта новая вера, местом для встречи назначается станция метро? Знают ли в миссионерском отделе МП, представителями которого назвались иеромонах Павел и Вадим Вершинин, о методах их миссионерской деятельности?

Прихожане храма Покрова Божией Матери села Рузино Солнечногорского района Московской области:

Игорь Юрьевич Дрождин
Светлана Аркадьевна Карповская
Валентина Петровна Плюснина
Василий Павлович Вяткин
Татьяна Георгиевна Вяткина
Людмила Валентиновна Фийфер
и др.
21.10.2007

(Впервые опубликовано на сайте «Русская линия»: http://www.rusk.ru/analitika/2007/11/16/pomolimsya_papochke/)

«Я чуть было не потерял веру»

Открытое письмо
бывшего семинариста
иеродиакона Владимира (Морева)

«Здравствуйте! Я окончил одну из провинциальных семинарий. Когда мы с товарищами поступили на первый курс, все были православными воцерковленными людьми. Лишь несколько человек попалось "залетных", которые ошиблись с выбором учебного заведения. Всех нас с первых же дней учебы неприятно удивил преподаватель, подстриженный на манер ксендза, в футболке и спортивных штанах. Впоследствии оказалось, что он иеромонах и помощник инспектора. Насторожили нас и студенты, уже окончившие первый курс. Некоторые из них открыто высказывали экуменические и латинские заблуждения, курили и ругались матом. Мы, новички, вступали с ними в диспуты и негодовали, но оказалось, что это лишь "цветочки", а "ягодки" нас ожидали впереди.

На втором курсе стало еще сложнее. Некоторые предметы вели иеромонахи, в прошлом окончившие МДА. Все они были стриженые, и все с нескрываемой симпатией рассказывали о католичестве и экуменизме. Некоторые из них преподавали по католическим учебникам и книгам, заставляя нас наизусть заучивать огромные отрывки еретического содержания.

На втором курсе многие студенты увлеклись экуменической риторикой. Всем хотелось иметь хорошие оценки и слыть знатоком богословия. А для этого надо было пересказывать экуменические домыслы преподавателей или авторов экуменических учебников...

В итоге в классе образовались три группы: филокатолики — самая многочисленная, ортодоксы — сторонники православных канонов и догматов, которые были в значительном меньшинстве; а в третью группу входили сту-

денты, колебавшиеся между этими двумя "полюсами". Я... относил себя к третьей группе и старался больше присматриваться к тем и другим.

С каждым годом группа православных редела. К четвертому курсу расклад был такой: два ортодокса, человек шесть филокатоликов и остальных — двенадцать. Ортодоксам было нелегко: нередко приходилось выдерживать жесткий прессинг как от филокатоликов и их более умеренных собратьев, так и со стороны преподавателей католического направления. Студенты действовали грубостью, а преподаватели вливали яд экуменической ереси и католичества в души будущих священников. А ведь еще **преподобный Исаак Сирин** говорил: *"Ничто так не располагает душу к богохульству, как чтение книг еретических"*.

Мои симпатии к ортодоксам сблизили меня с ними, но иногда меня посещал злой дух сомнения в вере *и богохульства, который сеял в душе различные помыслы, говоря:* "А может, они (то есть преподаватели и студенты католического и экуменического направления) *правы? Может быть, действительно, католики не еретики?*" Борьба с этими сомнениями бывала иногда тяжелее, чем открытые дебаты.

Но постепенно я утвердился в православном понимании: ведь столько Святых Отцов ясно свидетельствуют, что католики — еретики!

Преподобный Феодосий Печерский пишет: *"Множеством ересей своих они* <латиняне> *всю землю обезчестили. <...> Нет Жизни Вечной живущим в вере латинской"*. **Святитель Марк Ефесский** учит: *"Мы отторгли от себя латинян не по какой иной причине, кроме той, что они еретики. Поэтому совершенно неправильно объединяться с ними. <...> Латиняне не только раскольники, но и еретики. Церковь молчала об этом потому, что их племя гораздо больше и сильнее нашего"*. **Преподобный Максим Грек** говорит: *"Я в своих сочинениях обличаю вся-*

кую латинскую ересь и всякую хулу иудейскую и языческую".

Однако, как свидетельствует русская народная пословица, вода камень точит. Когда человеку изо дня в день настойчиво повторяют одно и то же — что католики не еретики, католичество не ересь, а частное богословское мнение и т.д., — тогда, если он не будет молиться и читать Святых Отцов, ему не устоять в Православии.

Этот рассказ — лишь об одном, далеко не самом худшем духовном учебном заведении.

В некоторых семинариях и академиях ситуация еще тяжелее... Один мой знакомый студент, поступив в Санкт-Петербургскую духовную академию и проучившись там год, перешел из Православия к баптистам.

В Белгородской епархии преподаватель духовного училища священник Владислав Сохин, начитавшись экуменической литературы и отравившись ее ядом, оставил Православие, принял ислам и в настоящее время пишет статьи против Православия...

Конечно, было бы крайностью повально обвинять всех студентов духовных академий и семинарий, а также их преподавателей в склонности к экуменизму и латинству. Есть в этой среде и верующие люди, которые в меру своих сил сопротивляются ересям. Среди них можно назвать **иеромонаха Никанора (Лепешева) из Хабаровской духовной семинарии.** Однако, к сожалению, не они сейчас "задают тон" и "делают погоду" в духовных школах РПЦ, а такие крикуны, как **протодиакон-баснослов Кураев**, который разделяет **ересь Феодора Мопсуетского**, осужденную **Шестым Вселенским Собором**...

Какой толк в образовании, если после такого обучения человек становится еретиком?»

Иеродиакон Владимир (Морев)

Содержание

Предисловие автора 3

Призрак Второго Ватикана. Куда движется РПЦ? 7
Наши новые миссионеры 24
Как разрушают Церковь 38
Качели. Политтехнологии и Церковь
в «деле Диомида» 51

Россия и Церковь после Цхинвала 73
Конец эпохи? 86
Тайна Патриарха 90
Патриарх последних времен (О власти) 93

Модернистский соблазн.
«Наши новые миссионеры»
и философия постмодернизма 109

«Миссия» на марше.
О высказываниях протодиакона Андрея Кураева
по поводу Благодатного огня 155
О Благодатном огне и богословском рационализме.
Церковное святоотеческое предание
против новомодернистских трактовок
протодиакона Андрея Кураева 171

Тупик либерального христианства.
О неообновленческой экклезиологии
священника Георгия Кочеткова 198

Блеф «политического православия»
и православная политика 210

Владимир Соловьев и «соблюдающий игумен» 229
Кто разбрасывает камни?
Ответ иеромонаху Макарию (Маркишу) 246
Квартеронское счастье «православных неоконов».
Обитатели двойного дна рвутся на поверхность 262

В поисках Святой Руси.
РПЦ и русская идентичность 291

Приложения

«Помолимся папочке».
Письмо прихожан Покровского храма
села Рузино Московской епархии 307
«Я чуть было не потерял веру».
Открытое письмо бывшего семинариста
иеродиакона Владимира (Морева) 314

Владимир Петрович Семенко
КАК РАЗРУШАЮТ ЦЕРКОВЬ

Ответственный за выпуск П.Р. Николаев
Редактор В.Б. Захарова
Оформление и компьютерная верстка В.В. Иванов
Корректор Г.А. Островская

Форм. 60x90/16. Гарнитура «HandBook»
Заказ №
Тир. 3000 экз.